

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ЯНВАРЬ
2011**

ТЕВЕТ 5771

№ 1(225)

ЛЕХАИМ 1/225

Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненкова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова

Ишайя Гиссер
Галина Зеленина
Афанасий Мамедов
Ирена Подольская
Йеуда Рабейко
Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Переводчики
Юрий Табак (с. 7)
Ицхак Стрешинский (с. 16)

Художники
Павел Шевелев (с. 38–40)
Ann Sullivan (с. 59)
Юрий Пименов (с. 60)
Александр Горнов (с. 64, 67–69)
Екатерина Муратова (с. 72–75)
Дмитрий Шинбин (с. 77)

Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 55, 78–80, 100, 101, 103–106)
Дмитрий Пейсахов (с. 6)
Фото из архива Анатолия Белогорского (с. 24, 25, 28)
Clay Hutchison (с. 43)
Яков Окунь (с. 47, 48)

Фото из семейного архива Леонида Гиршовича (с. 50–53)
Фото из архива Павла Финна (с. 54)
Александр Ларцев (с. 56)
Афанасий Мамедов (с. 58)
Фото предоставлены ИКЦ (с. 100, 102)
Фото предоставлено театром «Каммершпиле»
(с. 108)

Фото предоставлены агентствами
Fotobank (с. 23)
East-News (с. 32, 44, 46, 111)
Chabad.org (с. 41)
РИА «Новости» (с. 60)

На обложке

На открытии церемонии «Человек года» в Кремлевском дворце съездов. 5 декабря 2010
года

Фото Вадима Бродского

Подписано в печать 16.12.10
Формат 60×90/8
Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л.
Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер
01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2010

Адрес редакции: 127018,
Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а
Тел. (495) 710-88-03
E-mail: lechaim (собака) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов
и кошерность рекламируемых продуктов
редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Ричард Никсон опередил эпоху на 40 лет. Ассанж лишь в наши дни взломал секретную переписку американских дипломатов (тоже мне сенсация – послы, оказывается, в меру своих литературных способностей потчевали начальство кухонными сплетнями в странах пребывания!). То ли дело 36-й президент США – он распорядился поставить прослушку в собственном, Овальном, кабинете.

Выходит, мания у него была такая – тайно записать, пусть и себя самого. Закончилось, напомним, все импичментом из-за Уотергейта, зато как интересно!

Итак, благодаря маленьким слабостям Никсона мы узнаём, что говорили в святая святых американской администрации допущенные туда, а стало быть, высокопоставленные политики, уверенные, что там-то их никто не «слушает».

Квакер Никсон относился со здоровым пренебрежением ко всем не англосаксонским американцам – ирландцам («пьянь»), итальянцам («мозги набекрень»), чернокожим («вырожденцы»).

Ясное дело, и евреи вызывали его интерес. Можно даже сказать, особенный – их в окружении Никсона хватало: его госсекретарем, министром иностранных дел, был еврей, говорящий на английском с тяжелым немецким акцентом, Генри Киссинджер. И следует заметить, что это близкое знакомство с потомками Яакова сделало Никсона убежденным антисемитом. Евреи, говорит он, резки, агрессивны и несносны. И все из-за комплекса незащищенности. Они все время должны что-то доказывать. Взять хотя бы Киссинджера!..

1 марта 1973 года. Никсон и Киссинджер принимают в Белом доме Голду Меир. Голда горячо благодарит Никсона за последовательную поддержку Израиля (и это сушая правда: Никсон был одним из вернейших друзей Израиля на посту президента США. В грядущей войне Судного дня, в критический для Израиля момент, Никсон объявит высшую готовность всех частей своих вооруженных сил). Израильский премьер также просит оказать давление на СССР с целью дать возможность эмигрировать советским евреям. Голда убеждает собеседника, что советские евреи в опасности, что почти неприкрытый государственный антисемитизм в СССР может привести к самым трагическим последствиям. Израильский премьер уходит, и Никсон обращается к своему ближайшему советнику – немецкому еврею, Б-жественным провидением избежавшему судьбы миллионов своих соотечественников и соплеменников, – за экспертным мнением. Киссинджер отвечает:

Yi eāāōēy māāōfēō āāāā īā yāyāōfī īāāī āōīī āāōīāē īfēōōēē NŌĀ. Āfēē Nfāōū fōīōāyō ēō ā āāfāīā ēāī āōū, yōī īā āī āōēāīfēāy çāāfōā Ī fāōō āūōū āū āfēōāāī āy çāāfōā...

Ну разве Никсон не прав, говоря о комплексах Киссинджера? Можно ли себе представить в 1973 году в Белом доме ирландца или англосакса, высказывающего подобные взгляды?

Мне же по прочтении этой стенограммы показался подобный сюжет знакомым. Порывшись в анналах памяти, вспомнил: в антиутопии Филипа Рота «Заговор против Америки» есть неправдоподобный, казалось бы, персонаж, реформистский раввин, близкий соратник профашистского президента. Он выступает за невмешательство США в «европейские дела» во время второй мировой войны:

«Это не американская война! Это европейская война!.. Я, друзья мои, американский гражданин, и как американец я спрашиваю: чем уменьшит мою скорбь вступление США в войну?»

Раббай Бенгельсдорф, помнится, при чтении показался мне несколько надуманным: еврей, не считающий необходимым участие США в прекращении Холокоста! Но он, по крайней мере, не говорил, что это не должно волновать США, что, даже если их отправят в газовые печи, это не американская забота...

Так что персонаж Рота, уже привычно считающегося возводящим напраслину на евреев, оказался менее циничным, чем реальный придворный еврей.

«Все время должны что-то доказывать...» Ущербные людишки. Обидно, но, похоже, в случае с Киссинджером абсолютно справедливо.

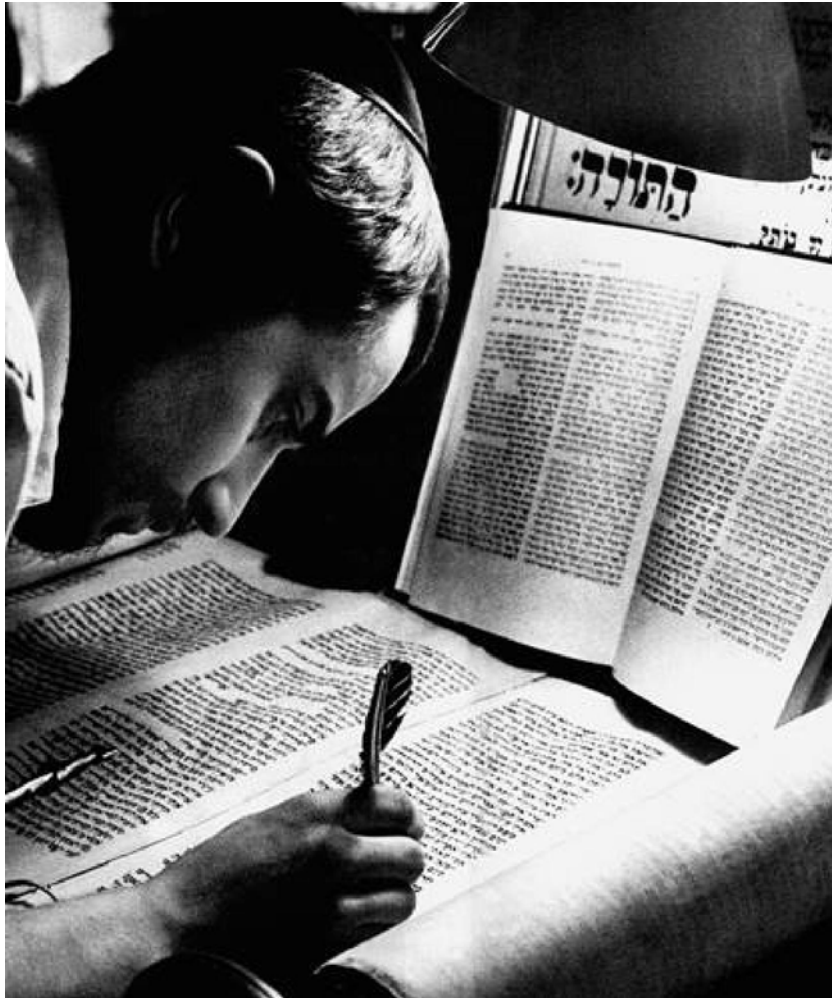
Браво, Никсон! Браво, Рот!

Агдо Агдо

СОЗНАНИЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ БЫТИЕ

(בִּי אֲדַנְיֶהָ יִי נִעְאִי עַב עֶר אֲאֵעֶ ׀ נֵי אִי דֵאָא)

Νῆπὸ ἀὰε οἰᾶε Ἐῖπῖο Ἀεῖ ςαὸῶε Ἀὰῖ αῖ Ἀῶαῖ Γᾶῶ

אַי יַעִי אֲוֶעָא

אַבֵּאֵי יֵאֲנֶעֶ עֵאֶוֶאֶב

В разных книжках можно встретить немало рассуждений, цель которых – «кошеровать» теорию эволюции и приспособить к ней утверждения наших мудрецов. Наверное, самое знаменитое – «Трактат об Ор а-Хаим», написанный гаоном рабби Исраэлем Лифшицем, автором комментария «Тиферет Исраэль» на Мишну.

Помимо прочего, для обоснования своих теорий он ссылается на мистиков. Признаюсь, для меня и многих других остается загадкой, где в напечатанных трудах по каббале он находит подобные идеи.

При всем уважении к познаниям автора в Торе, я считаю, что он извратил смысл некоторых утверждений наших мудрецов. Благодаря тому что остальная часть комментария к Мишне была принята и обнародована, произошла очень странная вещь.

За прошедшее время, особенно в наши годы, те «факты», на которых построен «Трактат об Ор а-Хаим», были опровергнуты наукой, однако многие ортодоксальные раввины публично заявляют, что согласны с выводами трактата и принимают представленную там интерпретацию высказываний наших мудрецов[1]. (По их словам, вопросы по поводу утверждений наших мудрецов, возникающие при изучении теории эволюции и дарвиновской теории, уже получили ответ в «Трактате об Ор а-Хаим».)

В самом деле, соображения автора были высказаны и напечатаны. И все же по самому тону этих писаний чувствуется: это не плод искреннего убеждения в достоверности теорий эволюции и Дарвина. Они преследовали определенную цель: доказать неевреям, что подтверждение этих теорий можно найти в Священном Писании и словах наших мудрецов.

Конечно, даже сами эти авторы признали, что их ответы вымучены и часто не соответствуют прямому смыслу стиха. Ими двигала потребность каким-то образом использовать эти теории, вопреки их изъяснам, чтобы попытаться «улучшить» отношение внешнего мира к нашей святой Торе.

ĪÄĒĪ DĀĪ ÄĀĪ - ÄÄÄ Ó×ĀĪ ÈB

Такой же подход демонстрируют даже величайшие из мудрецов, – например, Рамбам, о котором сказано: «От Моше до Моше не было подобного Моше». Всякий, кто изучает труд Рамбама «Яд а-хазака» (Мишне Тора), отчетливо видит, что его подход, представленный в другом труде, «Путеводителе растерянных» (особенно там, где он дает обоснования заповедей), не есть его подлинный подход к Торе[2].

То, что относится к Рамбаму, в еще большей мере свойственно многим еврейским религиозным философам Средневековья, а также и наших дней. Искажать сказанное нашими мудрецами – это попытка приспособить их к распространенным «научным» теориям. Они полагают, что тем самым будет освящено Имя Б-жье: дескать, к Его словам отнесутся более уважительно в различных сегментах еврейского и нееврейского общества.

ĒĪÄÄÄ ĒĪĪ DĪĪ ÈNŃĪ DĒÄĪÄÈÒĒ ĪÄÄÄŌĪĪĪ Ó DÄÇŌËÛŌÄŌŌ

Всем очевидно, что компромиссы неприемлемы в том, что касается практического исполнения мицвот. Когда же речь идет об объяснениях тех текстов Торы, которые кажутся противоречащими науке, иные люди доказывают, что только посредством «компромисса» можно «завоевать» молодежь, страстно верящую в науку и ее выводы. Однако мы видим, сколь катастрофичен такой подход: дело не только в его ложных посылах, но и в том, что он предполагает менее строгое исполнение Б-жественных заповедей, – более того, меньшее желание понести жертвы во имя их исполнения. И это вопреки тому, что именно наше «осиротевшее поколение» глубже прояснило положение дел в этих вопросах, даже ученые признают, что их выводы – это не более чем теории. <...>

Так, некоторые знатоки Торы приложили немало усилий, чтобы примирить прямой смысл стихов, повествующих о движении Солнца и Луны – «и восходит солнце, и заходит солнце»[3] – с подходом Коперника[4], который на протяжении веков считали непреложной истиной. Для них мицва – исказить смысл стихов, чтобы подогнать их под теорию Коперника.

Но впоследствии появилась теория относительности Эйнштейна, который доказал[5], что с точки зрения науки невозможно утверждать, будто какая-то из сфер неподвижна, а остальные вращаются вокруг нее: все они находятся в движении по отношению друг к другу. Поэтому столь же уместно и утверждение, что Земля неподвижна, а звезды вращаются вокруг нее; любые сомнения по поводу такой гипотезы могут быть в равной мере, с очень небольшими вариациями, отнесены и к противоположному утверждению[6].

Поэтому нет необходимости в иносказательной интерпретации этих стихов, в том, чтобы извращать их смысл искусственными толкованиями и т. д. Также и утверждения наших мудрецов можно воспринимать буквально.

Иллюстрация к стихотворению Ганса Сакса. Франкфурт-на-Майне. 1568 год

ἸΑΘΕΑ È ἸΪΔΑÄÄËΑΙ Ἰ ἸΝΟΥ

Все эти люди из лучших побуждений объясняли различные места Торы, допуская при этом расхождения с традиционными интерпретациями – и только по той причине, что ошибочно полагали: взгляды Торы (например, относительно возраста Вселенной) успешно опровергаются научными выводами. В противном случае они никогда не прибегли бы к новым интерпретациям текстов Торы.

Все апологетические труды или, по крайней мере, большая их часть были созданы вследствие этого ошибочного взгляда. В основу его положен принцип: «Можно отклониться от истины во имя мира»^[7], то есть пойти на несколько «законных» семантических уступок науке, если благодаря тому многие люди останутся верны Торе и ее заповедям.

Ошибочность этого подхода коренится в представлениях о достоверности выводов науки. (Вероятно, мы можем судить их не так строго и лучше понять такой подход к науке, учитывая, что в ряде случаев Тора относится к ней с большим доверием, чем современная наука – к самой себе. Например, закон требует^[8] нарушить Шабат в случае, если есть угроза человеческой жизни. Насколько велика такая угроза, приходится определять врачу. Есть много других похожих примеров.)

Οὐκ οἶνι-Βαὸἀγῆῦῤῥῆδο.

Ἐὲὸτῶἀὸῆῦ Ἰ. Οὲἰῶῶ 1847 ἄῶ

Αἰ ἰ ἔ ἰ ἄ ὀ ἔ ἔ ἂ ὀ ἰ ἄ ἄ ἂ ἔ ἵ ἄ ἔ × ἂ ἵ

Подобные попытки примирения Торы и науки отбрасывают нас в прошлый век, когда в ответ на догматическую позицию научного сообщества того времени разные религиозные деятели (в том числе рабби Шимшон-Рафаэль Гирш и его последователи) составили обширный корпус апологетической литературы. В своих «прогрессивных» общинах они не нашли ничего лучше для защиты истинного иудаизма Торы, как предложить искусственные, пустые интерпретации ряда мест в Торе, чтобы согласовать ее с преобладающими в этот период взглядами на мир. Нечего сомневаться, что они сами признавали: предложенные ими интерпретации противоречат истинной Торе. В порядке самооправдания, они полагали, что у них нет иного выхода.

Судя по ущербу, нанесенному их подходом – а его негативные последствия ощущаются и сейчас, – весьма вероятно, что он был ошибочен даже для того времени, несмотря, казалось бы, на его временную пользу. Убежден, в основе апологетических примирений лежит компромисс – а компромисс противоположен истине. И постепенно истина исчезает. Компромисс ослабляет и в конце концов уничтожает собственную основу. Даже выводы, достигнутые методом компромисса, верные сами по себе, когда совпадают с выводами, достигнутыми правильным методом, постепенно отпадают. Хотя я давно составил мнение на этот счет, мой опыт жизни в Соединенных Штатах и реальные события лишь укрепили меня в моих выводах.

Истина состоит в том, что никакие подтверждения не нужны. Поскольку наша Тора и истина – одно и то же, любое отклонение от нее, даже предпринятое с благими намерениями, в итоге приведет к ущербу, поскольку это все же не путь Торы. Есть ли кто-то более великий, чем еврейские мудрецы, жившие столетия назад?..

[1] В другом месте Ребе писал еще об одном апологете теории эволюции: «Даже при поверхностном прочтении становится ясно, что подход рабби Шимшона-Рафаэля Гирша совершенно не годится для сегодняшней Святой земли или Соединенных Штатов. По сути, такой подход может принести большой вред. Он смущает молодежь сомнениями, а также вопросами, вырванными из соответствующего контекста, и пытается дать на них ответ. Ведь никто не стремился в первую очередь ко всей сложности; по словам наших мудрецов, “чем проще, тем лучше”. Даже тот, кто воспитан в рамках такого подхода, лучше бы обошелся без всех этих ложных вопросов и пространных, сложных и опасных ответов. Надо идти по прямому пути – пути изучения Торы Израиля – как и наши предки, которых называли “верующие, сыны верующих”, не вторгавшиеся в чуждые области и светские науки» (Игрот кодеш, т. 19, с. 144).

[2] Необходимо помнить, что всякая область Торы или науки подчиняется собственному набору правил. Поэтому утверждения Рамбама в его философско-научных трудах не всегда соответствуют его же утверждениям в законодательных трудах. К примеру, в философском труде «Путеводитель растерянных» (3:26) Рамбам пишет, что не существует и не может существовать обоснований каждой отдельной детали заповеди. В то же время в своем законодательном кодексе (конец Темура) он заявляет: «Хотя все законы Торы суть Б-жественные установления, однако же стоит размышлять над ними и там, где это возможно, найти их обоснование». Аналогичным образом в Тшува, 3:4 (в конце Тахара) он предлагает этическое, чуть ли не символическое обоснование заповедей – «законов» и «Б-жественных установлений». Далее, в конце Меила, он перечисляет запреты на употребление свинины, одновременное употребление мясного и молочного, как «законы» – без всяких обоснований. Однако в «Путеводителе» (3:48) он утверждает, что такая пища отрицательно сказывается на здоровье. Абарбанель в своем комментарии на Тору (Ваикра, 11:13) категорически отвергает подобное толкование. Аналогичным образом Рамбан (Ваикра, 1:9) отвергает истолкование жертвоприношений Рамбамом («Путеводитель», 3:45-6), считавшим их не более чем средством, позволяющим евреям избежать идолопоклонства. См.: Ликутей Сихот, т. 16, с. 529 и т. 24, с. 149. См. также Биур а-Гра на Йоре деа (179:13) на предмет многообразных вопросов, вызванных правовым подходом Рамбама.

[3] Коелет,1:5. См.: Рамбам Йесодей а-Тора, 3:4, а также литургию на Шабат: «Кто отводит солнце с места его».

[4] В своей знаменитой книге, написанной около 450 лет назад, Коперник предположил, на основании астрономических расчетов, что Солнце, а не Земля, должно быть центром Вселенной, и все планеты (включая Землю) вращаются вокруг Солнца. Однако он подчеркнул, что сам не вполне в это верит. Скорее всего, он почувствовал, что с такой предпосылкой расчеты должны стать проще. Сторонники теории Коперника пошли дальше, заявив, что его подход несомненно верен.

[5] Разумеется, даже это доказательство исходит из нынешнего состояния научного знания. Любопытно, что именно теория относительности, которая по самой своей природе отрицает идею абсолютной истины, принята современным научным сообществом как абсолютная истина; при этом внутренняя противоречивость такой позиции не осознается.

[6] То же самое верно и в отношении евклидовой и неевклидовой геометрии. В прошлом априорные положения, на которых основана евклидова геометрия, принимали как абсолютную истину. Согласно же выводам современной науки, обе теории приемлемы, и любые сомнения относительно одной из них, с небольшими вариациями, могут быть отнесены и к другой.

[7] Йевамот, 65б, коммент. Раши.

[8] Шульхан арух, Орах хаим, 328:2; 329:1.

получил десять лет ссылки в Сибирь. Еврейская община была в шоке: этого человека знали как образец личной порядочности, за что же ему такая злая судьба?.. Накануне того дня, когда осужденному надо было выезжать к месту ссылки, он попросил черниговского раввина с ним встретиться и рассказал ему вот какую историю. Незадолго до того, как у него начались проблемы с законом, богач отправился по делам в другой город и вдруг узнал, что одним поездом с ним едет Любавичский Ребе. В то время любавичский хасидизм был уже известен по всей Российской империи, и неудивительно, что богачу захотелось увидеть цадика и попросить его благословения. Встреча состоялась прямо в купе железнодорожного вагона, Ребе внимательно выслушал рассказ предпринимателя о его бизнесе, а потом сказал: «Может быть, вам стоило бы заняться торговлей сибирским лесом? Вот вы говорите, что министр вам знаком – обратитесь к нему по этому вопросу...» «Я тогда очень удивился: с чего это Ребе вздумал давать мне советы в области, которой я занимаюсь профессионально много лет, а он не занимался никогда? Только теперь я понял, в чем дело. Ребе знал, что я должен оказаться в Сибири, чтобы выполнить там некую миссию, и посоветовал мне отправиться туда по делам бизнеса. Я его рекомендации не понял – и Б-г в результате отправил меня в Сибирь по суду...»

Эта история показывает, насколько важно для бизнесмена выполнять миссию, возложенную на него Б-гом. Если он поймет, чего Б-г хочет от него, какие конкретные задания ему дает, если сознательно сосредоточится на выполнении этих заданий – успех его личных дел будет гарантирован. И, что не менее важно, от его личного успеха выиграет и его страна, и общество.

ЦАРЬ ЯНАЙ И МУДРЕЦЫ

А́аи́еé Èáаéí

Смерть еврея, даже не слишком праведного, редко бывает поводом для радости. Однако второй день месяца шват – исключение из этого правила. По преданию именно тогда, во время осады крепости Регев, расположенной к востоку от Иордана, скончался царь Александр Янай (126–76 до н. э., правил с 103 до н. э.).

Второй царь из династии Хасмонеев, Янай был весьма успешным политиком: он намеревался объединить под своей властью всю Палестину, и в целом ему удалось решить эту задачу. Войска Александра полностью овладели приморскими территориями, простиравшимися от горы Кармель на севере до границы с Египтом на юге, а также, после десятимесячной осады, крепостью Гадара в Заиорданье.

О блистательных победах Яная подробно рассказал Иосиф Флавий в «Иудейских древностях». Знали о них и мудрецы Талмуда, в котором есть описание праздничного пира, устроенного царем в честь одной из побед:

Èáé-óí òáðü Bíáé íðáü ðéíýé ííóíá á íáíóííþ Èíóáééò [á Òðáííéíðááíéé] é çáðááòéé òáí óáíóíáíýò áðíáíá Íí áíçáðáíáíéé Íí áíððíéé íðáçáíé-íúé íéð, éúáá íðéááíéé áíóò í óáðáíá Èçðáééý. Néáçáé èí òáðü íáóé íðááéé, ðòðéáóéá Áðíðíé òðáí, áéé í áéíáí [íí-éòááóéáíý íéíáé áááí ýéíá] - áóááí æá áíóü í áéíáí á íáí ýòü í íáóéò íðááéáð. Í íááéé í áéíáí íá çíéíòüò áéþááð, é Íí é áéé.

(Áááééíííééé Òáéí óá, Èéááóéí, óá)

Òáðü Áéáéíáí áð Bí áé.

«Íí áðáí éá èç áðááéí éé áíááþ íéðíý éþááé».

1553 áá

Èçááí éá Áééíí á Òéééý

Однако политические успехи царя не слишком впечатляли тогдашних мудрецов, поскольку Александр по религиозным убеждениям склонялся к саддукеям – религиозно-политической партии, отрицавшей святость Устной Торы.

Впрочем, нельзя исключить, что фарисеи, идеологические противники саддукеев, в значительной степени сами спровоцировали этот конфликт. Как и его предшественник Аристокбул, первый царь хасмонейской династии, Янай был одновременно царем и первосвященником. Фарисеи решительно возражали против этого «совместительства». Дошло до того, что, увидев царя в нагруднике

первосвященника, один пожилой фарисей, Йеуда бен Грейда, при всех заявил: «Царь Янай, довольно тебе царской короны! Оставь корону священства потомкам Аарона» (Вавилонский Талмуд, Кидушин, 66а).

На первый взгляд это требование выглядело странно. Александр Янай, как и все Хасмонеи, потомок знаменитого священника Матитьяу, был и «потомком Аарона», а значит, по праву занимал пост первосвященника. Проблема, однако, заключалась в том, что, согласно многочисленным слухам, Александр Янай родился в то время, когда его мать находилась в плену у Антиоха Эпифана, а его отцом был какой-то греческий солдат (Кидушин, 66а; Иудейские древности, 13:13:5).

Поэтому неудивительно, что подобные заявления царь рассматривал не только как политический вызов, но и как личное оскорбление (тем более что слухи в данном случае не соответствовали действительности). Тем не менее Янай долго не хотел применять репрессии к фарисеям, поскольку опасался, что это нанесет удар по изучению Торы. Однако лидер саддукеев Элизер бен Нуэра заверял его, что благодаря реформам Эзры «Тора лежит на всех углах» – то есть во всех синагогах имеются свитки Торы, которые читают трижды в неделю, – а потому нет нужды в особых хранителях Традиции (Устную Тору, напомним, саддукеи не признавали).

Развязка наступила в один из праздников Суккот. По традиции в какой-то из дней праздника в Храме происходила особая церемония – возлияние воды на жертвенник: «Как совершалось возлияние воды? Специальный золотой сосуд, вмещающий три лога, наполняли из Шилоаха. Достигли водяных ворот – протрубили протяжно, прерывисто и снова протяжно. Поднялся по пандусу и повернул налево – две серебряные чаши стояли там. И нечто вроде тонких носиков было у них, через которые выливались вино и вода – один пошире, а другой потоньше, чтобы и вино, и вода выливались одновременно. Западная чаша предназначалась для воды, восточная – для вина» (Сукка, 4:9).

Этот обряд, известный благодаря Устной Торе, совершали только во время праздника Суккот. Торжество это, очень популярное в народе, сопровождалось радостью и весельем.

В этот день царь Янай исполнял в Храме обязанности первосвященника. Ему подали воду в золотой чаше для возлияния на жертвенник, согласно обычаю. Но саддукеи не признавали этого обряда, поскольку он не упомянут в Торе. И царь, в угоду саддукеям, демонстративно вылил воду на землю.

Народ, возмущенный нарушением любимого и популярного обычая, отреагировал на это мгновенно: «Однажды некто вылил воду для возлияния себе на ноги, и весь народ закидал его своими этрогами» (Сукка, 4:9).

Иосиф Флавий сообщает дополнительные трагические подробности этих событий. Оскорбленный и разгневанный царь приказал своим наемным солдатам-язычникам усмирить народ. В результате 6 тыс. иудеев было убито во дворе Храма! Кроме того, Янай распорядился отделить деревянной перегородкой алтарь и часть Храма вплоть до того места, куда имели право доступа одни лишь священнослужители (Иудейские древности, 13:13:5).

После этого народ открыто возненавидел Яная. Вскоре, когда царь вернулся из неудачного военного похода, в Иерусалиме вспыхнуло восстание.

Гражданская война между Янаем и фарисеями продолжалась шесть лет. Поскольку народ сочувствовал фарисеям, Александру Янаю помогали сражаться с восставшими наемные войска, проявлявшие чудовищную жестокость. Впрочем, противники Яная тоже прибегли к помощи неевреев, заключив союз с царем Сирии, который напал на Иудею в 89 году до н. э. Потерпев поражение от сирийского царя, Янай бежал и скрывался в горах.

Вскоре царю удалось завоевать крепость, где находилось множество фарисеев. Все они были пленены и отправлены в Иерусалим. Александр Янай жестоко отомстил им, распяв 800 фарисеев на крестах: «Овладев [восставшими против него] иудеями, он отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать их на виду всех жен и детей. Таким образом, он наказал их за все причиненные ему огорчения, и это возмездие превзошло все, что когда-либо совершалось в этом роде» (Иудейские древности, 13:14:2).

Казнь на кресте считалась крайне жестокой. В еврейском праве подобной казни нет – Янай заимствовал эту карательную меру у римлян, которые применяли ее против государственных преступников.

Жестокость царя Яная потрясла современников. Народ прозвал Яная «фракийцем», то есть дикарем, варваром. Во время разгоревшейся гражданской войны, как уверяет Иосиф Флавий, погибло около 50 тыс. евреев (Иудейские древности, 13:13:6).

Уцелевшим фарисеям пришлось бежать из Иудеи. Одни из них нашли приют в Сирии, другие укрылись в Египте. Среди последних оказались рабби Йеуда бен Прахья и рабби Йеуда бен Табай, выдающиеся в ту пору знатоки Торы. Они поселились в Александрии, где в те времена была большая и процветающая еврейская община. Политика Яная нанесла страшный удар по изучению Торы. Десятки мудрецов погибли или бежали из страны, их ученики рассеялись. Возникла реальная опасность, что традиция может прерваться.

Этого, к счастью, не произошло. Одержав победу в гражданской войне, Янай приступил к новым завоеваниям. Он провел успешную кампанию против филистимлян, захватил значительную часть территории в Заиорданье, с переменным успехом воевал с сильным царем Аравии и с другими соседями. Однако здоровье Яная уже было подорвано. В одном из военных походов он заболел злокачественной лихорадкой и умер. Нетрудно догадаться, что народ не скорбел о нем.

Впрочем, если верить Иосифу Флавию, перед смертью Александр Янай раскаялся в том, что его внутренняя политика препятствовала изучению Торы. В частности, он оставил своей жене Шлом-Цион (Александре-Саломее) такое завещание: «По прибытии в Иерусалим призови к себе самых влиятельных из них (фарисеев), покажи им мой труп и предоставь им поступить с ним как угодно, захотят ли они в гневе лишиться меня погребения за все нанесенные им мною обиды, или как-нибудь иначе опозорить меня. При этом обещай им не предпринимать ничего в делах правления помимо их совета. И вот, если ты так скажешь им, то они и меня удостоят более почетных похорон, чем могла бы ты устроить мне, так как они уже более не захотят обидеть мертвого, да и ты будешь править спокойно».

*Î à îãããî àî îãããî - ãñããî èõã õãõÿ Æããããã ãõã Æîãÿ, îõããããõãã Æõãããã ã 103-76 ãããõ ãî î. ÿ.
Î àî îõãã Æîõõõõõã ã Æõãããõõõõõ ã õãã*

Талмуд описывает «раскаяние» Яная несколько иначе: согласно Гемаре, он обратился к жене с такими словами: «Не бойся фарисеев, но бойся лицемеров, подражающих фарисеям. Ибо они ведут себя, как Зимри, а ожидают награду, подобную награде Пинхаса» (Вавилонский Талмуд, Сота, 22б).

Согласно Торе, Зимри был одним из князей колена Симона; он демонстративно сошелся с мидьянской женщиной и был убит за это священником Пинхасом (см. Бемидбар, 25:6-9). Иными словами, Янай считал значительную часть своих политических противников лицемерами (кстати, это утверждение мы находим и в Талмуде, в том же трактате Сота), однако понял, что среди них есть настоящие праведники и мудрецы, которых ему нечего опасаться.

Так или иначе, вдова Яная, царица Александра, и ее брат Шимон бен Шетах, один из величайших мудрецов своего поколения, полностью изменили внутреннюю политику страны. Оставшихся в

живых фарисеев амнистировали, а эмигранты вернулись на родину. Среди тех, кто вернулся из Египта в Иудею, был и Йеошуа бен Прахья. Иерусалим вновь стал центром изучения Торы.

Еврейская традиция по достоинству оценила деяния Александры-Саломеи и Шимона бен Шетаха, отвергших политическое наследие Яная. По словам Талмуда: «Весь мир оставался пораженным совершенной Янаем казнью законоучителей, пока не явился рав Шимон бен Шетах, возвративший Торе ее исконное величие» (Вавилонский Талмуд, Кидушин, 66а).

А день смерти «фракийца» надолго стал праздничным для всех изучающих Тору.

«МАМА ЛЮБАВИЧЕЙ»

Йеуда Векслер

Десятое швата хорошо известно: в этот день скончался шестой Любавичский Ребе, рабби Йосеф-Ицхак (Раяц) Шнеерсон, и хасидское движение Хабад возглавил рабби Менахем-Мендл Шнеерсон. Он стал седьмым Любавичским Ребе[1].

Однако 10 швата имеет еще один аспект, особо отмеченный Ребе Раяцем в заглавии знаменитого маамара «Бати ле-гани». Он написал его и отдал в печать заранее, указав, что учить его нужно 10 швата (то есть в день его смерти). Перед началом маамара написано: «Годовщина смерти моей почитаемой бабушки, праведной ребецн госпожи Ривки, душа которой в Ган Эдене – да защитят нас ее заслуги».

Этой знаменитой женщине – одной из самых выдающихся в династии глав Хабада – мы посвящаем эти строки.

Daááé Éíñó-Éöðáé Oíááñí

Особая связь с бабушкой Ривкой возникла у Ребе Раяца в раннем детстве. В одну из зимних суббот, когда мама его уехала в Витебск, отец, Ребе Рашаб (рабби Шолом-Дов-Бер), сказал ему одеться, сам облачился в субботнюю шубу, взял сына на руки и отнес к бабушке Ривке, которая жила в отдельном флигеле. Велев мальчику сидеть тихо и слушать все, что расскажет бабушка, Ребе Рашаб ушел, а она рассказала внуку замечательную историю о праотце Аврааме, и он впервые узнал о том, как еврей жертвует собой во имя веры в единого Б-га. «Рассказ этот захватил мое сердце, – вспоминал позже Ребе Раяц, – и с тех пор каждую неделю, после зажжения субботних свечей, я приходил к бабушке, и она читала мне из своей большой книги и рассказывала замечательные истории».

Как необыкновенная рассказчица Ривка прославилась еще в юности. По словам Ребе Раяца, все ее повествования были очень последовательны и звучали необычайно живо. Рассказывая, она словно переносилась в то время, когда впервые услышала ту или иную историю, и заново переживала ее, поэтому все звучало очень свежо. Отца своего Ривка не помнила: рабби Мойше Александров из Шклова умер, когда она была совсем маленькой. Но у нее сохранилась книга, написанная им от руки. Она содержала множество достоверных рассказов о Бааль-Шем-Тове и его учениках, о Межеричском Магиде и его учениках, а также о выдающихся хасидах Шклова. Эту книгу Ривке подарила мать, Сара, дочь второго Ребе Хабада, рабби Дов-Бера (Среднего Ребе), на девятый день рождения. Ривка очень дорожила этой книгой и читала ее ежедневно, пока не выучила наизусть.

Затем она сама начала записывать то, что слышала от матери, тетки (сестры матери) и от бабушки Шейны. Так, к тринадцати годам Ривка составила свою рукописную книгу, в которой было точно отмечено, при каких обстоятельствах, когда и от кого услышала она каждую историю. Ривка собирала у себя маленьких девочек из своей семьи и рассказывала им все, что знала, о великих предводителях хасидизма и о падиках, вышедших из ее семьи. Услышав об этом, дядя Ривки, Ребе Цемах Цедек, позвал ее к себе и спросил, откуда она знает так много. Ответ ее очень обрадовал Ребе, и он попросил, чтобы девочка дала ему почитать книгу своего отца, прибавив: «Рассказы твоего отца нужно изучать».

В 1849 году, перед свадьбой с младшим сыном Любавичского Ребе Цемаха Цедека, рабби Шмуэлем (впоследствии четвертым Любавичским Ребе, известным как Ребе Маараш), Ривка получила от матери еще один драгоценный подарок: две рукописные книги ее отца. Одна из них была посвящена тому, что отец Ривки сам видел и слышал от первого Ребе Хабада, рабби Шнеура-Залмана (Алтер Ребе), и тому, что он слышал о нем от других. Во второй книге он писал о тесте – рабби Дов-Бере, и она содержала много рассказов о нем. Вскоре после этого Цемах Цедек позвал к себе всех своих невесток, живших в Любавичах, и велел им завести такой обычай: на исходе каждой субботы рассказывать истории о Бааль-Шем-Тове.

Традиция эта шла от Алтер Ребе, считавшего хасидский рассказ чрезвычайно важным средством воспитания. По настоянию Алтер Ребе все его сыновья и внуки каждый день, закончив занятия в хедере, должны были находиться среди хасидов и прислушиваться к тому, что те рассказывают. И Раяц вспоминал, что рассказы его бабушки оказали огромное влияние на то, что его воспитали как хасида. «В течение тех часов, когда она описывала различные времена и события, я в известной мере все это переживал в своих ощущениях, что оставляло внутри меня неизгладимый след, а в уме моем возникали живые картины: образы великих личностей и события их жизни». Очень многое, услышанное им от бабушки, Ребе спустя много лет пересказал хасидам, сделав широко известным то, что ранее оставалось внутрисемейным достоянием наших учителей.

А к Ривке каждую субботнюю ночь начали приходить и другие женщины, жительницы Любавичей, чтобы послушать ее рассказы.

Ривка была не только живым источником сведений об истории хасидизма, его главах и выдающихся представителях. Она сама была образцом хасидской женщины – цельной, гармоничной и совершенной. Недаром великий Цемах Цедек, дядя и свекр Ривки, удостоил ее особого внимания и симпатии.

*בראשית-תע"ז סע"טא א"י א"ת-א"ת «לאו דעא» יא לאעאעאא-ד"א,
י אע"קוד, לא"ו דאע"י*

Через два года после замужества с Маарашем Ривка заболела. Врач посоветовал ей принимать пищу сразу после пробуждения ото сна. Однако она не хотела ничего есть перед молитвой, поэтому стала вставать раньше, молиться, а потом завтракать. Узнав об этом, ее свекр Цемах Цедек сказал: «Еврей должен быть здоровым и сильным. Про заповеди сказано: “И будет жив в них” (Ваикра, 18:5); это означает, что нужно вносить в заповеди жизнь. А чтобы вносить в заповеди жизнь, необходимо самому быть сильным и веселым». И Цемах Цедек закончил: «Ты не должна молиться натощак. Лучше есть ради того, чтобы молиться, чем молиться ради того, чтобы есть». И он благословил ее долголетием.

Рассказывая эту историю одному хасиду при личной встрече, Рашаб прибавил: «...И нужно делать это с весельем!»

Муж Ривки, Любавичский Ребе Маараш, прожил только 48 лет – меньше всех других глав Хабада. Известно, что в начале осени 1882 года, накануне Рош а-Шана, еврейского Нового года, он сказал жене несколько слов, из которых она поняла, что конец его жизненного пути очень близок. (И действительно, Маараш скончался ровно через две недели.) На вопрос ее: «А что же будет с детьми?» – он ответил: «Я поднимусь на тридцать две ступени вверх, а ты поднимешься на тридцать две ступени вниз». И Ривка поняла, что ей предстоит прожить еще тридцать два года.

После кончины Маараша она жила в его квартире и, проявляя истинное самопожертвование, творила добро: делала все, что могла, а иногда выходила за пределы своих возможностей. Ни одно празднование бар мицвы или свадьбы в Любавичах не происходило без ее активного участия. С любыми проблемами люди бежали к ней за советом, а зачастую – и за действенной помощью. Стихийно сложился такой обычай: каждую субботу после молитвы хасиды приходили к ней, чтобы совершить кидуш, закусить и посидеть вместе, устроив хасидский фарбренген. А перед праздником Песах именно в доме ребецн Ривки пекли мацу для всего дома Ребе – мацу самой высокой кошерности, с соблюдением всевозможных предосторожностей.

Сын Ривки, пятый Любавичский Ребе Рашаб, очень хотел создать ешиву особого типа: чтобы в ней, наряду с Талмудом и Алахой, важное место занимало изучение хасидизма. Однако средств для этого не было, и изыскать их он тоже не мог. Наконец, в 1897 году, Ребе Рашаб на свой страх и риск собрал учеников и основал ешиву, однако будущее этой ешивы было весьма неопределенно. Ребе поделился своими опасениями с матерью, и она воскликнула: «В чем же дело? Что мы едим, то и они (то есть ученики) будут есть!» Ривка взялась обеспечить учеников питанием, поэтому отчасти ее заслуга в том, что ешива «Томхей тмимим» пережила очень тяжелые времена, выросла, укрепилась и выдержала гонения советской власти. Ныне учебные заведения «Томхей тмимим» есть почти во всех странах мира, и это тоже заслуга ребецн Ривки. Для учеников ешивы, особенно тех, чьи родители жили неблизко, она стала настоящей матерью и, говоря о них, называла их ласково: «дети».

Перед Йом Кипуром ребецн Ривка выпекала огромные пироги на меду – леках – и в канун великого дня раздавала куски: сначала Ребе Рашабу и его семье, потом – ученикам ешивы «Томхей тмимим», а затем – всем, кто просил у нее «а штикл леках»^[2]. Однажды Ребе Рашаб попросил у матери «а

штикл леках» и при этом извинился за то, что не исполнил ее желания, сосватав сына, Ребе Раяца. «Сын мой, – ответила Ривка, – я расскажу тебе одну историю.

Однажды один ишувник[3] отправился в город на Йом Кипур, договорившись со своими домочадцами, что будет ждать их в известном месте под деревом. Он прибыл туда раньше, а они задержались. Усталый ишувник решил вздремнуть. Тем более что утром, за праздничным столом, он несколько раз произнес “лехаим”. Он уснул, а проснувшись, увидел, что день клонится к вечеру. Очевидно, домочадцы проехали мимо, не заметив его. Что делать? Времени уже не оставалось ни на то, чтобы добраться до города, ни на то, чтобы вернуться домой. Бедняга воздел руки к небу и завопил: “Властелин мира! Дети мои обо мне забыли, но все-таки я им прощаю. Так прости же и Ты Своим детям, которые о Тебе забыли!”»

Ó-áí eöü øēīēü «Ááèò Dèáá» íà í ðíáíeáá Í íþ-Éíðé

И ребецн Ривка закончила: «Дай Б-г, чтобы Всевышний простил так всем нам, как я тебе прощаю!»

Каждый день, несмотря на свою занятость, Ребе Рашаб – если только был в Любавичах – заходил к матери. Он готовил чай, наливал стакан и подносил ей, а пока она пила, сидел за столом рядом с ней и терпеливо отвечал на все ее вопросы. Даже летом, когда Ребе Рашаб жил на даче на порядочном (по тем временам) расстоянии от Любавичей, он по крайней мере раз в неделю приезжал в Любавичи и заходил к матери, чтобы уважить ее и выразить любовь к ней.

В последние годы жизни ребецн Ривка много и тяжело болела. Она нередко упоминала о том, что умрет, прожив 80 лет. Это следовало из благословения долголетием, полученного ею от дяди и свекра, Цемаха Цедека. «Дней нашей жизни – в них семьдесят лет, а если в силе большой – так восемьдесят», как сказано в «Теилим» (90:10). Значит, семьдесят лет – срок обычной жизни, а восемьдесят – уже «долголетие». И еще, как говорилось выше, муж Ривки, Ребе Маараш, незадолго до своей кончины намекнул ей, что она проживет после него еще 32 года – а они истекали в 1914 году, когда ребецн Ривке должно было исполниться 80 лет.

Незадолго до смерти Ривка упомянула, что у нее хранится простыня, которой осушали после омовения в микве перед погребением тела Старшего Ребе, Среднего Ребе, Ребе Цемаха Цедека и ее мужа, Ребе Маараша. Однако простыня давно затерялась, Ривка искала ее и не могла найти, а теперь вот она вдруг нашлась.

Это означало, что простыня скоро понадобится для погребения ребецн Ривки.

А уже в месяце шват, незадолго до кончины ребецн Ривки, во время молитвы в Большом зале ешивы, когда свиток Торы нужно было после чтения поднять и показать всем присутствующим, он вдруг выпал из рук того, кто держал его. Как предписано Алахой, все, кто видел это, постылись весь тот день, чтобы предотвратить беду, однако у всех осталось впечатление, что этот случай предвещает несчастье.

В четверг, 9 швата, когда день клонился к вечеру, ребецн Ривка вдруг заговорила о своем свекре, Ребе Цемахе Цедеке, и о муже, Ребе Маараше, и рассказала очень много историй о них.

Сын ее, Рашаб, тогда был за границей, и около ребецн Ривки постоянно находился ее внук, Ребе Раяц. Всю ночь с четверга на пятницу он провел у кровати бабушки. Утром она попросила молитвенник, прочитала «Шма, Израэль» и молитву Шмоне эсре, а затем положила обе руки на голову Ребе Раяца и сказала: «Спасибо тебе за заботу». Он взял молитвенник, чтобы положить его на полку, а когда опять повернулся к бабушке, она уже была мертва.

Несмотря на глубокое горе, Ребе Раяц взял на себя все заботы, связанные с погребением: ведь была пятница, и ребецн Ривку предстояло похоронить до наступления субботы. Обсуждался вопрос о выборе места для могилы: похоронить ли ребецн Ривку рядом с женами прежних глав Хабада или рядом с ее мужем, Ребе Маарашем (а, значит, и рядом с Цемахом Цедеком, чья могила была тут же). Снести с Ребе Рашабом было невозможно, и Раяц решил этот вопрос сам: ребецн Ривку положили рядом с Маарашем и Цемахом Цедеком. Позже Ребе Раяц объяснил свое решение так: «Когда будут приходить к ним, то придут и к ней: она знала их всех». И Рашаб, вернувшись из-за границы, одобрил выбор сына, сказав: «Ты сделал очень хорошо».

Провожать ребецн Ривку пришли все жители Любавичей. Все женщины и очень многие мужчины горько плакали, а Ребе Раяц так рыдал, что не мог идти: его приходилось поддерживать. «Взят у нас венец великолепия всей семьи...» – горестно повторял он. Все время раздавались возгласы: «Умерла мама Любавичей!..»

По окончании семи дней траура Ребе Рашаб писал своей невестке Нехаме-Дине, жене Ребе Раяца: «Нет слов, чтобы выразить наше огромное горе. Взят свет великий и святой из нашего дома. Сердце мое не принимает утешений о нашей огромной потере, и особенно скорблю я о том, что не был около нее, когда она передала душу свою святую и чистую Б-гу живому... Единственное мое утешение – что и сейчас она живет с нами, и где мы находимся – там находится и она с нами. Я надеюсь, что Святой, благословен Он, не даст исчезнуть святой памяти о ней вечно – и у нас, и у потомков наших до конца света».

Всевышний забрал ребецн Ривку из этого мира так, как Он забирает самых великих праведников, чтобы сберечь их покой. Например, Метушелаха – перед самым началом Всемирного потопа, чтобы он не увидел, как Всевышний карает человечество (см. Берешит, 7:4, комм. Раши); Авраама – даже на целых пять лет раньше срока, чтобы он не увидел, как внук его Эсав пойдет по дурной дорожке (см. Берешит, 15:15, комм. Раши). И так же – ребецн Ривку: за полгода до начала первой мировой войны, принесшей евреям множество страданий и открывшей десятилетия нескончаемых и неисчислимых бед.

А в 1942 году, основав сеть любавичских женских школ (распространившуюся потом по всему свету), Ребе Раяц дал ей название «Бейт Ривка» («Дом Ривки») – в честь своей бабушки, ребецн Ривки.

[1] Ст. Йома, 38б: «Прежде чем уходит из мира один цадик, появляется другой цадик, подобный ему».

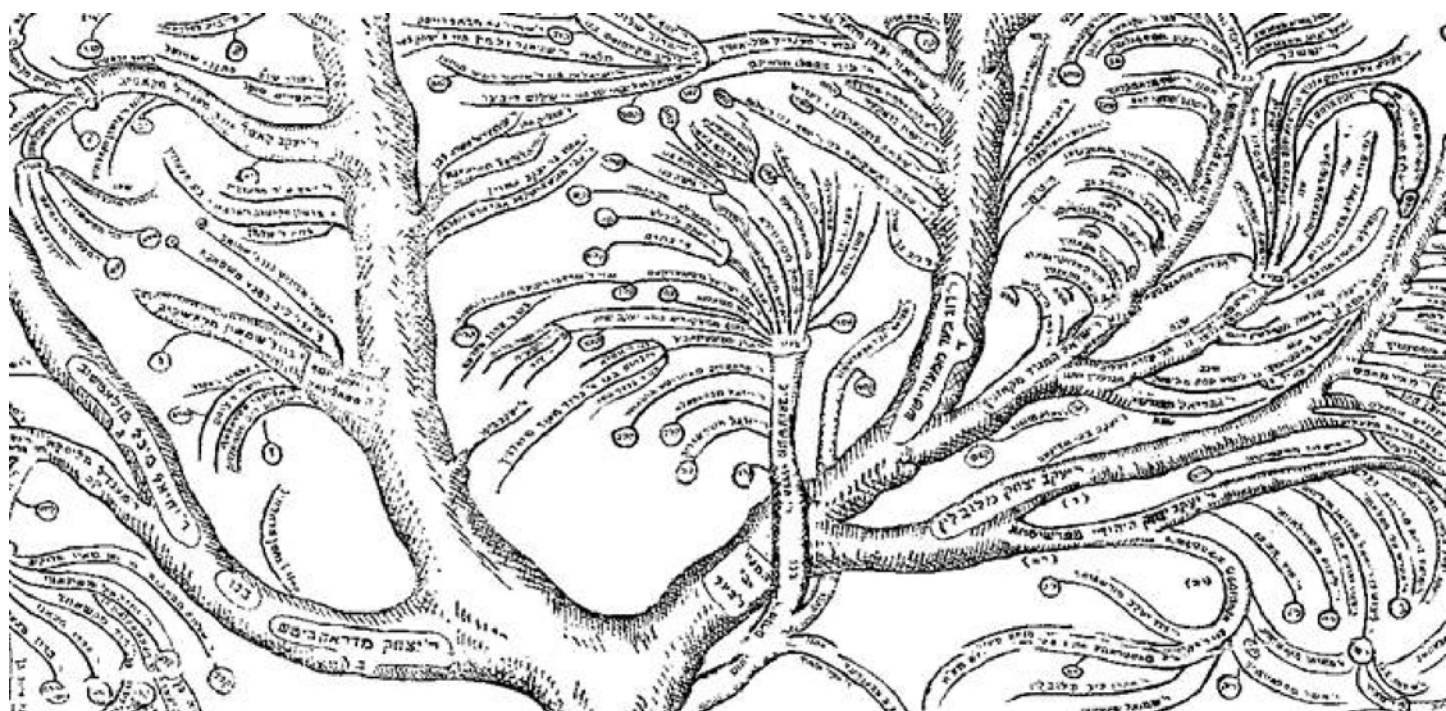
[2] Кусочек леах (идиш). По обычаю отвечают: «Вот тебе леах, а Всевышний дарует тебе добрый и сладкий год» – и дают кусок этого пирога.

[3] Так называли евреев, живших со своей семьей отдельно – чаще всего, в лесу – и занимавшихся промыслом: они рубили деревья, продавали дрова, обжигали уголь, гнали скипидар и т. п. Лишь на большие еврейские праздники они приезжали в местечко или город, чтобы молиться в миньяне и исполнять с другими евреями заповеди, связанные с праздником.

«ЧЕЛОВЕК – ДЕРЕВО ПОЛЕВОЕ»

Адин Штейнзальц

Приведенное Торой сравнение «Разве полевое дерево – это человек...» (Дварим, 20:19) дало основание нашим мудрецам признать, что проведение аналогии между деревом и человеком правомерно. Многочисленные примеры параллельного упоминания и сравнения человека с деревом в Писании подтверждают это. Например: «И будет он, как дерево, посаженное при потоках воды» (Теилим, 1:3). Поэтому предполагается возможным получить дополнительное представление о человеке и путях служения Всевышнему, обратив внимание на деревья и их развитие. Пятнадцатое число еврейского месяца шват, Ту би-шват, на который выпадает Новый год деревьев, – день, когда подобное рассуждение особенно уместно. Ведь вековая традиция празднования этой даты подчеркивает нашу связь со Святой землей, с произрастающими на ней растениями. С этого дня зима в Стране Израиля идет на убыль и начинается весеннее пробуждение всего, что растет на ней.

עֵשֶׂת יְיָ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Каждое дерево растет из земли как ее создание, и у каждого человека есть почва, питающая его. И как дерево чахнет и умирает, утратив связь с землей, так погибает и человек, утратив связь с окружающими.

Применительно к индивидууму один из главных источников проблем современного человека – отчуждение. Личное одиночество и общая разобщенность людей в наше время – следствие того, что человек не «укоренен в почве».

Ныне, как правило, чувство принадлежности не сущностное, а деловое. Люди объединяются, чтобы защищать общие интересы, но это почти профессиональное объединение. Члены таких социальных групп не ощущают родства, у них нет чувства дома. У подобных объединений нет общих корней, они возникают лишь для того, чтобы обеспечить бо́льшую эффективность в достижении целей и защите корпоративных интересов. Многие люди стали своего рода перекати-полем, случайно попав в определенную среду, и нет ничего сущностного, что бы связывало их с ней. Ничто не привязывает их и к тому месту, где они находятся, поэтому их легко извлечь оттуда. В известном смысле современного человека можно уподобить искусственным растениям из пластика: они и без земли похожи на цветущие, но в них нет жизни.

Такая реальность сложилась из-за стремления индивидуума к личной свободе, к тому, чтобы избавиться от воздействия социума. Частный человек хочет стать мерой всех вещей. Благодаря такому индивидуализму одинаково легко уживаются в любом месте, хотя на самом деле человек не укоренен ни в одном из них.

Слова Писания «Праведник подобно пальме расцветет, возвысится, словно кедр ливанский. Насажленные в доме Г-спода, во дворах Б-га нашего расцветут» (Теилим, 92:13) или «И будет он, как дерево, посаженное при потоках воды» (Теилим, 1:3) уподобляют праведника здоровому, плодоносному дереву, посаженному в благодатную почву. У человека, укорененного в определенном месте, имеющего обязательства перед своим окружением, есть шанс «расцвести», расти и приносить плоды. В противоположность этому Писание представляет грешника как «перекати-поле, подобным соломе пред ветром» (Теилим, 83:14). То есть уподобляет его сухому, вырванному кусту, который ветер носит с места на место. Человек без корней воспринимает обязательства и привязанности как путы, связывающие и душачие его. Он предпочитает жить независимо от неизменного источника, не воспринимает свою среду как нечто постоянное, поэтому уподобляется дереву с обрубленными корнями, не способному ни расти, ни плодоносить. И это нельзя назвать полноценной жизнью.

Подобное явление существует и в историческом масштабе. Например, в бунтарских настроениях значительной части еврейского народа последних поколений. Неотъемлемой частью аутентичного еврейского мировосприятия была преемственность, ощущение последовательного роста, неразрывной связи с почвой, традицией. Процесс развития походил на рост дерева, на стволе которого образуются все новые кольца. Они свидетельствуют о количестве лет, прожитых деревом, и о том, что, хотя на нем каждый год появляются новые ветви и листья, оно не теряет приобретенного ранее, своей сущности, а только наращивает мощь. Процесс обновления состоит в приращении, которое дает дополнительные силы и жизнеспособность.

Большая часть еврейского народа последних поколений оторвалась от своих корней. Отчасти причина тому – идея полного отречения от прошлого, исполненного страданий, унижений и горя. Как по идеологическим, так и по сугубо житейским, практическим причинам люди порывали с прошлым, поэтому их дети уже не могли узнать ни о своих корнях, ни о традициях своей семьи. Одни отвергли прошлое сознательно, другие – неосознанно, третьих вовлекли в идеологические игры и попросту обманули. Так появились поколения людей, лишенные исторической памяти и чувства сопричастности прошлому, а значит, оторванные от своих корней. Это коснулось миллионов наших соплеменников и стало основной причиной их разобщенности, нежелания или невозможности отождествить себя с еврейством. Чтобы преодолеть отрыв от корней, человек должен вновь обрести почву, которая будет питать его, – найти родной дом.

ÀÀÒÈÈ È ÈÎÐÍÈ

Еще одно свойство деревьев – гармоничное соотношение между корнями и ветвями. В сравнении с людьми оно упомянуто в трактате Авот (3:17): «Чему подобен тот, у кого мудрость преобладает над делами? Дереву с раскидистыми ветвями и слабыми корнями: налетит ветер, и выдернет его из земли, и бросит наземь...»

Дереву, раскидывающему ветви, но не имеющему развитой корневой системы, нужна помощь садовника, чтобы восстановить правильное соотношение между ветвями и корнями. Человеку неоткуда ждать такой помощи, поэтому он сам должен позаботиться о том, чтобы «корни» развивались. Иначе ему угрожает утрата стабильности и равновесия и он может быть «вырван с корнем». Когда человек достигает определенного уровня развития, ему следует подумать о том, чтобы реализовать себя адекватно своим возможностям.

Все части дерева – длинные ветки, зеленые листья и сладкие плоды – растут только благодаря силе корней. Корни не видны, не живописны и не вкусны, но закреплены в земле и соединяют с ней дерево. Корни дерева очень сильны и могут расщепить любой камень. У ветвей, при всей их красоте, такой силы нет. Человек должен стремиться к тому, чтобы его ум, мечты и поставленные перед собой задачи гармонически соответствовали совершаемым им действиям. Учиться гармонии следует у деревьев.

Этот принцип верен и для народа в целом. Те, кто возглавляет его, подобны ветвям, поэтому им нужно помнить, что без заботы о корнях, то есть о слабых слоях населения, и без практических действий, направленных к этой цели, у них нет шансов на нормальное существование.

ĚĚŇŎĪĀĀ

Дерево, столь пышное и поражающее красотой летом, производит совсем иное впечатление зимой. Когда опадают листья и остаются только голый ствол и ветви, дерево порой кажется погибшим, безжизненным, годным разве что на дрова. Но, как подсказывает опыт, дерево вновь оживет весной и предстанет перед нами во всем своем великолепии.

У человека тоже бывают периоды «опадания листьев», когда все то, чего он как будто достиг, осуществил, построил и взрастил, рушится и он остается как голый ствол. В такой ситуации не стоит отчаиваться, все образуется и станет еще лучше, если человеку предоставят время и возможности.

Многим людям мешает состояться ощущение опустошенности, крушение надежд. Порой человек отчаивается только потому, что на протяжении продолжительного периода ему не удалось создать ничего заслуживающего внимания. Иногда люди делают глупости, опускаются и теряют себя, полагая, что они подобны сухому дереву. Но в действительности весной деревья часто становятся еще прекраснее, чем прежде. Таков процесс вечного обновления природы, поэтому следует помнить, что он совершается всегда. То же происходит и с людьми. Однако не нужно ожидать, что тот, кто оступился и упал, поднимется сразу. Если цикл сезонного увядания листьев дерева занимает полгода, то «увядание» человека может быть более долгим. Но этот период в конце концов заканчивается, и после него заново начинается расцвет, и понимание этого поддерживает и дает силы.

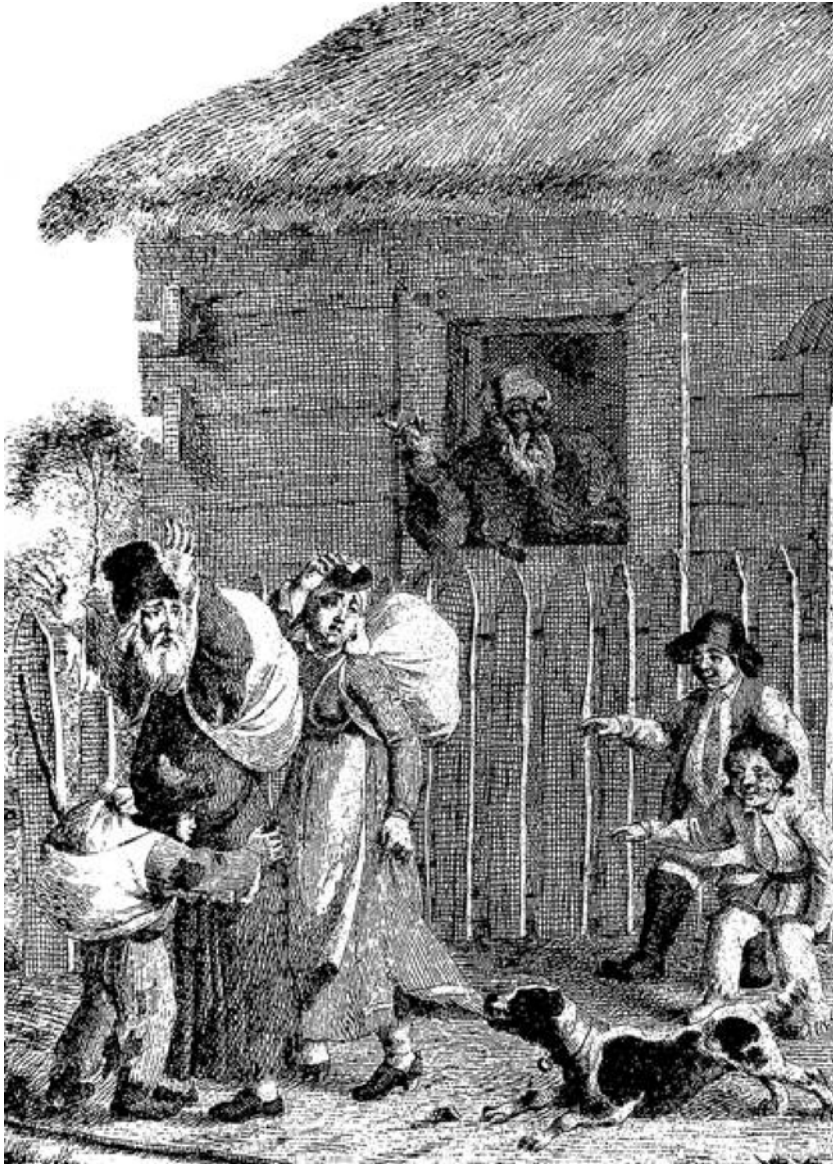
ΚΟΣΜΟΠΟΛΙΤΕΣ, ЧУЖАКИ, РЕВОΛΥΟΥЦИΟΝΕΡΥ

(Τρι образα еврея в польском и русском национализме

конца XIX – начала XX века)

Nai ai Aieuei

*Υοα ποδοιγ' i i nnyuaia e nneaii aatep oia, eae a aeieo dno aao iaoeiiaeeqi ia a i i qai ae
Dnneeeie ei iadee - iieueia e dnneia - ioia daeaeaii +aeaii no u aadi, nnycaia y n ai
ei n i i eeoeqi ii. Aici faei, iieuee e dnnee iaoeiiaeeqi u eiioa XIX - ia-aea XX aea a
iaaeieuae no ai ae i i o aao i o a p o n n i a n o a p u a i o a i n a o e u i e e e o a d o o d a i i o a a e a i e p a a o
o e i i a i a o e i i a e e q i a : n o d a i y u a a i n y i n c a o u i a o e i i a e u i i a a n n a a d n o a t e n o d a i y u a a i n y i d a a d o e o u
n n i a n o a p u a i a n n a a d n o a t a i a o e i i a e u i i a*

*Noadee dnno aaoae qa oi, +oi iie
o daay o aadaa i i aaeai e.
A da p da i ae ca i n o i i a d u a i e i e a*

*Άσεί πο αι αι απεαρεα αι οεινι εοεχι α: δαααει Ι αρευι αι ανδα μ ηνυ αι ιεεαι ε ηι εαεεααο οαε ο υο
ι αι εοαηο αι οσα
Ι ιοι ορι υ αεαο α δαηο δαεα α Ααδοααα α 1861 αι αο (οδαα αι ο). Αεαερα ι αδ Εαηιαδ 1867 αι α
Ι αοει ι αευι υε ι οραε α Εδαε ι αα*

Итак, космополитизм еврейства – оборотная сторона его обособленности, чуждости западной цивилизации, «восточного характера» этого эгоистического племени. Идеи, высказанные Земиньским, оказали влияние на ведущих идеологов польского национализма начала XX века: Яна Людвика Поплавского и Романа Дмовского[4]. Оба писали о евреях как о «восточной секте» (при этом Поплавский ссылался на

Земиньского, а Дмовский – на Поплавского)[5]. «Чуждость» евреев полякам, по мнению Я. Л. Поплавского,

была следствием «черт семитской расы», проявлялась в разных областях, и вообще в ней состояла суть польско-еврейских отношений[6]. Роман Дмовский писал, что евреи противопоставляют себя польскому обществу, и видел в этом «неминуемый исторический процесс», «быстрым шагом продвигающийся вперед»[7]. Оба идеолога польского национализма смотрели на еврейскую «чуждость» и «обособленность» как на неоспоримый научный факт (определение евреев как «восточной секты» помогало упрочить его «научность»), который сам по себе не должен вызывать отрицательных эмоций. В то же время вытекающие из «обособленности» претензии евреев на статус еще одной национальной группы, с которой поляки должны считаться на собственной территории, были абсолютно неприемлемы для польской националистической мысли. Дмовский неоднократно предупреждал об опасности превращения Польши в еврейскую национальную территорию. В 1902 году он писал:

*Ααεα αιεε ηεηιεηοηεαυ εαυ η Ιαεαηοειτε ηηυαηοαεοη, οαα ηηι ανοιοηη ια αιεαα
10% ανο ααααα ι εδα. Εαε ηοδα ια, αια ε οαε αεααο αιευοειηοαη ααααα, Ι ιευοα εααεευι ι ιηαοηαεο
ηεηιεηοαι, ευοιει ηαα οαδεοιδεη. Ναι υα ηι αευα <εχ ααααα> αιδηο ααεα, οηι αααε α αααουαι
ι ηεο: αο ιδαει ουαηοαι ιαα ηηεεαι ε ε Ι ιευοα ηοαι αο ηηαηοαηιηοηη αααεηε ια ιαδ ιαα. Αιεαα
οδαααα α ηοι ια αιδηο, ηη ε ηηε αεαυο α Ι ιευοα εααεευι ια ι ανοι αευ ιδαηεαοεε ηαηε
ιαοει ιαευι ηε αεεηε[8].*

Кроме еврейского национализма, имманентная «чуждость» евреев вместе с их космополитизмом проявились в другой угрожающей польской нации опасности – социалистическом

движении, исповедующем – под влиянием еврейства – ценности интернационализма. Я. Л. Поплавский

писал в 1897 году:

*Οαεοεεα ηοεαεεηο ια ηαεαοηηη Ιαεεο: οει αιεααοαεεηοαηι δαοαηυαηη αεεηηεη ια ιεο
ααααα <...> Αηαη ια ιαεηη αηου αι οεινι εοηη, οηαη ιοηαηοε εα ηη: αο ααααα αεαα υα αηου ηοηε
οαεοεεε: Ιααηα ε Ιαεαηα αηοαη ιδαηηηηαηοαα, εδεεεααα Ιααηαηεη ιδηοεαιεηα
Ιαδααηδ: εαηηου α ηηαηοααο ε ηηηηαο αεηηοαεε, ηεαι οη ε Ιαεαηοη: αι ι οη Ιαη αεηηου ε οδεηοεαι ηεηε
δαεεαε ε αοηηαηηοαα αι ηηηεο ηεο: αυο ηε: αι ια Ιαηηηει οη, Ιαη ανοι οη ηηαεηηαο ε αηηαα*

ὁδὰς αἰετῶν ἐδεῖξάντο ἐ ἰδοῦσάντες αἰετῶν, ἀσπασάντο ἐ ὁδὸν αἰετῶν. Αἴτιά γοῦν αἱ αἰετὰ ἐ ἀνοῦν ἰοῦσάντες ἐὸν αἰετῶν ἡμῶν ἀσπασάντες ἰ ἡμῶν ἐ ὁδὸν αἰετῶν, ἡμῶν αἰετῶν ἐ εὖ δὴν αἰετῶν οἱ αἰετῶν αἰετῶν, ἀ ἀ αἰετῶν αἰετῶν ἰ αἰετῶν - ἡμῶν αἰετῶν ἐ ἰοῦσάντες ἐὸν αἰετῶν ἡμῶν γοῦν αἰετῶν ἰοῦσάντες ἐὸν αἰετῶν αἰετῶν αἰετῶν...[9]

Дмовский, в свою очередь, считал социализм движением, созданным евреями и для евреев, движением, «которое велит <евреям> блюсти интересы своей расы» и «дает отличный выход инстинктам и склонностям еврейского психического типа». Дмовский отмечает, что главные «мыслители и организаторы» социализма – естественно, евреи – «наполнили его таким духом нигилизма, ненависти к христианству, к нашей этике и цивилизации, духом бунта против политической организации арийских обществ, что требуются большие усилия, чтобы принять это за философию и этику пролетариата, а не <...> за голос еврейской души»[10].

Итак, с точки зрения отцов современного польского национализма, космополитизм евреев проявлялся двояко: будучи оборотной стороной их неизменной чуждости и обособленности, он приводил и к национальным еврейским устремлениям, враждебным польскому национальному делу, и к развитию интернационалистической идеологии социализма, также угрожающей интересам польского национализма.

Ὀῦν αἰετῶν αἰετῶν. Ἐἰσὶν αἰετῶν XIX - ἰοῦσάντες XX αἰετῶν

Обратимся теперь к России и русским националистическим мыслителям начала XX века. О подлинном содержании еврейского космополитизма, за которым скрывается извечная еврейская обособленность и стремление евреев к разрушению народов, среди которых они живут, писал, в частности, Василий Розанов. В 1900 году в газете «Новое время» он указывал на то, что евреи «повсюду рекомендуют, указывают и считают спасительным для нас переход к общечеловеческому облику идей и чувств. “Будьте просто люди”, – говорят они нам. Но мы видим при этом, что сами они имеют для себя совсем иной лозунг: “Будем непременно евреями” <...> Мы давным-давно “вообще люди” <...> даже нельзя представить себе, куда еще дальше идти по пути национального обезличения <...> Всем очевидно, что евреи <...> желают двигаться на население с лозунгом: “Разомкнитесь, станьте общечеловеками, чтобы мы удобнее проникли в вас <...> и вас разрушили”»[11].

Взгляд на евреев как на «совершенно чуждую индоевропейским племенам расу»

пропагандировал главный редактор «Нового времени» А. С. Суворин – еще с 1881 года: «Евреи, как раса,

обладают такими свойствами, которые решительно не дают им возможности ассимилироваться с русским

населением»[12]. Эти мысли были развиты М. О. Меньшиковым, который являлся центральной фигурой в

русской националистической публицистике начала XX века. Как и польские мыслители, М. О. Меньшиков

связывал «чуждость» евреев с их азиатским происхождением, считая их «инородным, сильно разросшимся телом в нашем организме». Семьсот лет назад, писал Меньшиков, славянство, представляющее собой «форпост Европы на границах Азии, подверглось нашествию азиатов: монголов с востока, евреев – с запада <...> Рассматривая теперь оба азиатских нашествия – еврейское и монгольское, ясно видишь, что первое было неизмеримо опаснее второго»[13]. Но разрушительная деятельность евреев, с точки зрения Меньшикова, зашла еще дальше. Подчинив польское дворянство и перемешавшись с ним, евреи испортили «самую расу польского дворянства». «Приглядитесь к простому народу польскому и к шляхте – до сих пор это две расы, заметно отличные <...> Обессилев своей кровью, разорив дворянство, евреи поселили глубокую рознь между ним и народом»[14]. Таким образом, чуждость евреев славянам оказывается для Меньшикова тождественной чуждости польского правящего класса своему народу![15]

Обращаясь к отношению евреев к России, Меньшиков ясно видит захватнические устремления евреев и будто развивает опасения, высказанные Романом Дмовским относительно опасности еврейского господства в Польше. Задача евреев – «не политический и даже не социальный переворот, а просто погром России и захват власти над ней <...> Экспроприация России евреями началась очень давно. Под видом революции они не хотят накинуть петлю (она уже накинута), а пытаются только затянуть ее»[16]. В период революции 1905 года евреи в России перестали объявлять себя религиозной группой и открыто заявили о том, что они – нация. Они осуществляют свою мечту о мировом захвате, которая составляет «идею еврейской расы»[17]. Естественно (и здесь просматривается явная аналогия с Дмовским), истинная цель еврейского национализма – строительство еврейской империи «не в сожженной солнцем Палестине», а в центре Европы, на западных границах России[18].

Органическая связь еврейства с революционным движением также обсуждалась на страницах «Нового времени» еще в 1880-х годах. Газета писала тогда: «Ни для кого не тайна, что эти жида, испокон веку представители революционного духа, стоят теперь во главе русских нигилистов...»[19] Ведущая роль евреев в революции 1905 года была очевидна националистическому лагерю, но во время революции в России появились утверждения (и здесь аналогичные польским), что и сам по себе марксизм – это

проявление еврейского духа. Д. И. Пихно, редактор влиятельной консервативной газеты «Киевлянин», писал

во время событий 1905 года: «Марксисты – порода злобная, впитавшая в себя всю зависть всех нищих Лазарей и всю ненависть гетто и неравноправия избранного племени к европейской культуре»[20].

Таким образом, сравнивая отношение к еврейству русских и польских националистических мыслителей начала XX века, мы обнаруживаем поразительное сходство позиций – вплоть до удивительных текстуальных совпадений. В космополитизме евреев видится обратная сторона присущей им расовой и культурной «чуждости», обусловленной их происхождением. Эта же «чуждость» подталкивает их к попыткам подчинения себе Польши или России, для чего они используют национальную мобилизацию, внешне будто бы направленную на сионистское освоение Палестины. Наконец, космополитизм еврейства нашел свое выражение в пронизанном еврейским духом революционном/социалистическом движении. Это движение является не чем иным, как проявлением все того же стремления еврейства к господству над окружающими народами. Круг замкнулся.

При сравнительном изучении цитированных выше текстов немедленно возникает вопрос: могли ли польские и русские националисты, например Поплавский и Меньшиков, влиять друг на друга? Ничто не

подтверждает такое предположение. Я. Л. Поплавский и Р. Дмовский владели русским языком и тео-

ретически могли, издавая в Галиции «Всепольское обозрение», следить за позицией «Нового времени» по

еврейскому вопросу (хотя этому нет никаких свидетельств). Однако предположить, что М. О. Меньшиков и

А. С. Суворин определяли свою позицию по еврейскому вопросу на основе публикуемого в Галиции на

неизвестном им польском языке эмигрантского журнала, на наш взгляд, совершенно невозможно. А между тем хронологически идеи, описанные в настоящей статье, чаще появлялись сначала на польском, чем на русском языке.

Видимо, речь идет об идеологической позиции, сформулированной независимо в Петербурге и в Варшаве (и Львове) на рубеже XIX и XX веков. В этот период можно говорить о переходе и русской, и польской националистической мысли от понимания нации как политической общности, основанной на общей истории и культуре, к этнолингвистическому и, более того, расовому определению, основанному на «научном» восприятии нации как биологического организма.

Такой переход был, по мысли Я. Л. Поплавского, неизбежен и связан с процессами

демократизации, в рамках которой в разных сторонах жизни польского общества стали «постепенно принимать все более массовое участие представители все более широких и низших <...> глубоких и коренных слоев населения. На эти слои цивилизация, космополитическая по самой своей природе (курсив мой. – С. Г.), влияла слабо...»[21]. Как видно, сама современная цивилизация, с точки зрения Поплавского, изначально космополитична, т. е. чужда национальной идее, и «демократическая» идея «национальной

исключительности» возникает в противовес ей[22]. А. С. Суворин, в свою очередь, предъявлял счет

современному миру, объявляя, что еврейская религия лучше подходит его «полуязыческому укладу», чем христианство. У современного мира «три главных устоя: синагога, биржа и кагал, вместе с кагалным чувством <...> Вслед за подчинением народов бирже и банкам, настанет время подчинения их синагоге», – пессимистично писал Суворин[23].

В условиях, когда современная цивилизация воспринимается как продукт еврейского космополитизма и как враг национальной идеи, естественно, националисты должны защищаться от нее. Их инвективы против евреев носят оборонительный характер, они обусловлены осознанием слабости своего национального движения и страхом перед евреями, которых невозможно ассимилировать.

Я. Л. Поплавский честно признавался, что именно «в обществах слабых, зависимых, несамостоятельных», к

которым, очевидно, относилось и польское, особенно важно «упорное сохранение своих значимых особенностей, упорное отмежевание от чуждых элементов, все более интенсивное сплочение вокруг

исторических, племенных или религиозных традиций»[24]. М. О. Меньшиков видел в борьбе с евреями

защитную реакцию «вытесняемых евреями рас». «Мы испытываем страшное нашествие наиболее злокачественной расы и боремся с ним крайне вяло»[25], – писал он. Как Поплавский по поводу поляков, так и Меньшиков не обольщался по поводу национальной мощи русских: «Обрусительные способности русского племени – чистейший миф <...> Задача “обрусить все нерусское” и “оправославить все неправославное” уже потому нелепа, что совершенно непосильна для России. Задача русской национальности <...> только сохранить себя»[26].

Подводя итог, мы видим, что известные как достояние более поздних эпох восточноевропейские антиеврейские стереотипы (например, органическая связь еврейства с революционным/коммунистическим движением – «жидокоммуна», или неотделимость еврейства от современной капиталистической цивилизации, враждебной национальной идее и национальному государству), по сей день распространенные на пространстве между Петербургом и Веной, являются порождением процессов модернизации и формирования современного национализма, происходивших в XIX веке. Эти идеи отнюдь не были следствием активного участия евреев в революции 1917 года в Российской или 1918-го – в Германской империи и не были результатом сотрудничества евреев с теми или иными коммунистическими режимами. Они были сформулированы идеологами восточноевропейского национализма конца XIX века как аксиомы, объясняющие реальную ситуацию их обществ и помогающие мобилизовать национальные силы для ее преобразования.

[1] *О дилеммах самосознания русского национализма см.: Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и в русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 34–37.*

[2] *Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 14–16.*

[3] *Witold Ziemiński. Czym jest Izrael? Skic historyczno – społeczny // Głos. 1890. № 38. P. 457ff. Статья появилась в разделе «Научные и философские статьи» как научное освещение еврейского вопроса.*

[4] *См. о них: Wapiński R. Roman Dmowski. Lublin, 1988; Kulak T. Jan Ludwik Popławski, 1854–1908. Biografia polityczna. 2 vols. Wrocław, 1989.*

[5] *Popławski J. L. Pochodzenie i istota syonizmu // Idem. Pisma polityczne. Vol. 1. Kraków–Warszawa, 1910. P. 261; Dmowski R. Zagadnienia sprawy żydowskiej // Przegląd Narodowy. 1910. № 12. P. 649.*

[6] *Kulak T. Vol. 1. P. 239.*

[7] *Dmowski R. Separatyzm żydów i jego źródła // Nalładem «Gazety Warszawskiej». Warszawa, 1909. P. 28.*

[8] *Ignotus (R. Dmowski). Listy Warszawskie // Przegląd Wszechpolski. 1902. № 8. P. 618.*

[9] *J. L. Jastrzębiec (Popławski). Z całej Polski // Przegląd Wszechpolski. 1897. № 16. P. 363.*

[10] *Sk. (Dmowski). Historia szlachetnego socjalisty // Przegląd Wszechpolski. 1903. № 10. P. 760–761.*

[11] *Розанов В. В. Евреи в жизни и в печати // Новое время. 1900. № 8651.*

[12] Редакционная (А. С. Суворин). Что нам делать с евреями? // Новое время. 1881. № 1857.

[13] Меньшиков М. Еврейское иго // Он же. Национальная империя. М., 2004. С. 112. Статья датирована 25.01.1907 г.

[14] Там же. С. 113.

[15] Меньшиков добавляет еврейский элемент в давнюю славянофильскую концепцию «двух слоев» внутри польской нации – исконно славянского и близкого русским простого народа и «испорченного» латинской цивилизацией правящего класса. Близкая концепция «двух цивилизаций» –

крестьянской и дворянской – была отправной точкой в национальной теории Я. Л. Поплавского (Popławski

J. L. Wybór pism. Wrocław. P. 19).

[16] Меньшиков М. Еврейское иго. С. 111–112.

[17] Он же. Хазарская идея // Там же. С. 257.

[18] Он же. Еврейская империя // Там же. С. 374.

[19] Васильев В. Мое мнение о нигилизме // Новое время. № 1444. 1880. Автор статьи – профессор Петербургского университета.

[20] Пихно Д. И. В осаде. Политические статьи. Киев, 1905. С. 207.

[21] Popławski J. L. Pochodzenie i istota syonizmu. P. 250.

[22] Ibid.

[23] Суворин А. С. Маленькие письма // Новое время. 1897. № 7500.

[24] Popławski J. L. Pochodzenie i istota syonizmu. P. 251.

[25] Меньшиков М. Еврейская империя. С. 374, 378.

[26] Новое время. 18 июня (1 июля) 1908. Цит. по: Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о

России. М., 1998. С. 54.

ЛЕЖАИМ ЯНВАРЬ 2011 ТЕВЕТ 5771 - 1(225)

МОНПАРНАССКИЙ ЭКСПРЕСС

(ÑĀĪ ĀĒĪ ŪĀ ÊĪĪ Ī ĀĪ ÒÀÐÈÈ ÑĪĪ È ĀĀËĪ Ī Ā-ÒĀÐÈ)

ĀĪ ò ĩ ě ě Ā Ā ě Ī Ā ě ě ě

Соня Делоне-Терк (1885–1979) не нуждается в представлении: первая женщина-художник с прижизненной выставкой в Лувре (1964); кавалер ордена Почетного легиона (1975); основоположник нового направления в авангарде – орфизма; жена и соавтор известного художника Робера Делоне; модельер, дизайнер, книжный иллюстратор, крупный мастер ар деко. Но даже в самой полной биографии Делоне[1] есть противоречия, серьезные неточности и очевидные пробелы, относящиеся прежде всего к ее юности. Описание российского периода жизни художницы не дает должного представления о семье и петербургском окружении и не идет дальше рассказов о богатом доме ее приемных родителей.

Ніту Аїєтіа-Оаде

Неизвестно даже точное место рождения Сони Терк (урожденной Сары Штерн): Одесса или маленький городок Градижск Полтавской губернии, где прошли первые пять лет ее жизни[2]. Мало информации и о ее биологических родителях. Отец Сары, Эля (Илья) Штерн, работал на градижском гвоздильном заводе. Мать, Хана Штерн (урожденная Терк), по-видимому, была не удовлетворена провинциальным существованием и рвалась в столицу, но муж был против переезда. Соня свою мать, страдавшую депрессиями, недолюбливала и в поздних дневниках и мемуарах называла не иначе как «нытиком». Но несомненно, что именно мать «вытолкнула» ее в новую жизнь – к преуспевающему в Петербурге бездетному брату Генриху Терку и его жене Анне, положив начало превращению золушки в «амазонку авангарда». Мы не знаем, состоялось ли официальное удочерение или же дядя оформил опекунство над племянницей, не знаем, каким образом пятилетняя девочка получила новые имя и фамилию. Мы многого не знаем о российских годах жизни Сони Терк.

Впрочем, биографов можно понять: Соня сама крайне неохотно рассказывала о юности и своих еврейско-российских корнях; даже муж и сын мало знали о ее прежней жизни. В ее автобиографии[3] первым двадцати годам посвящено меньше семи страниц, на которых имена Гоголя и Бодлера, Канта и Спинозы перемежаются с описанием званных обедов, устраивавшихся ее новыми родителями в их петербургском особняке и уступавших, по утверждению художницы, только царским приемам. Примечателен приведенный здесь длинный перечень ключевых вех жизни Делоне. Дат, имеющих отношение к России, всего три: рождение – 1885 год; усыновление дядей – 1890-й; прекращение финансовой помощи по причине революции – 1917-й. О своем еврейском происхождении художница также не упоминает.

Если не брать в расчет несколько девичьих фото Делоне, в биографиях полностью отсутствуют семейные фотографии российского периода. В сравнении с этой скудностью даже наши, чрезвычайно обнищавшие за советский период, фотоальбомы выглядят подлинным хранилищем памяти об ушедших поколениях[4].

Мы надеемся, что привлечение новых материалов из семейных и петербургских архивов позволит по-иному взглянуть на судьбу Сони Делоне. В одном из последних интервью (1975) ей задали вопрос: «Было ли обычным явлением для девушек в России начала XX века становиться художницами и самостоятельно ехать в Париж?» Делоне с обезоруживающей лаконичностью ответила: «Каждый делает свою жизнь сам». Нисколько не ставя под сомнение абстрактную справедливость этого тезиса, нам хотелось бы по возможности расширить ее ответ и рассказать о большой семье, частью которой она была на протяжении четверти века. Ей повезло со «стартовой площадкой»: ребенком она оказалась в нужное время в нужном месте, чтобы сполна реализовать природный дар.

Նաձն Օձաձն. Ի անձէ՛ 1890-ձ արձն

Ի Ա՝ԱԷՒ: ԱԺԱՕՍԻՅ ՇԱԷ

Практически все источники слово в слово повторяют рассказ о приемных родителях Сони: «преуспевающим петербургском адвокате Генрихе Терке и его влиятельной жене Анне». Но никто не задается вопросом об истоках благополучия и влияния людей, относительно недавно (менее 20 лет назад) переселившихся в столицу из провинции. И лишь в одной публикации встречается скороговоркой брошенное объяснение: дядя Анны Терк был петербургским банкиром по фамилии Зак[5]. Но биограф настолько незнаком с этим персонажем, что Заку не нашлось даже места в обширном указателе имен, а его банк с легкой руки исследователя назван «Банк Зака». А между тем приемный двоюродный дедушка Сони Делоне Абрам Зак заслуживает отдельного рассказа.

Видимо, в конце 1830-х – начале 1840-х годов семья братьев Зак – Абрама (1828–1893) и Израиля (1831–1904) – переезжает из Бобруйска в Брест-Литовск, где по указу Николая I началось строительство Брестской крепости. К тому времени их отец Исаак умер, мать вторично вышла замуж за Якова Сыркина, и от этого брака в 1838 году родился сводный брат мальчиков – Григорий Сыркин (1838–1922), впоследствии известный писатель и публицист. Следует обратить внимание на одну немаловажную деталь: мать братьев Зак, в девичестве Эпштейн, воспитывалась в семье, знаменитой многими поколениями раввинов. Позже Абрам Зак женится на Екатерине Юльевне Эпштейн (своей двоюродной сестре) и еще раз «породнится» с Эпштейнами, укрепив таким образом старые и установив новые родственные связи с Венгеровыми, Слонимскими, Алапиными и другими известными еврейскими фамилиями.

Из статьи в Еврейской энциклопедии, написанной как раз Семеном Венгеровым, известным историком литературы и племянником Зака, можно узнать, что Абрам Зак «последовательно занимал ответственные места в частных банкирских домах», а в 1871 году «был приглашен на пост директора с.-петербургского учетного и ссудного банка, который под его управлением в 70-х и 80-х гг. стал виднейшим финансовым фактором России. Благодаря прозорливости Зака правительство образовало значительный золотой фонд, в связи с чем Россия провела Русско-турецкую войну (1877–1878) без финансовых потрясений. Зак приглашался в Государственный совет и разные комиссии как эксперт по финансовым, экономическим и железнодорожным вопросам <...> Как переходную ступень к высшим государственным

постам Заку предложили место товарища министра финансов под условием принятия христианства», но он отказался, так как «еврейские интересы были чрезвычайно близки его доброму, отзывчивому сердцу». Зак активно занимался общественной деятельностью и филантропией, а также «держал широкий барский дом», где на музыкальных вечерах «бывало высшее и избраннейшее общество (дипломаты, государственные деятели и другие)»[6].

Абрахам Зака в 1890-е годы

Хотя Зак и был директором Учетного и ссудного банка, но оставался там наемным работником, а не владельцем. В то же время он считался влиятельнейшим игроком на рынке ценных бумаг, «первым номером» на петербургской бирже[7]. Только человек очень состоятельный мог позволить себе пожертвовать 10 тыс. рублей на строительство хоральной синагоги в Петербурге. Ну а проживать в собственном шикарном особняке в элитной части столицы (Сергиевская, д. 32, ныне ул. Чайковского) могли себе позволить лишь единицы.

Не имея прямых законных продолжателей рода, Зак немало сделал для «трудоустройства» своих родственников. Есть все основания полагать, что карьерой и благосостоянием Генрих Терк обязан могущественному дяде своей жены. По крайней мере, на начальном этапе его деятельности имя Зака наверняка открывало перед талантливым юристом многие двери.

Если намеки на Абрама Зака в биографиях Сони Делоне все же делаются, то отец Анны Терк отсутствует в них полностью. И это несмотря на то, что Израиль Зак был весьма незаурядным человеком, да и Соня, несомненно, была знакома с «приемным дедом» по Петербургу или Гейдельбергу. Все та же Еврейская энциклопедия аттестует младшего Зака как «ученого и писателя» и сообщает, что он получил известность своими работами по философии и истории религий: «В 1885 г. Зак опубликовал свой замечательный труд <...> “Die Religion Altisraels”, в котором <...> выясняет основные черты еврейской религии, поскольку они проявились в Моисеевом Пятикнижии и в книгах Пророков. Продолжением этого труда является вышедшее в 1889 г. сочинение Зака “Die altjüdische Religion”, где автор проследил дальнейшее развитие еврейской религии в период вавилонского пленения и ее эволюцию под влиянием борьбы разных сект в эпоху второго храма <...> В 1899 году появился его капитальный философский труд “Monistische Gottes – und Weltanschauung”, представляющий удачный опыт идеалистического обоснования монизма на почве реальной действительности». Там же сообщается, что сын Зака, Арнольд Зак, известен как «выдающийся немецкий сифилидолог»[8].

*Аї і а Оаіде (одіаеаї і аї Зае).
І а: аеї 1880-о аї і а*

Статья оставляет ряд вопросов. В частности, не вполне понятно, каковы были источники дохода Израиля Зака, позволившие ему вырастить пятерых детей и дать им прекрасное образование. Заполнить эту лакуну помогает содержательный некролог, помещенный в 1904 году в еженедельнике «Восход» (издателем-редактором которого, кстати, был Максимилиан Сыркин, сын сводного брата Абрама и Израиля Заков): «Вынужденный находить свое пропитание в качестве бухгалтера в разных банкирских домах, сначала в Одессе, затем в Петербурге в доме барона Гинцбурга и, наконец, в качестве директора банка в Минске, он мог посвящать своим научным трудам лишь короткие вечерние досуги <...> В 1893 году Израиль Зак окончательно переселился в Гейдельберг к своему сыну, доктору Арнольду Заку, где он мог вполне отдаться созерцательной жизни мыслителя»[9]. Теперь ситуация проясняется. Нелюбимое банковское дело все-таки неплохо кормило, а быть под патронажем могущественного барона Гинцбурга тогда многого стоило. Интересно, что оба брата работали на видных должностях в торговом доме Гинцбургов, устанавливая связи и закладывая фундамент благополучия для себя и своих потомков.

Нет никаких оснований согласиться с биографом Сони Делоне, утверждающим, что «Анна [Терк] была сама усыновлена богатым дядей»[10]. Желание непременно провести параллель между удочерением Сони и якобы аналогичной ситуацией с ее теткой и приемной матерью, помноженное на слабые представления о реальной жизни семьи Заков, сыграло с исследователем злую шутку. Реальное сходство между Анной Терк, ее дядей и отцом состоит в том, что все они посвятили жизнь поддержке незаурядных личностей. Об этом свидетельствует, в частности, Полина Венгерова, приводящая примеры активного участия Анны в продвижении музыкально одаренных детей[11]. Воспитание Сони в семье Терков – еще одно проявление силы родственных чувств Анны и тяги к филантропии.

АВА ОУІВ ОАДЕ

Генриху Терку – и только ему из всех прямых родственников Сони Делоне – уделяется хоть какое-то внимание на страницах ее биографий. Читатель может узнать, что он был преуспевающим юристом и предпринимателем, свободно говорил на нескольких европейских языках, владел недвижимостью, дружил с видными промышленниками и меценатами (например, с Саввой Мамонтовым), коллекционировал произведения искусства и ежемесячно посылал чек Соне, дабы она могла безбедно жить в Париже.

Куда меньше повезло дяде Сони, брату Генриха. Единственное (и не лишнее ошибок) упоминание о нем (анонимное, но с указанием на профессию – железнодорожный врач) встречается в коротком абзаце о его странно-скоропалительной женитьбе на Сониной близкой подруге – Марии Оскарвне Курнанд[12].

А вот что говорят о братьях Терк документы из петербургских архивов.

Гейних Тавиевич (Генрих Тимофеевич) Терк родился 9 ноября 1847 года в Одессе. В сентябре 1872 года перевелся со второго курса юридического факультета Новороссийского университета в Петербургский университет. В 1877 году получил степень кандидата прав. Работал присяжным поверенным, был кандидатом в депутаты, а затем депутатом правления Учетного и ссудного банка, в разные годы возглавлял правления Богатовского сахарного завода, Ириновско-Шлиссельбургского промышленного общества, товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов, акционерного общества Финляндского легкого пароходства, состоял членом правления издательства Брокгауза и Ефрона. Жил в собственном доме по адресу Басков пер., 12[13].

Не исключено, что Генрих Терк был знаком с Заками еще по Одессе, где в 1860-х годах проживала семья Анны, и его переезд в Петербург не был случайностью. Косвенным подтверждением этого служит совпадение двух дат: его прошения о переводе в Петербургский университет – и переезда в тот же Петербург родителей Анны Зак с детьми. Не стоит забывать, что именно в это время Абрам Зак становится директором Учетного и ссудного банка.

О брате Генриха мы узнаем, что его звали Яков Тимофеевич, он родился в 1850 году и окончил одесскую Ришельевскую гимназию. В 1876 году Яков Терк поступил в Петербургский университет, а в 1877-м перевелся в Медико-хирургическую академию. В 1879 году арестовывался «ввиду знакомства с <...> неблагонадежными лицами» и за хранение запрещенных произведений Луи Блана, Лассалья и Прудона. В 1881 году окончил академию со званием лекаря. В 1900-х годах был железнодорожным врачом в Либаве[14].

Вероятно, несостоявшийся революционер Яков Терк был куда менее ярок и удачлив, чем его старший брат. Как видим, с определенного момента его путь можно прочертить лишь пунктиром: незаполненным остается 20-летний пробел в его биографии, неясно, почему он покинул столицу ради провинциальной Либавы. Впрочем, известно, что после революции он получал за бывшие революционные заслуги персональную пенсию, жил в Крыму, где и умер в середине 1930-х годов.

Характерно, что лишь один биограф Сони Делоне приводит год ухода из жизни ее приемного отца, да и то ошибочно его указывает – 1917-й[15]. Остальные исследователи этой темы просто не касаются. Безмолвствует и сама Соня. Ее молчание может объясняться следующим эпизодом.

Лондон, декабрь 1908 года. Бракосочетание двух иностранцев: невеста – подданная Российской империи, художница Соня Терк; жених – гражданин Германии, владелец художественных галерей Вильгельм Уде. На церемонии присутствуют родители невесты. Все исследователи единодушны: брак заключался отнюдь не по любви, а по трезвому расчету. Соне нужен был статус замужней женщины, позволяющий выйти из-под опеки родителей, настойчиво требовавших ее возвращения в Петербург для устройства личной жизни. Уде же хотел числиться женатым, дабы отвести подозрения в нетрадиционной сексуальной ориентации. Легко представить, что чувствовали приемные родители (они же – родные дядя и тетя) невесты во время церемонии и последовавшего за ней обеда (где, кстати, присутствовал и партнер жениха). Сто лет назад нравы, конечно, были достаточно свободные, но все же не настолько, чтобы немолодые, традиционного воспитания люди в такой ситуации могли со спокойной душой упаковать чемоданы и возвратиться в Россию.

Не исключено, что это замужество стало для родителей ударом, от которого они так и не оправались. Мы не настаиваем на этой версии, но обстоятельства бракосочетания и скорый уход Генриха Терка из жизни, как кажется, свидетельствуют в пользу такого предположения. Не потому ли Соня так скупа на любую информацию, относящуюся к первому замужеству и смерти родителей, а ее биографы так нелюбознательны в изучении судьбы ее ближайших петербургских родственников? И еще один штрих. Мы не нашли упоминаний о том, что родители материально поддерживали Соню в течение тех полутора лет, которые длился ее недолгий первый брак. А вот во втором браке (с Робером Делоне) она, согласно родительскому завещанию, долгие годы находилась на их полном обеспечении.

ÀĒĀĒŃ, Ī DĒĪ Ő ĒŐĀĀĒĒĒĒĒĒĒ, Ē Ī DĪ ŐĀŃŃĪ DĀ. Ā. NĪ ĒDĪ ĪĀ

Пылкий почитатель Сониного таланта и необыкновенной эрудиции молодой человек, Александр (Алекс) Смирнов удостоился многократных упоминаний в Сониной автобиографии и в работах о художнице[16].

Филологам Смирнов известен как крупный медиевист, основоположник российской кельтологии, испанист, романист, шекспировед. Он родился в 1883 году, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, несколько лет провел в научных командировках в Западной Европе. С 1913 года – приват-доцент кафедры романо-германской филологии Петербургского университета, где преподавал (с перерывами на годы Гражданской и второй мировой войны) до 1958 года. Умер он в 1962-м.

Происхождение Смирнова несколько запутаннее его научной биографии. Его отцом по документам числился муж его матери, крупный чиновник, товарищ обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената, действительный статский советник Александр Дмитриевич Смирнов. Но друзья юности знали, что сведения из официальных бумаг неточны. Александр Бенуа записал в дневнике 2 февраля 1906 года: «Вечером со Смирновым на концерт в Schola Cantorum <...> Смирнов признался мне, что он сын еврея. Ведем с ним более “простые” разговоры»[17]. О незаконнорожденности Смирнова знали и его коллеги в советском Ленинграде[18]. Наконец, приведем «признание» самого Смирнова – стихотворение «Принц Иуда»:

*Á ì îëð æééáð òá:áð
éðîáîí áéáéáéîéë Ì ðîðîéíá*

*Á ì îëð æééáð òá:áð
éðîáîí áéáéáéîéë Õáðáé.*

È çáð:áð ãéîíá íáíòíðóíí ùð íáí áéíá

Áíé è íí:é á éðîáé íáííéíéíé í íáé.

В, ááðáéíééé òáðááé:, çáððîóáí ñáááíð

Á äáéüí éé éðáé íáíííýòí ùð

è :óæáúð éðááé.

Ì éðóæáí í úé áðáæáááí í-ðíéíáííé ðíéííð,

В áéáéó ááðáí éðó ðíí è ðáéüí ùð áíáé.

Ñéíáíí òððí ééé òááðíé í áéáíðéí ñéíá éðáý,

Áíçáéáýí í úé ðíéííóðð þáéí ùð áíééí,

Áäáéáéá í ð í ð:éçí ù ñáíáé óí éðáý,

Ì îé:á áéáíó íáéí ñðááé ñáááðí ùð éüüéí.

Ì í éíááá, í á éó:áð çéííòíá ñááðééá,

Ì í á í ðéááð èç í ð:éçí ù í ðéíííðò ááíí á

Á ì íð áðááí áí çáðáúáð òíý ááóí éá ñééü.

В í ù ðáðííí í ðííí óóüíý í ð òýæéíá ñí á

Ì íáí éí ááðíý éðîáîí í á áíéééðð áé ð áí

Á í áé - í áñéááüá í ð òíá á í áé í ðéçíáí áééíá

È í áíó ý í ñéááíðð é Á-áí í íéé ò áæ

Александр Смирнов

Отцом будущего профессора был Абрам Зак. Деталей его отношений с матерью Смирнова мы не знаем, никаких документальных подтверждений его отцовства не сохранилось, да и вряд ли они существовали. Тем не менее, по свидетельству известного специалиста по Данте Нины Елиной, в годы ее аспирантства у Смирнова «в Ленинграде “все знали”, что Смирнов был незаконнорожденным сыном банкира Зака»[\[20\]](#). В биографии Сони Делоне есть обтекаемая фраза, что мадам Смирнова была приятельницей Заков[\[21\]](#). Правда, какие именно Заки имеются в виду, читателю остается только догадываться – к началу XX века почти никто из российских родственников Абрама Зака эту фамилию уже не носил. В автобиографии Сони мать Алекса упомянута как француженка и сослуживица по банку ее двоюродного деда. Французское происхождение Наталии Ильиничны Смирновой (в девичестве Мартьяновой) вызывает сильные сомнения. Во всяком случае, родилась она в России в 1850-х годах, и ее отец, офицер русской армии, погиб во время Крымской войны (впрочем, о матери у нас сведений нет – не исключено, что бабушка Смирнова действительно имела французские корни). Что же касается службы в банке, то это (как и служба вообще) почти невозможное занятие для светской женщины в России конца XIX века. Жене действительного статского советника (и матери сына крупного финансиста) не надо было зарабатывать себе на хлеб каждодневным трудом; членство в благотворительных организациях – вот предел ее участия в общественной жизни. Еще менее вероятно, чтобы в начале 1880-х годов мать Смирнова была экономкой в доме Зака, как пишет Ольга Фрейденберг[\[22\]](#).

Справочник «Весь Петербург» за 1901 год свидетельствует, что жена действительного

статского советника Н. И. Смирнова проживала по адресу Невский проспект, 142[\[23\]](#), а ее муж – по адресу

Поварской пер., 9. Супруги разъехались в 1893 году, хотя официального развода, видимо, не было. Симптоматично, что разъезд совпадает с годом смерти Абрама Зака. Вероятно, между этими событиями существует определенная связь (скорее всего, речь идет о получении матерью Смирнова части наследства и, как следствие, обретении материальной независимости от мужа).

Сохранилась переписка Смирнова и Сони Терк (точнее, письма Смирнова к ней)[\[24\]](#). Письма за 1904–1905 годы частично были опубликованы Ж.-К. Маркаде[\[25\]](#), однако публикатор, разумеется, не ставил своей целью изучение семейных связей и окружения художницы в Петербурге и Германии, отчего в его комментарии этот аспект отражен весьма слабо. Мы же попробуем взглянуть на публикацию именно под этим углом зрения.

Александр Смирнов многократно упоминает Анну Сергеевну, или А. С, как связующее звено

между ним и пребывающей в Германии Соней. Речь, вне всякого сомнения, идет об Анне Терк, приемной матери Сони и «неофициальной» кузине автора писем. В одном из писем Смирнов кланяется и передает привет некоему Арнольду Израилевичу. Это, конечно, доктор Арнольд Зак, также двоюродный брат Смирнова. Кстати, и Карлсруэ, где Соня училась в художественной академии, был выбран Терками отнюдь не случайно: город находится всего в часе езды от Гейдельберга, так что Арнольд Зак мог до некоторой степени контролировать юную племянницу[26].

Может возникнуть путаница с отчествами детей Израиля Зака. Анна Терк и ее сестра Фанни Вейсенберг официально числились соответственно Анной Сергеевной и Фанни Сергеевной. А у жившего в Германии Арнольда Зака надобности в перемене отчества на более «ассимилированное», конечно, не было. Об отчествах же других детей Израиля Зака, Тины и Михаила, нам ничего не известно.

Наконец, ключевой отрывок: «До меня дошли неопределенные слухи о том, что Екатерина Юлиевна нездорова. Верно ли это и как она себя чувствует?» Екатерина Юльевна – вдова Абрама Зака. После смерти мужа она с сестрами, Полиной Венгеровой и Еленой Алапиной, жила в Гейдельберге (знаменитым детям Полины Венгеровой – Семену, Зинаиде и Изабелле – Смирнов приходится троюродным братом). Волнение Смирнова за здоровье Екатерины Зак может объясняться не только родственными чувствами, но и тем, что вдова банкира была распорядительницей его немалого наследства, а Александр – единственным (пусть и неофициальным) продолжателем рода Абрама Зака.

И еще фраза из письма: «На днях был у Ваших – отмечали день рождения А. Я.». Речь об

Александре Яковлевиче Терке – родившемся предположительно между 1875 и 1880 годами племяннике Генриха Терка и двоюродном брате Сони, проживавшем в соседнем с ней доме в том же Басковом переулке. Инженер, литератор и переводчик, он работал в крупной страховой компании и был членом Религиозно-философского общества, а в советское время преподавал в пожарном техникуме, публикуя свои оригинальные и переводные работы как учебные пособия для студентов и слушателей. Последняя его книга

вышла в 1937 году, и дальнейшая судьба А. Я. Терка нам неизвестна.

Как видим, Смирнов был в доме Терков своим. Более того, представляется весьма вероятным, что Сонины приемные родители благосклонно смотрели на возможность семейного союза их дочери с Александром. Но жизнь и независимый характер Сони распорядились иначе.

И последнее. Через всю жизнь Смирнов пронес любовь к шахматам. Он был призером Петербургского шахматного собрания, чемпионом Парижа 1912 года, участником чемпионата Ленинграда (1925), переводил книги Алехина, Капабланки, Ласкера, Эйве и др. Не исключено, что кроме врожденного таланта им руководил пример троюродного брата, Семена Алапина, – известного шахматного мастера и теоретика рубежа веков.

Àðí í èüü Çàé. Ñàðüüéíà 1930-ò ðáñá

ÃÄÉÄÄËÛÄÄÄ

Только в одной биографии Сони Делоне есть короткое упоминание о кончине Анны Терк и о том, что Соня не смогла приехать на ее похороны из Парижа в Петербург[27]. На самом деле приемная мать художницы похоронена всего в нескольких часах езды от Парижа – в Гейдельберге. На памятнике написано по-немецки: «Анна Терк (урожденная Зак) родилась 31 марта 1856, умерла 11 августа 1911». А чеки ежемесячно продолжали поступать Соне в Париж еще шесть лет после смерти Анны.

На том же памятнике высечено еще несколько имен. Но, увы, среди них нет имени человека, который собрал и опекал в этом старинном баденском городе своих российских родственников. По данным института «Яд ва-Шем», Арнольд Зак, родившийся 4 июня 1863 года в Одессе, был в октябре 1940-го депортирован из Баден-Бадена в лагерь Гурс на юге Франции и умер там 21 ноября.

Юношей уехав из Петербурга на учебу в Гейдельберг, он прожил в Германии всю жизнь. От своего отца он унаследовал литературный талант и издал в 1920-х годах несколько книг, далеких от его медицинских интересов. Приход нацистов к власти полностью разрушил жизнь семьи доктора Зака. В 1933 году эмигрирует с семьей в Прагу его старшая дочь Софи – вместе с мужем она погибнет в концлагере в 1942-м. Их сыну удастся в 1939 году получить убежище в Советском Союзе, но в октябре 1941-го его арестуют в Нижнем Тагиле за «шпионаж» и в декабре 1942-го расстреляют. Спасется лишь младшая дочь, Лили, сумевшая перебраться в США. Сын Арнольда Зака, тоже врач, Вальдемар, в 1938 году уезжает с женой в Париж – он умрет там в 1943-м. Два сына Вальдемара эмигрируют из Германии в 1937-м.

Арнольд, первым в семье приехавший в Германию, последним ее и покинет. После отъезда сына в Париж он был абсолютно одинок в Баден-Бадене, куда переехал из «коричневого» Гейдельберга. Из лагеря Гурс он пошлет сестре Фанни в Ленинград письмо с мольбой выволить его из лагеря и переправить в Советский Союз...

Но это будет много позже. А пока он счастливо живет в окружении семьи и опекает приемную дочь своей сестры, часто приезжающую к нему на выходные. Однако для Сони Терк-Делоне и Карлсруэ, и Гейдельберг остались лишь незаметными полустанками – ее монпарнасский экспресс летел дальше, к манящим огням Парижа.

ÃÌ ÃÑÒÌ ÝÌ ÈËÌÃÃ: ÃÃÑËÌÃ ÍÃÄ, 12

Ленинград, 1960-е годы. Из парадной Сониного дома каждое утро выходит светлоголовый мальчик в серой школьной форме и идет одним и тем же маршрутом в школу. Он тоже в начале пути, у него тоже будет свой экспресс, свои манящие огни и дали. Но пока что он, конечно, ничего не знает ни о своем будущем, ни о Соне Терк, шесть десятилетиями раньше отправившейся из этого же дома транзитом через Германию в Париж, ни о дореволюционных владельцах трехэтажного особняка.

Интересно было бы спросить у того давно повзрослевшего мальчика: считает ли он, как и Соня Терк, что сделал свою жизнь сам? Но этот вопрос мы оставляем будущим биографам президента Путина...

[1] *Axel Madsen. Sonia Delaunay: Artist of Lost Generation. New York, 1989.*

[2] *См.: Stanley Baron, Jacques Damase. Sonia Delaunay: The Life of an Artist. London, 1995. P. 8.*

[3] *Sonia Delaunay. Nous irons jusqu'au soleil. Paris, 1978.*

[4] *Автор является родственником тети и приемной матери Сони Делоне – Анны Терк. Моя мать Татьяна Белогорская приходится 2-же Терк внучатой племянницей. Автор выражает признательность Татьяне Белогорской, Ирине Добронравовой, Ирине Немировской, Дмитрию Равинскому, Вилену Терку и Михаилу Эдельштейну за советы и помощь при подготовке этой работы.*

[5] *Axel Madsen. P. 15–16.*

[6] *Еврейская энциклопедия. Т. 7. СПб., 1910. С. 659.*

[7] *См.: Сергей Лебедев. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 68.*

[8] *Еврейская энциклопедия. Т. 7. С. 659. Добавим, что трудам И. Зака нашлось место в библиотеке Льва Толстого – см.: Г. Данилевский. Поездка в Ясную Поляну (Исторический вестник. 1886. № 3. С. 536).*

[9] *Восход. 1904. № 17 (автор Л. Каценельсон).*

[10] *Axel Madsen. P. 18.*

[11] *Полина Венгерова. Воспоминания бабушки. М.–Иерусалим, 2003. С. 293. Анна Терк была известна еще и как переводчица – в частности, очень популярного на рубеже веков Габриэле Д'Аннунцио.*

[12] *Axel Madsen. P. 33. Весь этот пассаж не имеет никакого отношения к реальности: достаточно сказать, что Курнанд, дочь тайного советника, проживавшая до революции 1917 года в том же доме, где некогда жила Соня (Басков пер., 12), вообще никогда не была замужем.*

[13] *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17561; Адресная книга города Санкт-Петербурга за 1892, 1893, 1895, 1896, 1898, 1899 гг.; «Весь Петербург» за 1894, 1897, 1900–1909 гг.*

[14] *Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. Т. 2. Вып. IV. М., 1932. Стб. 1692.*

[15] *Axel Madsen. P. 152.*

[16] *Кроме неоднократно упоминавшегося труда Акселя Медсена см. также: Arthur Cohen. Sonia Delaunay. New York, 1975.*

[17] *Наше Наследие. 2006. № 77. С. 82.*

[18] *См., напр.: Вадим Баевский. Вниманье дружбы возлюбля // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 393.*

[19] *Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905.*

[20] *Роман Тименчик. Повороты темы // Лехаим. 2006. № 7. С. 64.*

[21] *Axel Madsen. P. 34.*

[22] *Пожизненная привязанность. Переписка Б. Л. Пастернака с О. М. Фрейденберг. М., 2000.*

С. 297. Укажем попутно на неточность, допущенную таким авторитетным историком литературы,

как Р. Д. Тименчик, который писал о родстве Н. И. Смирновой с семейством Венгеровых (см.: Лехаим. 2006.

№ 7). Эта ошибка восходит к публикации Н. И. Крайневой и Н. А. Богомолова в журнале «Новое

литературное обозрение» (1999. № 36. С. 206), где приводится относящийся к Смирнову фрагмент

неопубликованных мемуаров Л. А. Рождественской, знавшей его в 1920–1930-х годах по издательству

«Academia». Рождественская, по-видимому слышавшая о еврейском происхождении Смирнова, естественным образом связала эту информацию не с отцом, а с матерью своего сослуживца.

[23] *Наша семья жила по этому адресу более полувека, начиная с 1939 года. Но никто из нас тогда не знал, что в этом же доме в начале столетия студент Александр Смирнов писал пылкие письма в Германию своей приятельнице Соне Терк.*

[24] *Ответные письма в архиве Смирнова не сохранились. Вероятно, они были уничтожены адресатом в советский период вместе с другими «компрометирующими» бумагами (бояться Смирнову было чего – кроме происхождения, здесь и родственники за границей, и близость в юные годы к кругу Мережковских, и многое другое, не менее сомнительное с точки зрения советской идеологии).*

[25] *La correspondance d'A. A. Smirnov avec S. I. Terk (Sonia Delaunay) // Cahiers du monde russe et*

soviétique. 1983. Vol. 24. № 3. P. 289–327.

[26] *Биограф почему-то пишет, что в Гейдельберге жила сестра Анны с мужем (Axel Madsen. P. 39).*

[27] *Ibid. P. 97.*

ЕВРЕИ БУДАПЕШТА В 1944 ГОДУ: «ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ СПАСЕНИЕ»

Даниил Романовский

В ночь с 17 на 18 марта 1944 года немецкие войска оккупировали союзную Германии Венгрию. Оккупация была вызвана глубоким недоверием немцев к своему союзнику, и для этого недоверия имелись основания: диктатор Венгрии «регент» Миклош Хорти, давно разочаровавшийся в Германии и не веривший в ее победу, искал способ выйти из войны. Другим признаком ненадежности Венгрии в глазах Гитлера было упорное нежелание Хорти приступить у себя в стране к «решению еврейского вопроса» по немецкому образцу. В 1938–1942 годах венгерские власти наложили на евреев целый ряд ограничений и ввели для мужчин-евреев трудовую повинность, заменявшую воинскую, – но на этом дело остановилось. На фоне того, что происходило в других странах: расстрелов в Бабьих Ярах, депортаций в лагеря уничтожения, Венгрия до марта 1944 года казалась безопасной гаванью для евреев.

Ἐτεῖν ἰὰ ἀσθένειαν ἰατρικὴν καὶ ἰατρικὴν ἀσθένειαν ἰατρικὴν ἀσθένειαν ἰατρικὴν ἀσθένειαν.

Οὐδὲν ἰατρικὴν ἀσθένειαν, Αἰατὴν ἀσθένειαν.

1941 ἰατρικὴν ἀσθένειαν

Но сразу же после оккупации в Венгрии появились Адольф Эйхман и его подручные. При содействии венгерских властей и при активной помощи венгерской полиции нацисты с 15 мая по 6 июля

1944 года вывезли в Аушвиц, точнее, в лагерь уничтожения Биркенау 430 тыс. евреев венгерских провинций (включая аннексированные территории). В июле настала очередь двухсот с лишним тысяч евреев Будапешта – как вдруг нацистская кампания остановилась. 7 июля регент Хорти приказал прекратить депортации евреев; что побудило его, антисемита «старой школы», издать такой приказ, не вполне ясно историкам до сих пор.

Возможно, сказалось волнение мирового сообщества. На Хорти с разных сторон посыпались протесты и «предупреждения». Дипломаты нейтральных стран, аккредитованные в Будапеште, и представитель Ватикана выступили с инициативами спасения евреев столицы.

До лета 1944 года страны свободного мира – как державы антигитлеровской коалиции, так и нейтральные – не проявляли интереса к нацистскому геноциду евреев. За три предыдущих года нацисты и их пособники уничтожили более 5 млн евреев Европы – от Советского Союза до Нидерландов. Объединенные Нации ограничивались выпуском деклараций, ни одна из которых не обязывала Великобританию, СССР или США предпринять что-либо конкретное, чтобы остановить Холокост. Ни союзники, ни нейтральные государства не открыли свои границы для евреев-беженцев.

Молниеносная депортация нацистами сотен тысяч евреев из венгерских провинций в мае–июне 1944 года не прошла незамеченной союзниками и нейтралами, однако и не побудила их начать кампанию спасения венгерских евреев. Так, папский нунций в Будапеште Анджело Ротта сделал несколько резких заявлений венгерским властям, осуждая «эксцессы» по отношению к евреям. Однако на этой ранней стадии он был более всего озабочен судьбой евреев, принявших католицизм.

Неожиданный перелом наступил в последней декаде июня 1944 года. Он начался с волны протестов и предупреждений. 21 июня 1944 года, через Швейцарию, Хорти было послано предупреждение сената США. 25 июня 1944 года впервые с протестом против нацистского геноцида выступил папа Пий XII. 26 июня Хорти было передано серьезное предупреждение Рузвельта, 30 июня последовала телеграмма Густава V, короля Швеции. 2 июля состоялся воздушный налет на Будапешт, который все связывали с предупреждением Рузвельта.

В этот же период начались и попытки спасения евреев Будапешта путем выдачи им временных паспортов и охранных удостоверений нейтральных государств и иными консульскими мерами.

Как объяснить такой перелом в отношении западных стран к Холокосту? Что дало толчок волне протестов, а потом и попыткам дипломатического спасения? Одним из главных факторов здесь было распространение в странах свободного мира документа, получившего название «Аушвицкий протокол».

В апреле 1944 года из лагеря уничтожения Биркенау, он же Аушвиц-2, сумели бежать два словацких еврея: Рудольф Врба и Альфред Вецлер. Они добрались до Словакии и, находясь в подполье, сообщили о происходящем в лагере представителям еврейских организаций. В конце мая из Биркенау бежало еще два узника-еврея, которые также дали свои показания. Из сообщений отважной четверки в Словакии был подготовлен доклад – «Аушвицкий протокол», который в середине июня был переправлен в Швейцарию и предан огласке. Публикации о Биркенау и о том, что там творится, попали в швейцарскую печать, а затем и в шведскую. Тайное наконец стало явным: общественность узнала, что Биркенау – не лагерь принудительного труда, а лагерь смерти, и почти все евреи, прибывшие туда в 1942 году, были сразу же уничтожены – в газовых камерах и крематориях. В нейтральных странах поднялась волна возмущения.

Справедливо заметить, что доклад четверки беглецов был не первым сообщением о нацистском Холокосте, попавшим на Запад. Например, в августе 1942 года шведский консул в Штеттине получил свидетельство эсэсовского офицера Герштейна о лагере уничтожения Белжец и довел это свидетельство до сведения своего МИДа. Свидетельство Герштейна не побудило Швецию вступить за евреев Польши. Знаменитый курьер Польского правительства в изгнании Ян Карский в июле 1943 года был принят Рузвельтом и доложил о процессе уничтожения евреев Польши. Тогда доклад Карского не побудил президента США сделать серьезное предупреждение Германии. По-видимому, не только «Аушвицкий протокол» заставил нейтралов и союзников летом 1944 года обратить столь пристальное внимание на судьбу евреев Будапешта – действовали и другие факторы.

Одним из таких факторов было создание в январе 1944 года по приказу Рузвельта Комитета по делам беженцев войны (War Refugee Board). Комитет пообещал нейтральным государствам, что США позаботятся о судьбе евреев-беженцев, прибывающих в эти страны, и предложил им расширить консульский штат на территориях, контролируемых странами «Оси», с тем чтобы выдавать тем евреям, кому возможно,

паспорта и охранные свидетельства. Предложение исходило от правительственного органа США, и в июне 1944 года нейтралы действительно расширили свой консульский штат в Будапеште.

Értelmű önkéntes elhagyásuk Észak-Európában

Главное же – Германия со всей очевидностью проигрывала войну. 4 июня 1944 года Рим был взят союзниками, а 6 июня началась высадка в Нормандии. Хорти было ясно: надо как можно скорее выходить из войны и мириться с союзниками. Нейтралы также могли более не бояться Германии. Для них теперь важнее было наладить хорошие отношения с будущими победителями – США и Великобританией, ведь до 1943 года считалось, что нейтральные Швеция, Швейцария и Испания симпатизируют Германии. И поскольку правящие круги нейтральных стран не меньше, чем их восточноевропейские собратья, верили в то, что «великие западные демократии» управляются евреями или, по крайней мере, доброжелательствуют евреям, то участие в спасении евреев казалось им хорошим способом завоевать расположение победителей.

17–18 июля режим Хорти распространил через Швейцарию два заявления: о том, что венгерское правительство согласно на эмиграцию значительной части своих евреев в нейтральные страны и в Палестину и что правительство Германии готово выдать таким эмигрантам пропуска для следования через контролируемые ею территории.

Итак, все факторы благоприятствовали тому, чтобы иностранные дипломаты вмешались в события в Будапеште и попытались спасти евреев.

История «дипломатического спасения» в Будапеште делится на две части: до переворота Салаши 15 октября 1944 года и после него. До переворота задачей консулов, занимавшихся венгерскими евреями, было снабжать их документами нейтральных стран, а также создать сносные условия существования тем, кто уже получил такие документы. Режим Хорти признавал паспорта и охранные свидетельства нейтральных стран, и они служили хорошей защитой их владельцам. После переворота, устроенного фашистской партией «Нылашкерестес» («Скрещенные стрелы») под руководством Ференца Салаши, установился новый режим, который не особенно уважал иностранные документы. Тогда задачей дипломатов стало защищать своих подопечных – часто физически – от фашистских властей и особенно милиции, а также от немцев.

Систему дипломатического спасения, которую впоследствии начали копировать все остальные дипломаты нейтральных стран, изобрел генеральный консул швейцарского посольства Карл Лутц. Посольство Швейцарии в Будапеште играло особую роль: оно представляло здесь интересы Великобритании и США; в частности, именно оно получало и распределяло присланные Еврейским агентством британские сертификаты на въезд в Палестину. К июню 1944 года в Будапеште было 7 тыс. человек с сертификатами или с британскими предложениями о допуске в Палестину. Еще 26 апреля швейцарское посольство запросило выездные визы для них.

Очередь у дверей шведского посольства.

Будапешт.

Лето 1944 года

В июне Швеция и Швейцария от своего имени и от имени союзников предложили венгерскому правительству спонсировать эмиграцию 7800 евреев. Эмиграцию 300–400 человек, у которых были связи со Швецией, брали на себя шведы, и эмиграцию 7 тыс., собиравшихся въехать в Палестину, брали на себя швейцарцы. Венгерские власти, знавшие о мощной антивенгерской кампании в Швейцарии и Швеции, согласились выдать визы, но немцы затягивали выдачу «дурхласс-шайне» – пропусков через оккупированную территорию. Сам Гитлер 10 июля согласился на эмиграцию части евреев из Будапешта при условии, что немедленно возобновятся депортации всех остальных.

В ситуации, когда Лутц не мог вывезти 7 тыс. человек в Палестину, его задачей было спасти их от произвола венгерских и немецких властей. В частности, он отверг предложение венгров о размещении будущих эмигрантов в специальных лагерях (ведь ничто не мешало немцам нарушить все договоренности и депортировать евреев из этих лагерей), а вместо этого добился права поселить своих подопечных в специальных «экстерриториальных» домах в Будапеште, принадлежавших швейцарскому посольству. Первым таким домом стал так называемый Стекланный дом на улице Вадас, 29, по соседству с посольством; его владелец, крупный венгерский еврейский промышленник Артур Вайсс, передал его швейцарцам.

Кроме того, Лутц начал выдавать охранные свидетельства («шущпас») членам семей будущих эмигрантов в Палестину и также переводить их в «экстерриториальные» дома.

Была разработана схема эмиграции из Будапешта в Палестину через Румынию и Турцию; Румыния выдала требуемое количество транзитных виз. 3 августа все документы были поданы на одобрение немецким властям в Венгрии – и те отказали. Вместо этого немцы предложили схему эмиграции через рейх и Португалию, явно не оставляя надежды перехватить эмигрантов на полпути и отправить их в лагеря смерти. Переговоры затянулись. 23 августа Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, и вся схема рухнула.

После переворота Салаши Лутц, представитель Швеции Рауль Валленберг и папский нунций Ротта потребовали у новых властей уважения к паспортам и охранным свидетельствам, выданным при предыдущем режиме. Нылашисты согласились, но потребовали до 20 ноября перевести всех покровительствуемых евреев в специальное «международное» гетто в Пеште; для остальных евреев создавалось «большое» гетто.

К январю 1945 года в «международном» гетто было 33 тыс. человек, из них 23 тыс. жило в «швейцарских» домах. У одной трети обитателей этого гетто охранные документы были фальшивыми.

Дальнейшие акции спасения Лутц проводил совместно с Валленбергом. Отметим, что визы, выдаваемые консулом Карлом Лутцем, обеспечивали их обладателям въезд не в Швейцарию, а в далекую Палестину; охранные свидетельства также не давали права на въезд в Швейцарию. Тем не менее по

возвращении на родину Лутц получил выговор от МИДа за то, что выдал слишком много швейцарских документов, обладатели которых могли бы претендовать на швейцарское гражданство.

Швеция впервые отреагировала на происходящее с венгерскими евреями 11 июня 1944 года, когда депортации уже шли полным ходом. Посол Ивар Даниэльссон попросил разрешить эмиграцию 300–400 евреев, имевших родственников в Швеции или поддерживавших деловые связи со Швецией; им король предоставит шведское гражданство. 26 июня венгерское правительство одобрило план Даниэльссона.

На улице, где находилось посольство Швеции, выстроилась очередь. К началу июля секретарь посольства Пер Ангер выпустил 450 временных шведских паспортов. Следующей стадией в попытках шведских дипломатов спасти хотя бы часть венгерских евреев была деятельность Рауля Валленберга.

Валленберг прибыл в Будапешт 9 июля, через два дня после того, как Хорти приказал остановить депортации. Приказ Хорти многим казался лишь временной остановкой; ходили слухи, что в августе депортации возобновятся. Еще в Стокгольме Валленбергу прямо поручили организовать ширококомасштабную помощь преследуемым евреям и «меньшинствам». Его также предупредили, что фактически он является не только секретарем шведского посольства, но и негласным представителем американского Комитета по делам беженцев войны. Валленберг быстро вошел в курс дела (он бывал в Будапеште и раньше и немного знал венгерский язык); в частности, он побывал у Карла Лутца и ознакомился с его методами выдачи временных паспортов и охранных удостоверений.

Первой самостоятельной акцией Валленберга было создание организации для оказания помощи; при ней имелось две больницы и кухня, а главное, в ней состояло 355 служащих, почти все – будапештские евреи или «неарийские христиане». Служба у секретаря шведского посольства давала иммунитет служащим и их семьям. Некоторые работники со временем получили шведское подданство.

Аппарат Валленберга начал выдавать евреям Будапешта паспорта, временные паспорта и охранные удостоверения. К 15 октября 4500 человек получили разного рода шведские документы. К началу 1945 года около 10 тыс. человек имели шведские охранные грамоты, часть из них – фальшивые, изготовленные подпольным комитетом «Гехалуц»; шведы смотрели на это сквозь пальцы. Валленберг изобрел и новый охранный документ – на желто-голубой бумаге, с гербом Швеции – он гласил: «Королевское шведское посольство в Будапеште подтверждает, что упомянутый выше обладатель данного свидетельства уезжает в Швецию <...> До репатриации обладатель данного свидетельства и его семья находятся под покровительством Королевского шведского посольства. Действительно в течение 14 дней с момента въезда в Швецию». Обратим внимание на последнюю формулу: ни один из шведских охранных документов, кроме немногочисленных постоянных паспортов, не давал права на иммиграцию в Швецию.

Тем не менее до переворота Салаши охранные документы – как шведские, так и других стран – обеспечивали безопасность их обладателям. Хортистские власти уважали их, равно как и «экстерриториальные» дома под шведским флагом, которые, следуя примеру Карла Лутца, Валленберг приобрел в Будапеште и куда он поместил евреев – обладателей шведских бумаг.

Все переменилось после 15 октября. Режим Салаши как будто собирался соблюдать договоренности предшествующего режима с нейтральными государствами, но вожди «Нылашкерестес» уже не контролировали собственную милицию; в Будапеште царил анархия. Задачей Валленберга стала защита евреев, находившихся под покровительством Швеции, от новых венгерских властей, а также от вновь появившегося в городе Эйхмана.

Нылашистская милиция стала являться в «экстерриториальные» дома и проверять подлинность документов у их обитателей. Застигнутых с фальшивыми охранными свидетельствами нылашисты выводили на берег Дуная и расстреливали, а тела сбрасывали в воду; чаще же их избивали и отправляли в будапештское «большое» гетто. Эйхман потребовал 25 тыс. здоровых евреев на строительство оборонительных укреплений в Австрии – и с 8 ноября в Венгрии начались «марши смерти» к австрийской границе. Чтобы выполнить квоту, полиция и нылашисты являлись в «международное» гетто и забирали оттуда евреев, не обращая внимания на их документы. Валленбергу и Лутцу приходилось спасать своих подопечных. Как только становилось известно, что нылашисты забрали евреев из «экстерриториальных» домов, они являлись во двор кирпичного завода в Обуде, на северозападной окраине Будапешта, откуда обычно начинался «марш смерти», и требовали назад «своих». При этом Валленберг, носивший с собой сине-желтые бланки, еще успевал заполнять и выдавать охранные свидетельства некоторым евреям из «большого» гетто, приведенным туда же. Однажды Валленберг увел из Обуды 150 человек, из которых

только у двоих были настоящие охранные свидетельства. Чтобы венгерские жандармы не проверяли документы освобождаемых, Валленбергу приходилось давать жандармам взятки.

*Одним из методов
1940-х годов*

В тех случаях, когда евреев для Эйхмана отправляли в поездах, Валленберг являлся на вокзал и забирал «своих» евреев из поезда. В одном случае, когда поезд успел уйти, Валленберг добрался на автомобиле до пограничного пункта Хедьешхалом, где депортированных принимали эсэсовцы, и заставил венгров и немцев освободить из эшелона тех евреев, которые были в его списках. По оценкам, в ноябре–декабре только Валленберг возвратил из «маршей смерти» и депортаций 1500 человек.

В тех случаях, когда Валленберг был не в состоянии вернуть людей с «маршей смерти», он пытался облегчить их участь. Автомобиль Валленберга сопровождал колонны евреев по заснеженной венгерской равнине, и шведский дипломат раздавал конвоируемым продовольствие.

Шведское посольство признавало, что «методы Валленберга» опасны. Эйхман, встретившись с Валленбергом, пригрозил, что его жизнь будет в опасности, если он не прекратит вмешиваться. После этого Валленберг был вынужден каждую ночь ночевать в разных местах. Но все понимали, что идут последние дни нацистского рейха, и попыток убрать шведского дипломата не было.

В январе 1945 года поползли слухи, что немцы перед отступлением взорвут «большое» гетто. Валленберг пригрозил немецкому коменданту района и начальнику венгерской полиции, что после войны они будут наказаны как военные преступники. Возникла легенда о том, что Валленберг спас 70 тыс. евреев «большого» гетто; неясно, впрочем, действительно ли немцы собирались взрывать гетто.

Трудно оценить, сколько евреев спас Валленберг. Часто говорят о 7–9 тыс. – это те, кто жил в «международном» гетто в шведских домах. «Международное» гетто не давало стопроцентной защиты от террора Нилаша; с другой стороны, большинство евреев «большого» гетто, которых никто не спасал, также пережили войну.

Испания обратила внимание на события в Венгрии только тогда, когда депортации из провинций закончились. Толчок к вступлению Испании в деятельность по спасению будапештских евреев дала встреча 5 июля 1944 года в Лиссабоне двух еврейских представителей с испанским послом. Элияу Добкин, от Еврейского агентства, предложил послу помочь сефардам – евреям испанского происхождения.

Неделю спустя Еврейский совет Будапешта получил телеграмму от Танжерского комитета помощи беженцам (Танжер был под испанской оккупацией) о том, что Танжер примет 500 детей: 200 из них выберет Комитет, 300 – сам будапештский Еврейский совет. Вне всякого сомнения, инициатива исходила от правительства Франко. Совет немедленно обратился к Анхелю Санс-Брису, испанскому поверенному в делах. Санс-Брис предложил, чтобы Совет просил Мадрид выслать визы 500 детям и 50–70 взрослым для сопровождения. Пока шли переговоры между Еврейским советом и посольством и между последним и испанским МИДом, Санс-Брис, следуя примеру Швейцарии и Швеции, выпустил некоторое количество охранных свидетельств для будапештских «сефардов».

Ни один из детей и взрослых, взятых под покровительство испанским посольством, не доехал ни до Танжера, ни до Испании. Разрешений на их выезд немцы так и не выдали. После переворота Салаша они были помещены в «международное» гетто.

После переворота Санс-Брис, боявшийся, что русские возьмут Будапешт и расстреляют его, вернулся в Испанию, а его функции перешли к Джорджо Перласка. Итальянец Перласка когда-то воевал на стороне Франко и ввиду этого имел право на испанское гражданство. В Будапеште он оказался в 1941 году как торговый агент итальянской фирмы. После того как в сентябре 1943 года Муссолини под давлением немцев провозгласил Итальянскую социальную республику (Республику Сало) и тем самым легализовал немецкий оккупационный режим, Перласка отказался возвращаться на родину и ушел в подполье. В начале ноября 1944 года он получил у Санс-Бриса испанский паспорт и стал фактически послом Испании в Венгрии. В частности, Санс-Брис просил его взять на себя дела «испанских» евреев. За короткое время Перласка выпустил 3 тыс. охранных свидетельств Испании. В «международном» гетто Будапешта появились испанские дома.

Парадоксальным образом, испанцы – так же, как и португальцы, – имели в Будапеште большую свободу действий в спасении евреев. Во второй половине 1944 года и в 1945 году венгерские лидеры – как хортисты, так и ньилашисты – задумывались о том, где им искать убежище после войны. Прежде всего, они рассчитывали на гостеприимство братьев-фашистов в Испании и Португалии (и не напрасно рассчитывали – Хорти умер в 1957 году в Лиссабоне), поэтому отношения с этими странами старались не портить.

Португальский посол Лиз-Тейшейра Бранкиньо включился в спасение будапештских евреев только после переворота Салаша. Он выпустил 698 паспортов и охранных свидетельств – все его подопечные были переведены в «международное» гетто. Однако 26 ноября ньилашистская милиция явилась в «португальские дома» в гетто, забрала мужчин, подлежащих по возрасту трудовой мобилизации и отправила их на фортификационные работы на австрийскую границу.

Сто девятнадцать тысяч евреев Будапешта пережили войну. Чья это заслуга? «Умеренного» Хорти, как утверждают его апологеты? Салаша, который будто бы не собирался убивать евреев? Гимллера, который в конце 1944 года потерял интерес к «окончательному решению еврейского вопроса» и более не поддерживал Эйхмана? Или дипломатов нейтральных стран?

Спасли ли кого-то в действительности спасители-дипломаты в Будапеште? Ответ на этот вопрос совсем не очевиден. При Хорти, вероятно, нет, ибо депортация из столицы при нем так и не состоялась. Дипломаты, раздававшие паспорта и охранные свидетельства своих стран, самое большее – спасли своих подопечных от действия унижительных антиеврейских законов; в частности, они были освобождены от ношения нашивки в виде звезды Давида.

При Салаша ситуация была более сложной. Деятельность дипломатов нейтральных стран привела 15 ноября 1944 года к созданию «международного» гетто в Будапеште. Евреи, оказавшиеся в нем, едва ли выиграли от этого. Они оказались в большей тесноте и скученности, чем евреи в «большом» гетто. Временами в «большом» гетто было безопаснее, чем в «малом». Ньилашисты, невзирая на охранные грамоты, брали на «марши смерти» или просто расстреливали по своему произволу евреев и оттуда, и оттуда. Валленбергу, Лутцу и другим пришлось спасти некоторых из «привилегированных» евреев по два-три раза. Издевательства «привилегированные» претерпели больше, чем «непривилегированные», – ньилашистская милиция срывала на них свою фрустрацию. Во время ньилашистского террора в Будапеште в ноябре 1944 – феврале 1945 года было убито 9 тыс. евреев; какую часть из них составляли евреи, покровительствуемые посольствами, сейчас сказать трудно, но, безусловно, таких было немало.

Большой смысл имели попытки спасения евреев с «маршей смерти». Этим осмеливались заниматься не все дипломаты – только Лутц и Валленберг, и, видимо, им удалось спасти многих. Между тем Эйхман и его команда добились все-таки депортации из осажденного Советской армией города 25 тыс. евреев – это значит, что на место каждого освобожденного Лутцем или Валленбергом «привилегированного» еврея ньилашисты ставили «непривилегированного».

Венгерские власти осторожничали и терпели «охранные свидетельства» Валленберга, не имевшие законной силы, и «экстерриториальные» дома, для каковых в Европе не было прецедента. Они закрывали глаза на то, как швейцарские и испанские дипломаты превращали временный паспорт на одного человека во временный паспорт на всю его семью. Венгерские лидеры уже больше задумывались не о «законности», а о том, что с ними будет после войны.

Многие дипломаты, участвовавшие в попытках «дипломатического спасения», в послевоенные годы были удостоены в Израиле звания Праведника народов мира. Один из критериев присвоения этого звания: его достойны те, кто, спасая евреев, рисковал своей жизнью или свободой.

Кто из дипломатов рисковал жизнью? С одной стороны, каждый, поскольку шла война, а режим Салаши был анархичен. Если же отрешиться от такого фактора, как «шальная пуля» или «шальной осколок» союзнической бомбы, а брать в расчет только возможные репрессии венгерских властей и немцев, то рисковали жизнью лишь двое: Валленберг (прямые угрозы Эйхмана) и Джорджо Перласка (как фашистский диссидент). Погиб Валленберг, однако, вовсе не от рук фашистов, а в застенках московской Лубянки – 17 января 1945 года его арестовали в Пеште советские освободители; причина ареста неизвестна до сих пор.

Ни один из дипломатов, работавших в 1944 году в Будапеште, не нарушил напрямую инструкций, полученных им от своего МИДа. Некоторые, как португалец Лиз-Тейшейра Бранкинью, получили от своих правительств прямой приказ выдавать временные паспорта евреям. Только у одного дипломата, вследствие его действий в Будапеште, пострадала карьера: в послевоенные годы Карл Лутц был отправлен консулом в маленький австрийский город Брегенц, близ границы со Швейцарией.

И сами нейтральные государства ничем не рисковали, раздавая охранные свидетельства и временные паспорта: дипломатическое покровительство не означало допуска в соответствующую страну, не давало права на иммиграцию куда-либо, кроме подмандатной Палестины. Лишь единицы из покровительствуемых въехали в Швецию и Швейцарию, и ни один из них не сделал этого, пока шла война.

ПОЛ ШАПИРО:

«В РОССИИ ПРОСТО ОБЯЗАНЫ ИЗУЧАТЬ ХОЛОКОСТ»

Беседу ведет Станислав Будницкий

Пол Шапиро, директор исследовательского центра при Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, недавно приезжал в Москву в рамках зарождающегося сотрудничества с историческим факультетом Государственного университета – Высшей школы экономики. Д-р Шапиро прочел открытую лекцию «Холокост на территории СССР: Почему? Что? Как?», а на следующий день познакомился с первым набором студентов факультета.

– Ваша деятельность до того, как вы возглавили центр, была как-то связана с темой Холокоста?

– Я занимался политической историей – изучал страны Восточной Европы, специализируясь на коммунистических режимах. Когда занимаешься изучением этой части света, занимаешься изучением тех мест, где проживала большая часть европейского еврейства. Рано или поздно это неминуемо приводит к контакту с темой Холокоста.

Много лет я проработал в Информационном агентстве США, занимаясь программами культурного и образовательного обмена – например, программой «Фулбрайт», а также был редактором научного журнала «Проблемы коммунизма». Журнал рассматривал политические, экономические и исторические аспекты жизни коммунистических стран. Была там и еврейская тема.

В 1970-х годах правительство США начало преследовать деятелей геноцида, нелегально обосновавшихся в стране. Моя докторская диссертация была посвящена правым политическим партиям Румынии и их связям с нацистами. Американское правосудие искало, среди прочих, как раз человека, ответственного за погром в Бухаресте в 1941 году. Уже в США он стал священником. Министерство юстиции попросило меня заняться этим человеком. В процессе исследования я видел множество закрытых архивов – мне они были доступны лишь потому, что я работал в рамках межправительственного соглашения.

Когда создавался Музей Холокоста, при нем хотели создать архив. Я в то время работал в другом месте, но большую часть года посвящал сбору архивных документов – летал в Румынию, Чехословакию, Украину; это было в конце 1980-х годов. В какой-то момент мои дети сказали мне: «Знаешь, папа, ты занимаешься этим одиннадцать месяцев в году, из них всего три-четыре недели – для Музея Холокоста. Но все время говоришь только об этих трех-четырёх неделях. Может, тебе стоит пойти туда работать?»

Музей как раз объявил, что создает исследовательский центр. Сотрудники музея были типичными музейными сотрудниками, не сотрудниками научного учреждения. Были собраны материалы, с

которыми могли бы работать ученые, но не было исследовательских программ. Подталкиваемый своими детьми и некоторыми коллегами, я взялся за создание центра.

Дело в том, что в первые пятьдесят лет после Холокоста преподаванием этой темы занимались, в основном, оставшиеся в живых узники. К середине 1990-х годов встал естественный вопрос: кто будет заниматься преподаванием в будущем? И наш центр был призван обеспечить преемственность поколений в изучении и преподавании Холокоста.

Работа над созданием центра шла в 1998–2000 годах. Мне по-прежнему кажется невероятным, что всего за десятилетие мы нашли финансирование для целого ряда программ, год за годом публикуются очень важные книги, исследователи получают докторские степени и устраиваются на хорошие должности, а центр стал лидером в исследовании темы Холокоста.

– Что привело вас в Москву на этот раз?

– Холокост был международным явлением, и его изучение должно носить международный характер. Последние годы мы посвятили работе над тем, чтобы Холокост достойно преподавался и исследовался не только в американских университетах, но и во многих странах мира. Эта тема не просто важна, она должна быть важна для России и других стран бывшего СССР. В Холокосте видны худшие и лучшие человеческие черты – это делает тему вечно актуальной и не только еврейской, но универсальной.

Наш музей – государственная структура, созданная потому, что американское правительство считает: каждый американец должен знать что-то о Холокосте. Россия – страна, где история играет важную роль, но где тема Холокоста была отодвинута на второй план. И это несмотря на то, что Советская армия освободила все лагеря смерти. (Американские студенты этого не знают – они убеждены, что освободителями были американцы.) А также несмотря на то, что три из шести миллионов жертв проживали на территории Советского Союза. И наконец, несмотря на то, что ни одна страна в мире не заплатила столь высокую цену за победу над Гитлером. Я мог бы привести еще пятьдесят аргументов в пользу того, что в России просто обязаны активно и тщательно изучать Холокост.

– Одна из официально заявленных целей музея состоит в «предотвращении геноцида». Между тем за шестьдесят пять лет, прошедших с окончания второй мировой войны, мы видели немало проявлений геноцида – Камбоджа, Босния, Руанда, Судан. Кто-то скажет: в чем смысл изучения, если это ничего не меняет? Что вы ответите на это?

– Возможности и потенциал для совершения геноцида – часть человеческой природы. Любой человек может стать убийцей при определенных обстоятельствах. Любой может стать жертвой. Большинство людей принимают роль очевидцев. Они говорят: «Если это напрямую меня не касается, я не стану вмешиваться». Именно бездействие очевидцев позволяет действовать убийце. Но в каждом есть и потенциал для совершения хороших поступков. Преподавание истории Холокоста показывает все потенциальные варианты действий человека, и если оно проводится эффективно, то, хочется верить, это вдохновляет человека на правильное поведение. Повторю, геноцид – часть человеческой природы, он никуда не исчезнет. Но мы можем сделать людей более чувствительными к этой проблеме, донести до них мысль о том, как важно не быть безмолвными свидетелями. Мы можем помочь дипломатам, военным и политикам распознать геноцид на ранних стадиях, выявить первичные симптомы, схожие для любого геноцида.

Сегодня во многих частях света можно наблюдать резкие антисемитские выступления, а иногда и действия. Многие думали, что после Холокоста такого не может быть, но очевидно, что это никуда не уходит. Изучая Холокост, быстро понимаешь, что антисемитизм приводит к плачевным результатам не только для евреев, но и для всех остальных. Взять Советский Союз: 27 миллионов погибших во второй мировой войне. Двадцать из них – мирные жители. Три из 20 – евреи. Ненависть, насилие и безразличие к насилию, которое изначально было направлено на евреев, привели к гибели миллионов. История Холокоста отчетливо показывает: как только антисемитизм становится приемлемым, риску подвергаются не только евреи, но население в целом.

Холокост был прекрасно документирован – убийцами, выжившими, правительствами, которые после его окончания начали судить виновных. Сейчас документы этих процессов стали доступны. Есть люди, отрицающие Холокост. Они делают это не из любви к людям, а из ненависти. Все собранные документы-доказательства служат главным оружием в борьбе против таких отрицателей, а значит, в борьбе против ненависти в обществе.

– В США «Дневник Анны Франк» проходят в средней школе. Не слишком ли это рано? Как воспитать в человеке толерантность, не отпугнув его?

– Разумеется, мы не призываем маленьких детей погружаться в самые страшные страницы истории Холокоста. В нашей постоянной экспозиции некоторые части отгорожены занавеской, так что человек может сам выбирать, смотреть это или нет. Мы также не рекомендуем посещать музей детям до 12 лет. Зато у нас есть специальная экспозиция для детей. Что же касается воспитания толерантности в целом, этому нужно учиться, прежде всего, дома, до школы. Мой отец был бедным еврейским иммигрантом и рос в городе, где было мало евреев. Он спрашивал свою мать, почему их семья ходит в синагогу в субботу, а семья ирландских соседей – в церковь в воскресенье. Значит ли это, что соседи – плохие люди? Мать отвечала: «В каждой нации есть хорошие люди, и наша соседка одна из них. Если мы попадем в рай, то обязательно там с ней встретимся. Так что просто будь хорошим соседом». Конечно, это задача школ, музеев вроде нашего, но в не меньшей степени это задача семьи. Можно ли начать слишком рано? Нет, нельзя. Люди часто спрашивают меня, когда начался Холокост. Тогда, когда первому еврейскому ребенку запретили ходить в школу вместе с его нееврейскими друзьями и соседями.

– Какую художественную книгу на тему Холокоста вы бы порекомендовали к прочтению?

– Очень сложно выбрать, существует столько замечательной литературы по Холокосту. Я бы порекомендовал «Ночь» Визеля, так как она была написана по свежим следам. Вообще, я предпочитаю произведения, основанные на фактах. Приведу пример книги не художественной, но и не научной – «Потерянные: поиск шести из шести миллионов» Дэниела Мендельсона. Он занялся исследованием истории своей семьи: объездил много стран, повстречал много людей, везде искал правду. Это очень сильная книга, она начинается с простой мысли: «Я ничего не знаю о своей семье, кроме истории отца и матери». Это приключенческое произведение, но в то же время не художественное. Мы все хотим знать собственную историю.

– Расскажите, пожалуйста, о правительственных наградах, которые вы получили.

– Я получил две награды от правительств. Первую – от румынского правительства. Откровенно говоря, до 2004–2005 годов эта страна фактически отрицала Холокост на официальном уровне. Я участвовал в комиссии, которая дала ряд рекомендаций правительству по преподаванию, увековечиванию памяти и исследованию Холокоста в Румынии. Руководство страны прислушалось к нашим рекомендациям: например, они спонсируют исследовательский центр и создали первый памятник жертвам Холокоста. Награда была за участие в этой попытке донести правду.

Вторая была получена от правительства Германии в мае этого года. Во-первых, за создание центра по изучению Холокоста, что для Германии очень важно, где бы ни находилось это учреждение. Во-вторых, за возможность для молодых ученых, особенно немецких, участвовать в жизни нашего центра. Это правильный подход: если Германия когда-либо перестанет обращать внимание на изучение Холокоста, значит, наша миссия провалилась. Третья причина связана с моей ролью в открытии архивных материалов – всего более сотни миллионов документов: о концентрационных лагерях, депортациях, трудовых лагерях, перемещенных пленных. Эти документы касаются судеб 17 миллионов человек, и их открытие в Германии чинили препоны. Когда посол Германии в США презентовал награду, он сказал: «У нас есть обязательства перед историей. В частности, чтобы все документы были открыты и доступны для преподавания этой темы. Чтобы выжившие могли узнать, что случилось с их родственниками. Время от времени мы забываем об этих обязательствах, и вы напоминаете нам о них». Это было особенно трогательно еще по одной причине. Во время обучения в аспирантуре у меня был друг из Германии. Он рассказал мне, как после войны ездил в международный скаутский лагерь во Франции, где в немецких детей и подростков бросали мусор, плевали – просто потому, что они немцы. Это лишний раз убедило меня, что ненависть к любой группе людей неприемлема. Во время войны мой товарищ был мальчиком и, разумеется, ни в чем не был повинен. Я вижу свою задачу как главы центра ровно в том, чтобы бороться с подобной ненавистью.

ЗАЧЕМ ЕВРЕЮ ПРАВОСЛАВИЕ

Борис Клин

Сколько именно русских евреев стали православными, сегодня никто не знает, но ведь и сколько в России православных, опять-таки точно неизвестно. Почему евреи оказались среди православных, как себя чувствуют в Церкви?

«Мне, как человеку еврейского происхождения, не хочется обсуждать взгляды отца Петра на еврейский вопрос и так называемое “иго иудейское”», – говорит в одном из интервью политолог N. Он человек православный. Вопрос ему задавали о деятельности православного священника, оказавшегося антисемитом, сталинистом, монархистом и ветераном Великой Отечественной войны. И так, не хочется, неудобно. И не только ему.

Любой вопрос об антисемитизме в церковной среде для крещеных евреев весьма болезнен и неприятен. Надо отдать должное нынешнему руководству РПЦ, его никак не упрекнешь в антисемитизме. Это явление в церковной жизни существует на бытовом уровне и в высказываниях отдельных священников невысокого с точки зрения служебного положения звания. И самое противное для выкрестов то, что этот антисемитизм носит не религиозный, а зоологический, животный характер. То есть их ненавидят не за вероисповедание, это хоть и не политкорректно, но объяснимо: любая религия претендует на абсолютную истину и ни с кем ее не делит. Нет, ненавидят за происхождение, которое человек не выбирал и изменить не в состоянии. Почему среди части верующих усиливается антисемитизм, несмотря на усилия церковного начальства? Да ведь он часть традиции начала XX века, той самой традиции, ностальгию по которой обществу усиленно навязывают: «Конфетки-бараночки, гимназистки румяные, поручик Голицын, юнкер-р-ра!» и т. д. и т. п. А ведь следовало бы заглянуть, ну, скажем, в уставные документы черносотенцев, Союза русского народа или Союза Михаила Архангела. Эти партии, столь любезные последнему императору, готовы были принимать в свои ряды не только русских, украинцев и белорусов, но и любых других инородцев. А вот лиц иудейского вероисповедания и евреев вообще – даже крещеных – ни в коем случае! А

кто же был среди членов этих замечательных партий? Протоиерей Иоанн Кронштадтский. Русской православной зарубежной церковью он был прославлен в лике святых в 1964 году, а РПЦ – в 1990-м. Справедливости ради замечу, что Иоанн Кронштадтский осудил кишиневский погром: «Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделали варварами – громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного русского царя и поставленных от него правителей? Зачем допустили пагубное самоуправство и кровавую разбойническую расправу с подобными вам людьми? Вы забыли свое христианское звание...» Среди «союзников» был и еще один православный святой – протоиерей Иоанн Восторгов. Он, правда, к еврейским погромам относился иначе и в «Воспоминаниях о февральской революции» писал: «“Здравомыслящие” градоправители упустили момент отвернуть русло революции и превратить грядущую трагедию в веселенький фарс жидовско-торгового погрома... Эх, и за что им деньги, чины и проч. дают!..» Замечу, что революция шла в столицах, а там торговлей заниматься могли лишь выкресты и немногочисленные евреи – купцы-миллионщики. Остальные жили в пределах черты оседлости. Очевидно, там, вдали от революционных бурь, и предлагал Восторгов «повеселиться» над беззащитными людьми.

Так почему же евреи идут в православие? С одной стороны, невежество. Плохое знание истории. С другой – слабое представление о традициях своего народа. По той же причине, по которой русские ищут истины в экзотических восточных учениях. «Прервана историческая традиция, четыре поколения выросли на духовных развалинах, и теперь проповедовать, просто апеллируя к традиции, генетической памяти, невозможно, нужны особые усилия». Угадайте, кто сказал? Патриарх Кирилл. Но к российским евреям сказанное относится не в меньшей, а даже в большей степени, чем к русским. Ведь у русских сохранялась великая литература, а она вся была пропитана православием, даже без уроков православной культуры. Сохранялись памятники архитектуры.

Наконец, в годы советской власти посещение православного храма было, конечно, с точки зрения власти проявлением фрондерства, но посещение синагоги воспринималось уже как покушение на измену Родине. Раввин Адольф Шаевич рассказывал мне, как его отказывались принимать учиться на раввина из-за того, что он был еврей, – вдруг захочет уехать в Израиль?!

Есть и языковая проблема – все-таки церковно-славянский проще, чем иврит. Православие куда как более доступно.

Сегодня еврейской литературы на русском языке мало, книги дороги, а подарочный формат крайне неудобен. Миссионерской деятельности – под ней я понимаю активный призыв к религиозной жизни, религиозному мировоззрению – сегодня нет. Например, о книге раввина Якова Ньюснера «Рабби беседует с Иисусом» (выполненный в популярной форме сравнительный анализ иудаизма и христианства) я случайно узнал из книги Папы Римского Бенедикта XVI. Но у меня, в силу профессии журналиста, интерес специфический. Не думаю, что какой-нибудь еврей-инженер купит книгу понтифика.

Но речь ведь не только о технических проблемах. Более серьезный вопрос – это актуализация религиозного послания. В Русской православной церкви ее служители постоянно стремятся дать ответы на запросы сегодняшнего дня – политические, экономические, общественные. И это, естественно, привлекает людей. Еврейских проповедников не слышно и не видно. Такое ощущение, что они сами уже спрятались в интеллектуальном гетто и ждут, когда остальные туда придут. Да придут ли?

ДОРОГОЙ ШЕМ-ТОВ

Вадим Аминов

Кинус а-шлухим – традиционный съезд посланников Любавичского Ребе – прошел с 3 по 8 ноября (с 26 хешвана по 1 кислева) в Нью-Йорке. Более 4500 посланников со всех уголков Земли съехались в эти дни в Бруклин, в штаб-квартиру движения в квартале Краун-Хайтс.

Своими впечатлениями об этом событии делится известный бизнесмен, один из главных меценатов московской еврейской общины Вадим Аминов.

*Íà àííèðàííí àáíèàòá íí ííáíáò ñíááà íííèáííèèíá Èááááè-íèíáí Ìááá òáíòòòò
Ááííááèè Áíáíèáíáá Ýááááá Ýèííòáéí è òáááéí Òí óéíí Èàí èí ááèèè.
Áòèèèí, 8 ííýáóý 2010 ááá*

Кульминацией съезда обещал быть грандиозный воскресный банкет в большом ангаре на бруклинском пирсе, прямо на берегу медленно катящего свои темные воды Гудзона. Там-то и ожидалось «большое собрание» числом не меньше четырех тысяч черных шляп, на которое мы отправились вместе с моим новым другом – еврейским бизнесменом и филантропом Джорджем Рором, с которым познакомился за шабатним столом. Открыл гала-банкет один из лидеров всемирного движения «Хабад» раввин Моше Котлярский. Затем перед многотысячной аудиторией выступил президент днепропетровской еврейской общины, известный во всем мире меценат и филантроп Геннадий (Цви-Гирш) Боголюбов, на плазменных экранах вспыхивала видеопрезентация «Шлихут. Семейное дело». На протяжении банкета меня не оставляло удивительное, крепнувшее с каждой минутой чувство причастности к очень большому и очень важному делу, осознание той огромной роли, которую играл и продолжает играть в современном мире Любавичский Ребе. А еще переполняла меня гордость за причастность к семье любавичских хасидов. И как тут было не вспомнить днепропетровца Боголюбова, мудро заметившего: «I'm not partner, I'm part», как было не почувствовать себя частью целого, в особенности когда слились в едином танце четыре тысячи человек.

Какое-то время спустя, прогуливаясь по шумному, гомонящему залу, я понял, что уже – «part», и, будучи «part»'ом, раскланиваюсь с друзьями, встречавшимися мне не раз на отдыхе, в командировках или просто случайно, если в этом мире может что-то происходить «просто случайно»...

Тут были и раввин Даниэль Белаш из Сан- Тропе, раввин Александр Каллер из Майами, раввин Йосеф-Ицхак Певзнер из Парижа, раввин Пинхас Альтгойз из Израиля... (Что уж тут говорить об обширной географии Российской Федерации.)

В какой-то момент эти четыре тысячи человек, собравшиеся в бруклинском ангаре на пирсе, стали не просто моими сокровниками, но сокровниками-одноклассниками, сокровниками-однокурсниками: все мы, положившие руку на плечо друг друга, были спаяны одной идеей, одним духовным лидером – Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном.

Точкой накала съезда обычно является чествование посланников Ребе в знак признания их самоотверженности и преданности учению. Так было и в этот раз. Выступающие шли друг за другом, под драпированным навесом с яркими фонарями, одно благозвучное гало-речение сменяло другое. Старались никого не забыть, не упустить даже самую малость. Мы не забыли посланников в Мумбаи, гибелью своей освятивших Имя Всевышнего, не забыли хасидскую семью, сменившую раввина Гавриэля Гольцберга и его жену Ривку в деле заботы о материальных и духовных потребностях евреев Индии. Пусть пошлет им Г-сподь то же гостеприимство, то же уважение и любовь к ближнему, терпение и терпимость. Пусть счастливым будет маленький Моше, попавший в заложники к варварам и спасенный няней-индианкой, ведь он – все, что осталось от семьи Гольцберг, атакованной террористами.

Но не менее интересное событие ждало меня, когда я принял приглашение раввина Берла Лазара поехать на фарбренген в синагогу 770.

В сорокаметровой комнате собралось в тот вечер не меньше четырехсот человек. Ораторство, свойственное нашему народу, не прекращалось. Рассказывали истории из жизни Ребе и его хасидов, теплота обстановки подогревалась «лехаимом», частенько лившимся за шиворот из-за битком набитой людьми залы, угощения тоже, порою небезопасно, передавались через наши головы... Я ловил себя на мысли, что более теплой компании не видел уже много лет, а такого духовного подъема, пожалуй, не испытывал никогда!

Особое впечатление произвел на меня хасид Шем-Тов, сильно подогретый «лехаимом»: именно благодаря ему я поверил, что возможна настоящая дружба между пожилым торговцем шуртуками из Бруклина и сорокалетним бизнесменом из Москвы. Стерев в сознании возрастные и прочие различия, я почувствовал момент исключительного счастья, внезапного подъема над всем материальным, – момент бессознательной любви к каждому еврею.

Около четырех часов утра я вспомнил, что лейтмотивом форума являлась тема сохранения еврейской семьи, и поехал к жене в гостиницу... Когда наутро я проснулся, почувствовал на своих устах счастливую улыбку. А моя жена, взглянув на меня, поняла: уезжаем из Нью-Йорка не только полные впечатлений от прекрасного шопинга на Мэдисон и 5-й авеню, но и с багажом духовных и физических сил на целый год, до следующего съезда посланников Ребе.

Приехав в Москву, я поделился впечатлениями с раввином Лазаром. А он в ответ рассказал мне, что слышал, как один хасид говорил другому: «Мне показалось, будто Ребе присутствовал тогда среди нас...»

появились крупные провалы. Мертвое море, ниже уровня которого не опускается ни одна впадина на нашей планете, находится в месте Сирийско-Африканского разлома. В Новейшее время оно сильно мелеет из-за чрезмерного забора воды из притоков Иордана. Провалов почвы на его берегах – диаметром до 25 метров и глубиной до 11 метров – насчитывают около двух тысяч, и интенсивность их возникновения повышается. Провалы эти возникают непредсказуемо: однажды земля разверзлась под шоссе, после того как по нему проехал автобус. Четкого ответа на вопрос о механизме возникновения этих каверн нет. Возможно, виной тому стремительное обмеление моря, которое обуславливает понижение уровня грунтовых вод. Впрочем, история Содома сообщает: нечто подобное уже случилось в этой местности.

В Средние века производства мыла и стекла не могли обойтись без карбоната калия – поташа; не могут зачастую и сейчас. Зола заливали горячей водой и лили смесь на костер, раствор выпаривался, и на дне очага кристаллизовался поташ. Кубометр дров давал полкило карбоната калия; мыло и стекло поглощали гигантские лесные просторы.

«Калий» происходит от арабского «аль-кали» – «зола». В 1930 году у северо-западной оконечности Мертвого моря, в районе Калия, были заложены первые химические предприятия, использующие минеральное богатство морской воды для производства поташа и брома.

Сто десять лет назад иерусалимский врач, борец с малярией и исследователь принципов гигиены в библейские времена, секретарь Британо-палестинского общества доктор Эрнест Мастерман сделал первый в истории замер уровня Мертвого моря. Для этого он на лодке подплыл к почти отвесной скале и выбил риску на урезе воды. Сейчас от этой скалы до берега моря около восьмисот шагов, а перепад высоты составляет примерно тридцать метров. Рядом с меткой Мастермана выбита аббревиатура: PEF – Палестинский исследовательский фонд (Palestinian Exploration Fund), основанный в 1865 году археологами и духовными лицами для исследования Святой земли.

Первый визит в Палестину будущий директор Палестинской поташной компании, основанной в Калии, Моисей Абрамович Новомейский совершил в 1911 году. Он не застал Мастермана на лодке, но застал производивших геологические и археологические исследования берегов Мертвого моря англичан из PEF, которые в пробковых шляпах, обтянутых чулком, присаживались у костра по-турецки, чтобы выпить бедуинский кофе, прихлебывая его после двух-трех затяжек табаку из гнутых, как у Шерлока Холмса, трубок. Экспедиции то и дело подвергались атакам арабов, ошалевших от слухов, будто под Иерусалимом PEF ведет подкоп под мечеть Омара для закладки взрывчатки. Полиция потребовала от Новомейского нанять для себя телохранителей. Прибыв в Иерихон, Новомейский выправил себе мандат для посещения Неби-Муса. Здесь зеркало моря и обрамляющий его ландшафт – Иудейские горы, полные глубоких пепельных теней поутру, и горы Моава, меняющие свои очертания и оттенок в течение всего дня, вслед за движением солнца, и на закате окрашивающиеся там и здесь алыми озерами, – поразили его взор. Новомейский сделал замеры удельного веса воды в разных местах северной оконечности моря, измерил скорость течения на выходе из устья Иордана: добыча минеральных солей требует поступления пресной воды. В следующий приезд, в 1926 году, Новомейский снова побывал под «Утесом измерений» (Observation Cliff), а еще через одиннадцать лет по соседству с уже действующим поташным заводом был построен отель с полем для гольфа, которым владел «Гольф-клуб Содома и Гоморры».

Мне всегда казалось, что Мертвое море бездонно – если не потому, что где-то на его дне есть трещина, ведущая в бездну, то потому, что там, на дне, есть что-то необычное, какая-то загадка. В одном из стихотворений мой герой в медно-свинцовом костюме водолаза идет по дну Мертвого моря в поисках некоей сумрачной тайны. Греки называли Мертвое море Асфальтовым. Асфальт – битум, горная смола, озокерит – сверхтяжелые фракции нефти, выпаренная нефть, куски которой плавали еще в 1930-х годах на поверхности Мертвого моря. Древние египтяне очень ценили горную смолу, потому что использовали ее для приготовления бальзамических смесей. Остается предположить, что и сейчас на дне Мертвого моря находятся в изобилии залежи битума, которому после землетрясения предстоит всплыть на поверхность.

И еї адаєїї іа і оєїаєї єї іа і аєїаїаїа І аооаїа і іої

В июле 2002 года я стоял на балконе квартиры близ Шаболовки вместе с Алексеем Парщиковым и рассказывал ему следующую историю.

Я не читал «Азазеля» Бориса Акунина, но видел последнюю серию экранизации, где меня вдруг застопорила одна сцена. Фандорин приходит к леди Эстер за разгадкой и задает вопрос:

– А сколько всего членов в вашей организации?

И тут Марина Неелова, игравшая леди Эстер, вместо того чтобы, как и полагается единовластной хозяйке тайного общества, хладнокровно назвать число своих «эстернатовцев», — произносит число с четкой расстановкой, которая может означать только одно: актриса вспоминала, что именно написано в сценарии.

– 5768, – наконец отвечает Неелова.

И я бегу к компьютеру, чтобы заглянуть в текст романа, выложенный в сети. Минут через пять вижу, что в книге леди Эстер называет точное число выпускников эстерната: «За сорок лет педагогической деятельности я вывела на путь шестнадцать тысяч восемьсот девяносто три человека».

К чему это все? Да к тому, что, если в сценарии «Азазеля» не стоит число 5768, то можно считать его случайным, а следовательно, отнести всю ситуацию – хоть с какой-то долей вероятности – к пророческой; с учетом того, что конец эпохи пророков вообще лишает любое высказывание качества предсказания.

Эпоха пророчеств миновала, и точка отсчета, начиная с которой единственным Б-жественным откровением для человечества осталась история, была названа Карлом Ясперсом «Осевым временем», моментом возникновения рационализма. Агада сообщает, что еще до сокрытия Шхины, во времена Второго храма, мудрецы собрались для молитвы о полном искоренении страсти к идолослужению, в который раз приведшей к бедам Израиля. И вдруг во время молитвы из Святая святых выпрыгнул лев. Роковая страсть, принявшая образ хищника, была предана Б-гом в руки мудрецов и тут же запечатана ими. Но в то же время из мира исчез и пророческий дар. (Почему – вопрос, достойный отдельного рассмотрения.)

Почему число 5768 интересно в этом контексте? Потому что оно приоткрывает хоть и поверхностные, но вполне апокалиптические смыслы. Во-первых, еврейский календарь рассчитывается наперед, но никак не дальше 6000 года, так как в противном случае это было бы проявлением неверия в пророчество, что Машиах придет раньше этого срока. Во-вторых, ученики леди Эстер занимаются делом, вполне достойным деятельности лжемессии (в понимании того, как лжемессия действует в «Трех разговорах» Владимира Соловьева): спасают мир, насаждая в нем эгоцентрическую модель исправления. В-третьих, если сложить цифры этого числа, получится 26: гематрия имени Всевышнего (мне доводилось слышать историю о том, как жители еврейского квартала в Старом городе Иерусалима обнаружили, что какие-то развалины стали порастать островками травы, числом 26, и связали это с приближением конца

времен). В-четвертых, с расстояния в пять лет дуплет президентских выборов 5768 года (в США и России) выглядел если не апокалиптически, то определенной сменой вех, во время которой могло произойти что-то невероятное.

Вот такая история, оставляющая вопрос: что же было написано в сценарии?

И Борис Акунин дал на него ответ: «Там написано 5784 человека. Полагаю, Марина Мстиславовна [Неелова] не так запомнила».

ХРИПЛЫЙ ГЛАС НАРОДА

Давид Маркиш

Якобы древние придумали: «Глас народа – глас Б-жий». Что ж, вполне может быть. Впрочем, из глуби веков доходят слухи, что формула эта, помимо приведенной официальной, имела иные версии, не столь категоричные и куда более критичные. Как, например, такая: «Глас народа – глас осла».

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху

Предположение, разумеется, не означало, что народ – это серый ишак с его переливчатыми хриплыми позывными и другими характерными особенностями, хотя в шутливой форме оно ставило под сомнение непогрешимость объединенного народного мнения. Но в отдельных случаях власть нуждалась в этом сомнительном мнении и подчас даже опиралась на него. Взаимоотношения «власть–народ» вызывали, вызывают и, скорее всего, в обозримом будущем будут вызывать целый ряд острых и колющих вопросов. Все мы вышли из народа, это аксиома, или, как говорили когда-то московские остряки, «фактический факт». Но как только кто-то из нас волею судьбы или в силу иных обстоятельств достигал вершин власти, этот самый «кто-то» переставал быть народом и становился существом иной закваски: властителем, или, как сегодня выражаются, успешным топ-менеджером. Такой «топ-топ», уверяя всех и каждого, что главная его цель – благоденствие народа и процветание отечества, может на деле оказаться совершенным самодуром, диктатором или даже тираном. Властителей, взошедших к власти самым что ни на есть демократическим путем или, напротив, оседлавших ее в результате военного переворота со стрельбой, сближают два обстоятельства: отсутствие совести как таковой и страсть распинаться в любви к своему народу. Не было таких, кто бы не распинался, и ни один не уверял публику в обратном – в том, что народ ему совершенно безразличен и отчасти даже враждебен. Таковы непреложные покамест правила политической игры, никто не ставит их под сомнение.

Лет тридцать пять тому назад мне довелось встретиться для частного разговора с одним из выдающихся лидеров еврейства – Первым лицом еврейского мира. Вклад этого человека в становление и развитие Государства Израиль неизмерим. В ходе встречи, вполне непринужденной, я услышал от него фразу, потрясшую меня и запомнившуюся на всю жизнь. «Я восхищаюсь еврейским народом, но я его не люблю». Спустя годы я осознал, что говорил с чрезвычайно умным собеседником, человеком чести и совести.

Та давняя встреча пришла на ум, когда премьер-министр Биби Нетаньяху, лавируя меж скользких коалиционных кочек, решил опереться на мнение израильского народа при решении достаточно серьезной политической проблемы – территориальных уступок в ходе международного принуждения нас к миру с нашими палестинскими соседями.

Биби Нетаньяху никогда никому не говорил, что он не любит или не уважает свой народ; такое ему и в голову не приходило. В конце концов, израильский премьер-министр – слуга народа, облеченный доверием сограждан. Вот на плечи этих доверчивых сограждан, этого любимого и уважаемого народа Биньямин Нетаньяху и решил переложить всю тяжесть ответственности: уступать или не уступать, отступать или не отступать. Как будто не премьер с его министрами должен, по долгу беспокойной службы, решать, что делать в критический час, а торговцы петрушкой и школьные учителя, маклеры и зубные техники, университетские профессора и милые девушки облегченного поведения – все те, кто скопом и составляет вольнолюбивый и жестоковыйный израильский народ. Не без трений проведенный через джунгли кнессета закон о референдуме вынудит народ высказаться по поводу, строго говоря, войны и мира. Это как бы народное волеизъявление будет принято в качестве руководства к действию премьер-министром Биби Нетаньяху. Независимо от результатов референдума мир будет рукоплескать разливу демократии на Святой земле, а израильский народ, включая девушек облегченного поведения, отправится на войну.

Все это не означает, что рыночные торговцы овощами или упомянутые девушки вызывают у меня хотя бы тень неприязни. Просто я убежден, что они должны решать вопросы своей незамысловатой торговли, в то время как Биби Нетаньяху призван заниматься решением проблем войны и мира, а также политическими переговорами с соседями или совершенным молчанием в их адрес. В такой судьбоносной ситуации «обращение к народу» – не только демонстративное уклонение от служебных обязанностей, но и проявление трусости верховной власти. Положению Нетаньяху, строго говоря, не позавидуешь: если он по собственному почину откажется от части территорий, его отстранят от власти правые, если не откажется – его атакуют левые и значительная часть центра. Власть выскользнет из рук и будет потеряна навсегда.

Нет сомнений в том, что Биби, под давлением Вашингтона, склонен передать определенные территории Иудеи и Самарии палестинцам – и удержать власть. Так оно и будет, если «глас народа» на референдуме будет направлен в ту сторону, куда надо. Для того и изобретены такие безотказные средства, как «промывка мозгов» и то, что в России называется «административный ресурс».

СОСНА-ПЕРВОПРОХОДЕЦ И СМЕШАННЫЙ ЛЕС

Ася Энтова

Пожар на Кармеле потушен, жертвы оплаканы. Как всегда, трагедию пытаются связать с актуальными проблемами – каждый на свой вкус.

Ультралевые находят в ней причину вновь призвать к борьбе с религиозными, во всех грехах обвиняя сефардскую партию ШАС и ее главу Эли Ишая – министра внутренних дел, отвечающего за пожарную службу.

Страховые компании опасаются, как бы на них не свалилось чрезмерное бремя выплат, и потому совершенно справедливо указывают на то, что странно говорить о случайном возгорании в пяти местах сразу. Страховые фирмы обязаны выплачивать деньги только за несчастные случаи, но не за преднамеренные поджоги, как у нас их называют, «на националистической почве». За это, как и за другой ущерб от вражеских действий, отвечает государство.

Интересующиеся внешней политикой скрупулезно подсчитывают зарубежную помощь: кто откликнулся, сколько прислал и насколько быстро.

А любители природы обсуждают горючие свойства сосновых лесов. Как известно, сосна легче других растений приживается на наших высохших каменистых холмах. Растет она довольно быстро, нуждается в большом количестве солнца и создает полузатененный подлесок, благоприятный для развития других, менее приспособленных к палящему солнцу деревьев. В наших реалиях большое достоинство сосны состоит еще и в том, что ее саженцы (в отличие от саженцев лиственных деревьев) могут пережить нашествие коз, которых арабские пастухи пасут везде, не обременяя себя соблюдением законов о заповедниках и парках. Недостатки обычной сосны очевидны: живет относительно недолго, лет 40, от силы 50, и при сухой погоде легко загорается от случайного огня. Но в процессе освоения запущенных пустошей сосна выступает как первопроходец – вслед за ней можно высаживать лиственные и возвращать унылый пейзаж к буйному лесному разнообразию, украшавшему наши холмы 2–3 тысячи лет назад.

Западные склоны гор Иудеи и Самарии, почти вся Галилея и обширные части приморской низины в древности были покрыты густыми лесами. Леса Эрец-Исраэль неоднократно упоминаются в Танахе, а также в греческих и римских источниках. Античные завоеватели, проложившие здесь многочисленные, сохранившиеся по сей день дороги, часто жаловались на трудности борьбы с местными партизанами, которые прятались в густых лесах.

Высоких деревьев в Эрец-Исраэль никогда не было. Здешний дуб не сравнится со своим европейским братом, да и распространенные у нас стручковые деревья и фисташки редко достигают значительной высоты. Иерусалимские сосны тоже не гиганты. Высоких корабельных сосен на Земле обетованной не росло никогда. Как известно, для строительства Храма использовали импортированную древесину – присланные царем Хирамом ливанские кедры.

С разрушением Храма и изгнанием евреев изменилась и природа Палестины: «С тех пор как был разрушен Храм, нет дня без проклятия; росы, опускаясь, не приносят благословения, потерян вкус плодов» (Сота, 48б). В ходе войн леса и сады вырубались и гибли от случайного огня. Последний удар им был нанесен уже в XIX веке при турецком владычестве: уцелевшие деревья пошли на шпалы строящейся железной дороги. «Горы ее бесплодны и некрасивы, их краски тусклы, – писал Марк Твен, посетивший Палестину в 1867 году. – Долины – это неприглядные пустыни с чахлой растительностью...»

Деревья, и особенно неплодовые, вроде сосны, начали возвращаться в Землю обетованную вместе с возвращением ее древних обитателей, участников Завета. Арабы, не видя в этом смысла, как правило, не сажали неплодовые деревья и до сих пор воспринимают сосновые рощицы как непроизводительную занятую землю – ни распахать и засеять, ни скот выпастить. Единственное исключение – холмы с могильниками, принадлежащими, по преданию, святым шейхам: на могилах нельзя пасти скот и разводить огонь, поэтому там сохранилось немного деревьев. Критический взгляд сынов пустыни на леса усвоили и всевозможные недруги, упрекающие евреев в том, что те не живут в гармонии с природой, завозят новые, невиданные здесь ранее растения и меняют экологию. Попробуй-ка ее не меняй –

вырубленная, выжженная и вытопанная Земля Израиля начала XX века была не в силах прокормить стремительно растущее оседлое население. Некий шут, чей литературный псевдоним можно перевести как «укроп», совмещая выгоду и удовольствие от поношения собственного народа, посвятил целую книгу сосновому экологическому греху евреев, вернувшихся домой из европейского галута.

Родившихся в Израиле принято сравнивать с кактусом-саброй, а вот первопроходцев-халуцим я бы сравнила с сосной. Как и сосны, они первыми осваивали голые раскаленные склоны, цепляясь за них и создавая микроклимат, способствующий появлению других, менее героических, но более устойчивых образований. Сельскохозяйственная обработка земли шла параллельно с лесопосадками. В заболоченных низинах сажали эвкалипты, на горных склонах – хвойные деревья, в основном – иерусалимскую сосну (известную в других странах под именем «сосны алеппской»). На момент создания Государства Израиль все деревья в стране можно было пересчитать, но счет шел уже на миллионы. А на сегодняшний день один лишь созданный в первом году прошлого века Еврейский национальный фонд (Керен Каемет ле-Исраэль – ККЛ) посадил более 200 млн деревьев. Этот фонд, преимущественно определяющий стратегию лесопосадок, придерживался очень консервативной политики, изменившейся только недавно. Вместо того чтобы в тени подросших сосен культивировать лиственные и воссоздавать прежние смешанные леса, ККЛ продолжал сажать одну только сосну, которая хорошо себя зарекомендовала и которой к тому же лично симпатизировал бывший руководитель этой организации. Не одно поколение насаженных сосен выросло, давало подлесок, способный послужить питомником разнообразию как местной древнейшей флоры, так и новым видам растений. Но, отживая свой краткий век, сосны падали на землю, так и не увидевшую ничего иного. Ветру неоткуда было принести семена, а человек не желал дать земле выбор.

Глава еврейского ишува, а потом и государства Бен-Гурион тоже сделал ставку на монокультуру. Социалистический сионизм – он один насаждался, получал все ресурсы и все внимание. Всех евреев меряли единой меркой и всех выстраивали по одному образцу. Все остальные сионистские разновидности, вроде сионизма ревизионистского или сионизма религиозного, не допускались в искусственно однородные государственные заповедники. Где теперь их социализм и их сионизм? Разве не в таком же пламени, что бушевало недавно на Кармеле, сгорают сегодня остатки этого устарелого и надоевшего сионизма, не желавшего делить свою власть над землей ни с какими другими «дубами» и «фисташками»?

**Израильские пожарные на склоне горящего холма в Тират-а-Кармель рядом с северными окрестностями Хайфы.
3 декабря 2010 года**

Что с того, что религиозные еврейские общины жили здесь на протяжении веков, что евреи – выходцы из Передней Азии занимались ремеслами и торговлей, что ревизионисты селились в городах и налаживали промышленность, а сельскохозяйственные поселения под покровительством Ротшильда возникли задолго до кибуцев? Их вклад в развитие страны находится в тени. В народном сознании твердо засел стереотип: государство построили социал-сионисты. И действительно, власть была у социалистов, а историю пишут победители. Начальство считало: то, что сработало вначале, нужно повторять вновь и вновь,

не задумываясь, не затрачивая сил на поиск и эксперимент. Тот, кто первым получил власть над страной, хотел видеть в ней только собственную поросль. Первопроходческие качества выветривались за ненадобностью, а то, что было призвано служить лишь средством создания живого многообразия, становилось препятствием для естественного развития и даже угрозой для страны. Срок жизни социализма длиннее, чем сосен, но и тому давно пришел конец. Правящий сионизм, достигнувший и потому утративший свою цель – цель строительства и укрепления государства, превратился в сухостой. Начальство было озабочено только тем, чтобы удержаться у власти, да освоением средств.

Достаточно было одной спички – и процесс стал необратим, неуправляем и смертельно опасен. Террор запылал, как лесной пожар, принося все новые и новые жертвы. Огню скармливали территории, не умея бороться с опасностью иначе как отступлением. Что ж, и это метод: там, где нет лесов, нет и лесных пожаров, там, где нет евреев, нет и еврейских погромов!

Огненный шквал, слизнувший Гуш-Катиф, не смог уничтожить все разнообразные побеги нового поселенческого сионизма, продолжающего высаживать дубы и кедры на склонах иудейских холмов. И другие живые побеги пробиваются сквозь толщу сухостоя. К ним относятся разные течения религиозного сионизма, а также светский сионизм репатриантов из СССР-СНГ, многие из которых до своего прибытия в Израиль (а зачастую и после) знали о древних традициях лишь понаслышке. Смогут ли все они объединиться в органичное целое, где, как в лесу, один вид не вытесняет другой, а живет с ним в симбиозе, поддерживая естественный природный баланс? В таком лесу нет антагонистической борьбы за место под солнцем – ведь некоторые растения любят и тень. В нем на смену засохшим стволам поднимается новая поросль, и даже пожар здесь бессилён – он не уничтожает все живое, а лишь освобождает место для обновления.

Новая стратегия развития лесов делает ставку на постепенный переход к разнообразию. Рано или поздно такой подход должен распространиться и на другие области.

КАК МЫ СТРОИЛИ «ОБЫКНОВЕННУЮ СИНАГОГУ»

(ס'י ע'נ'ע' ע'וד'א'ו'י' ד'א')

Валерий Дымшиц

В Петербурге на ул. Почтамтской, 14 в Государственном музее истории религии (ГМИР) в конце сентября открылась выставка «Обыкновенная синагога», которая проработает до конца февраля. Так что, как говорится, спешите видеть. Эту выставку придумала сотрудник Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» в Европейском университете в Петербурге и ГМИРа, замечательный исследователь еврейской «архитектурной антропологии» Алла Соколова. Ее работы по застройке штетлов Подолии известны всем, кто интересуется еврейской народной культурой. Она же ее и сделала, а я помогал. Но придумать мало, надо еще, чтобы было: про что выставлять, что выставлять, на что выставлять, где и как выставлять.

А'ע'א' נ'ר'ע'י'ט'א' (י'י' ד'א'א'א') י'ד'ר'א'י'ע'ו' י'ע'ר'ע'ב'ד'ר'פ' י'י' א'י'י'ב'א'א'ע'א'

Наша выставка – «про» архитектуру, интерьеры, утварь синагог черты еврейской оседлости на рубеже XIX–XX веков и «про» их прихожан. Если так можно выразиться, про повседневную религиозную жизнь российского еврея сто лет тому назад.

Обыкновенное – не всегда типовое, но обязательно массовое. В начале XX века в городах и местечках Западного края Российской империи проживало почти 6 млн евреев. Евреи составляли от 10 до 15% населения в губерниях этого региона и не меньше, а часто существенно больше половины жителей расположенных там городов и местечек. Городская сеть на западных окраинах империи была гораздо гуще, чем в ее внутренних провинциях, а каждая еврейская община была достаточно сложно устроена в социальном и религиозном отношении: отдельные социальные, профессиональные и религиозные группы имели свои собственные молитвенные дома. Вот и получается, что в городах и местечках черты оседлости было в совокупности много тысяч разных синагог.

Еще сто лет тому назад синагога в культурном ландшафте Западного края была явлением столь же обычным, как и сельская церковь в русском сельском ландшафте, аульская мечеть на Северном Кавказе. Все эти синагогальные постройки, большие и малые, старые и новые, каменные, деревянные и кирпичные, были результатом естественного развития строительных традиций. На их формы влияли архитектурная мода эпохи и вкус заказчика, это могли быть выдающиеся постройки, которыми приезжали любоваться издалека, или скромные, ничем не примечательные здания, но в любом случае они не были построены по проекту дипломированных архитекторов, задумывавшихся над тем, какой должна быть синагога, чтобы своим экстерьером и интерьером провозглашать, что это еврейское здание. Такие еврейские синагоги (здесь сознательно использовано это нелепое, но часто встречающееся словосочетание) появились в XIX веке сначала в Германии и Австро-Венгрии, а позже в больших русских городах: Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Самаре и др. Они, эти хоральные синагоги, вовсе не бывшие «обычными» в год своей постройки, стали на сегодняшний день основными репрезентантами синагогального зодчества в России. Таков невеселый парадокс: «обычное», повсеместное стало редким, неизвестным, необычное – обычным.

Гораздо более многочисленные и традиционные синагоги городов и местечек черты оседлости практически полностью исчезли в ходе безжалостного XX века. Не уцелела ни одна из деревянных синагог, когда-то поражающих воображение своими высокими сложными кровлями, и каменных сохранилось совсем немного. Но даже в сохранившихся зданиях практически нигде не уцелел интерьер. И уж конечно не уцелели прихожане этих синагог. А ведь здание в полноте, таким, каким оно «было на самом деле», можно представить себе только в единстве его внешнего облика, интерьера и тех, кто ежедневно им пользуется.

Выставка сложилась из двух коллекций: ритуальной утвари и книг, сохраняющихся в фондах ГМИРа, и фотографий из «Фотоархива экспедиций Ан-ского», принадлежащего центру «Петербургская иудаика». Каждая из коллекций по-своему замечательна и неизвестна широкой публике. ГМИР, который сравнительно недавно переехал в новое здание и не до конца еще сформировал свою постоянную экспозицию, пока не имеет залов, посвященных раввинистическому иудаизму^[1]. Соответственно, синагогальная и молитвенная утварь, среди которой есть поистине уникальные, как в художественном, так и в историческом отношении, экспонаты, пока тихо ждет своего часа в фондохранилищах. Хорошо, что теперь есть возможность посмотреть на эти замечательные парохеты и короны для Торы, указки и резные футляры для мезуз.

Как, вероятно, известно многим, в 1912–1914 годах писатель и общественный деятель С. А. Ан-

ский (Ш.-З. Раппопорт [1863–1920]) организовал свои знаменитые фольклорно-этнографические экспедиции

по местечкам Правобережной Украины. Эти экспедиции стали вехой в изучении еврейской народной культуры. К сожалению, существенная часть собранного Ан-ским пропала, в том числе большая часть очень значительного фотоархива экспедиций. «Петербургская иудаика» сумела обнаружить репрезентативный фрагмент этого фотоархива, атрибутировать и опубликовать эти фотографии. Сами по себе эти фотографии интересны как уникальные свидетельства повседневной жизни евреев «черты» в последние годы относительной стабильности. Экспедиционная работа Ан-ского была, как известно, прервана первой мировой войной. Именно эта война стала началом того урагана, который смел и местечки, и их обитателей.

Ἰὰ αὐτὸ ἀεὶ «Ἰαυεὶ τὰ ἰαυ ἡεὶ αὐτῶν» ἂ Ἀἰνῶ ἀπὸ αὐτῶν ἰ ἰ οὐα ἐπὶ ἰδὲ ἐ δαεεεε. Ἰ ἀ ἀ ἀ ἀ ἀ

Кроме местечковых евреев в их «естественной среде» экспедиционные фотографии донесли до нас и то, что стало главным предметом выставки: интерьеры и внешний вид множества синагогальных зданий, большинству из которых суждено было в дальнейшем исчезнуть. Наконец, отдельного внимания эти фотографии заслуживают как высокий образец фотоискусства. Экспедиционный фотограф, тогда еще совсем молодой Соломон Юдовин (1893–1954), впоследствии один из самых известных советских графиков, выступает в этих фотографиях неожиданно зрелым, оригинальным фотохудожником, приверженным модным в те годы принципам пикториализма[2].

У выставочного проекта нашлись спонсоры. Главных было два. Первый – некий фонд, который много делает для развития еврейской культуры и науки в России, но просит не сообщать о своем участии. Я не могу нарушить это условие, но и не могу не упомянуть о его благородной роли. Назову его «Lamed-Vov Foundation». Второй – фонд «Ави Хай», также делающий очень много для расширения еврейского культурного пространства.

Хорошая выставка – это ни в коем случае не совокупность экспонатов, как бы хороши они ни были. Выставка – сама целостный объект, некоторое трехмерное высказывание. Нам хотелось сделать невозможное, сделать так, чтобы посетитель был одновременно и в синагоге, и вне ее. К счастью, выставочный зал ГМИРа дает возможность для такого сумасбродного решения. Он расположен под стеклянной крышей, и над головой не потолок, а небо. Дизайнеры выставки – Георгий Соколов и Денис Соколов (однофамильцы!) – использовали эту возможность как нельзя лучше. В центре зала под потолком воздвигнута конструкция, напоминающая высокие крыши деревянных синагог. Эта «крыша» – знак/жест, напоминающий о деревянных синагогах, которые Ан-ский, а вслед за ним художники еврейского авангарда, интересовавшиеся народным искусством, сочли высшим достижением подлинно «народного» искусства. (В начале XX века даже серьезные люди были все еще озабочены поисками этого самого народного духа.)

Кроме того, «крыша» – экран, на который проецируется слайд-фильм, смонтированный на основе фотографий росписей знаменитой деревянной синагоги в Могилеве. Наконец, «крыша» позволяет защитить экспонаты от прямых лучей солнца. (В сентябре, в момент открытия выставки, это было актуально.)

Пространственное членение зала позволило создать отдельные зоны, группирующие экспонаты по тематическому принципу. Здесь есть и полиш (синагогальный вестибюль), и вайбершул (отдельное помещение, в котором молились женщины), и отсеки, посвященные разным типам синагог: самым древним, напоминающим крепости и построенным из камня, более поздним, деревянным, и, наконец, небольшим кирпичным постройкам XIX века.

В сущности, дальше следовало бы начать подробно рассказывать об отдельных экспонатах, но я этого делать не буду. Во-первых, места не хватит, во-вторых, когда вы придете на выставку, сможете прочесть достаточно подробные пояснения к каждому выставленному предмету и фотографии. В этом еще одно преимущество Музея истории религии, который по праву представляет себя посетителям как научный музей, такой, в котором вещь выставляют не только и не столько за ее художественные достоинства, сколько как повод для историко-культурного высказывания.

Уже в XVIII веке на стенах синагог начинают появляться надписи, сообщающие молящимся, когда и на чьи пожертвования она была построена, кто трудился над росписями и резным позолоченным арон кодешем. Вот и мы с помощью Музея истории религии и фондов-спонсоров, хранителей музейных коллекций и дизайнеров построили нашу «Обыкновенную синагогу» и сообщаем всем о наших трудах. Надеюсь, нас не сочтут нескромными, ведь мы, как и те народные мастера, трудились во имя Неба, которое внимательно вглядывается в выставку сквозь ее стеклянный потолок.

[1] Эта экспозиция несомненно присутствует в музейных планах.

[2] От англ. pictorial – живописный. Попытка средствами фотографии передать ту или иную живописную манеру.

РОПОТ: ПОТОП, ТОПОР

(I' d'ar'ee'at e'at ae'et'at, i'a:-a'ot'at a'et e'at «D'ar'at'ot'it i' d'aa'e'et'it i' A'et'it i' O'da'e'it'et'it'at »)

I' e'aa'e'et' A'it'ee'e'

– С вашего позволения, я бы продолжил разговор о Ное[1]. Потоп ведь уничтожил не только людей, но и созданную ими материальную культуру. Дворцы, башни, подвесные мосты, висячие сады.

– Вот уж не думаю, что Ноя это сколько-нибудь могло занимать. Есть такие эстеты: культуру любят, а людей не очень, но Ной определенно к их числу не относился. В нем не было сложности, он был простой человек – без изысков. Никакого сожаления по поводу дворцов и башен. Культура грешников. Смыло – и поделом!

– Мне сейчас в голову пришел Мухаммад Атта[2]. Судя по воспоминаниям знавших его, милый, интеллигентный человек, но очень не любил женщин и американскую архитектуру. Вообще Америку не любил. А американскую архитектуру просто ненавидел. По-моему, у него было архитектурное образование.

– Мухаммад Атта – тоже в своем роде праведник. Человек с идеалами.

– Ну да. С религиозными. И с эстетическими.

– Жизнь был готов отдать. И отдал не колеблясь. Жертвенный человек. Мученик. Праведников (таких же, как он сам) любил, а грешников ненавидел. Великий Инквизитор Достоевского из той же породы. Или Дзержинский. Честный, прямой, искренний. Точно не коррумпированный. Также хотел мира без грешников.

– Все-таки Мухаммад Атта и Дзержинский – убийцы. А Ной – он ведь и мухи не обидел. Более того, спас мух – для нашего с вами удовольствия.

– Мух любил, а грешников – нет. Но я ведь говорю сейчас о другом. О картине мира. Надо очистить мир от грешников. Надо создать мир, в котором будут жить одни только праведники. Конечно, Ной, Мухаммад Атта и Дзержинский по-разному понимали, что значит быть грешником и что значит быть праведником, но структура картины мира у них совпадала. У всех у них была очень простая картина мира.

Кстати о Дзержинском. Жена у него была еврейка. Ее дед был пражским раввином. Человек ученый и уважаемый. Не из чешской Праги, а из варшавского предместья. Вот представьте себе: сидит вечером Дзержинский с женой. Чай пьют. И что она ему говорит? Ужасается его кровожадностью? Рыдает и кричит: что ты делаешь, убийца?! Или, напротив, упрекает, что это ты, Феликс, сегодня мало грешников извел, ты, случаем, не заболел? Такими темпами нам новый мир и через двадцать лет не построить.

Жена Ноя была сестрой Туваль-Каина[3]. Все мы наполовину потомки Шета[4], наполовину – Каина. Это многое объясняет. Наверное, она была праведница, но безусловно из плохой семьи.

– Почему из плохой семьи – понятно. Но почему праведница?

– А как бы иначе она попала в ковчег? Интересно, жена Ноя плакала о своих родственниках? Или она говорила: я всегда знала, что я хорошая, а они никуда не годятся?

Я вам сейчас расскажу одну историю. Однажды в центральной синагоге Иерусалима была хупа. В какой-то момент один из наиболее уважаемых гостей должен подойти к хупе и произнести благословение. И вот, как положено, он подходит и произносит благословение. В этот момент с него спадают штаны. Конфуз. Скверный анекдот. Просто скандал. В торжественный момент в центре зала при большом стечении народа уважаемый человек остается без штанов. Ужас!

Ной – уважаемый человек. Всю жизнь делал то, что надо, а то, что не надо, не делал никогда. Совершенно безупречен. Со всех сторон праведник. И вот – в конце жизни почему-то остается без штанов. Тора – непростая книга. Сравните Ноя с Авраамом. Жил хорошо и умер в почете. И дети его любили, и все вместе собрались, чтобы похоронить его.

– У Любавичского Ребе есть мидраш, не помню уже, его собственный или он кого-то цитирует. Если в вашем рассказе Ной вполне доволен потопом, то в рассказе Ребе Ной, осознав происшедшее, ужасается и проливает слезы. Всевышний говорит: где ты был раньше, глупый пастух?! Сказал бы слово – мы бы с тобой спасли мир. Значит, у Ноя была возможность вступить за мир. Значит, Всевышний ждал этого от него. Авраам пытался спасти Сдом, вступил в спор с Всевышним, а Ной молча полез в ковчег. Но ведь что интересно: когда Всевышний повелел Аврааму принести в жертву Ицхака, Авраам молча взял сына и повел к месту жертвоприношения. Если Всевышний ждал от Ноя заступничества за человечество, может быть, Он вовсе не желал, чтобы и Авраам вел себя так безропотно? У Авраама достало мужества вступить за Сдом – как же он не вступился за сына? Может, Всевышний ждал от него именно этого?

– Мы как-то говорили об этом с Дершовицем[5]. Дершовиц сказал: «Если бы Всевышний предложил мне то же, что Аврааму, я бы ответил: Ты знаешь, что я Тебя люблю. Но я не могу. Не могу».

– И что вы ответили Дершовицу? Мне как-то трудно себе представить, что за ним осталось последнее слово.

– Я сказал ему: именно поэтому еврейский народ начинается с Авраама, а не с Дершовица.

Примечание. О Ное сказано, что он был праведником в своем поколении (Берешит, 6:9). Некоторые комментаторы полагают, что праведность Ноя была весьма велика – иначе как бы он мог противостоять развращенности современников. Другие полагают, что праведность Ноя была весьма относительна, что он выглядел прилично только по сравнению с окружавшими его негодями. Будь он в хорошей компании, говорить о его праведности было бы просто смешно.

[1] См.: Михаил Горелик. НОЙ и ЙОНА. Лехаим. 2010. № 11.

[2] Мухаммад Атта – глава группы террористов, совершивших атаку 11 сентября 2001 года. Находился в одном из самолетов.

[3] Само имя Туваль-Каина указывает на его близость к его предку Каину – первому убийце. Тора называет Туваль-Каина создателем медного и железного оружия.

[4] Шет – третий сын Адама и Хавы.

[5] Алан Дершовиц. Адвокат. Участник скандальных процессов. Гарвардский профессор. Левый интеллектуал. Блестящий полемист, склонный к афоризмам. Есть документальный фильм о его полемике с равом Меиром Кахане в Гарварде. Кажется, с русскими титрами.

БИБЛЕЙСКИЙ «ФРИДИДУН»

(I à :àò údà ài' òi'îà îò àà:àpò:

Nàio èàì à Ààîèéàí èî, Ááí ààèèò Nàòí îâ P òèé Nîéîàîâ Í ààèè Òèíí)

Беседу ведет Афанасий Мамедов

Случались во времена «классового анализа» вещи необъяснимые. К примеру, как в широком прокате появился «О, счастливец!» Линдсея Андерсона? Фильм «реально крезанул» тех, кому в 1970-х было от 15 до 20. А ведь именно они впоследствии опрокинут «совок», потом, правда, не усвоив урока «золотой рыбки» – Малькольма Макдауэлла и позабыв песенки группы «The Animals», будут строить новую державу и бить в очередной раз сценарием по голове «кадры, которые решают все» – заключительная сцена «Счастлиvetica». А как могло так получиться, что взяли да не отправили на полку в пару к «Комиссару» Аскольдова «Служили два товарища»? Фильм-то явно не только про «пулю – и ага». Фильм – первая попытка взглянуть на белое движение без цитатника «История КПСС». Севастополь, Джанкой, Перекоп, Ишунь... Янковский, Быков, Высоцкий... Блистательные роли. Немеркнушие. А чего стоит почти полувековой давности сцена прощания с конем. Без нее с какой Матерой простишься. А ведь придумали ее, впрочем как и весь фильм, люди, к российскому дворянству не имевшие никакого отношения, просто служили отечественному кинематографу два товарища, два еврея, два лагерника-подельника. Одного звали Юлий Дунский, другого – Валерий Фрид.

ÂÎ ÔÐËÄÄ ÂÑÄ ÁÛËÎ × ÐÀÇÌ ÁÐÍ Î

Ñâïòëâí à Áâñëëáí êí, í ðíçàëë, ëëí ìññâí àðëñò

– Свою книгу «58 ½. Записки лагерного придурка» Фрид издал буквально за два года до кончины, притом что печати скорописи на этой книге нет. То, что Валерий Семенович отложил издание мемуара до постсоветских времен, говорит ли о том, что это время он посчитал лучшим, а значит, своим?

– На самом деле вся эта книга состоит из устных рассказов Валерия Семеновича, которые мы, студенты Высших сценарных и режиссерских курсов 1989 года выпуска, слушали у него дома во время застолий по несколько раз. У Фрида была присказка, что главное в киносценарии – это хорошо рассказанная история. Свои «лагерные» истории он разыгрывал вдохновенно, как актер. Пел забытые блатные песни, помнил имена и фамилии людей, прошедших с ним тюрьмы и лагеря. Кто-то из них был власовцем, кулаком, английским шпионом, бандеровцем... Фрид, что меня удивляло, никогда никого за политические убеждения не осуждал. Он ценил в людях человеческое. Но и тут был готов простить многое. Однажды он спросил меня, как я отношусь к Довлатову. Я сказала, что тот мне нравится, но произнесла это без особого энтузиазма. Фрид опечалился и с укоризной сказал мне, что он-то считает Сергея Довлатова самым лучшим из современных писателей и что никто так не умеет рассказывать истории, как рассказывает их Довлатов. Мне кажется, что именно тогда Фрид начал писать мемуары на основе своих устных рассказов. Как делал это его кумир Сергей Довлатов, с книгой рассказов которого он не расставался. Писал свои мемуары Фрид за границей, когда уезжал либо в Америку – к дочери, либо в Израиль, где гостил у своего лагерного друга Гарри, либо в Англии. Из Англии он привез первый свой компьютер, купленный за сто фунтов на блошином рынке. Комп предназначался для английских десантников и был страшно тяжелый. Но Фрид очень гордился тем, что приобретенный им агрегат можно сбросить с самолета и тот при приземлении не разобьется. На этом трофейном компьютере Фрид и работал над своей книгой.

– Сегодня часто говорят о кризисе кинематографа, о глобальном засилье на отечественном экране зла и порнухи. За счет чего удавалось кинематографистам прошлых лет, пережившим страшную трагедию, и самим оставаться светлыми личностями, и еще нести свет и радость?

– Это было первое, особое поколение, выученное, выпестованное, выращенное советской властью как поколение победителей. Им же предстояло совершить мировую революцию! И им действительно выпало на долю стать победителями в самой великой и страшной войне. Пройти через лагеря и выжить. Я называю таких людей чрезмерными. Во Фриде все было чрезмерно. Он чрезмерно дружил со множеством людей. Чрезмерно в своем уже немолодом возрасте влюблялся, как мальчик, – в молоденьких девушек. Все посмеивались, в том числе и его жена Марина Андреевна. Естественно, что эта «чрезмерность», огромность личности и Фрида, и Дунского (которого я в живых уже не застала) выплескивалась и на экран. Фрид и работал опять же – чрезмерно. Очень сердился, если мы, ученики (всего лишь подмастерья!), не соглашались писать сценарий из-за низких гонораров или из-за того, что в титрах не будет наших имен. Он говорил, что кино – важнее всего. Главное, что будет сниматься фильм. В голодных 1990-х он нашел нам всем работу – писать сценарий для первого отечественного сериала «Горячев и другие». Помню, как мы, несколько человек, собрались у него в квартире для того, чтобы произвести «мозговую штурм». Кидали одну идею за другой. Фрид отвергал вариант за вариантом и нервно качал ногой.

Это означало его, Фрида, крайнюю степень раздражения. «Фрид ножкой качал?» – спрашивала меня Зоя Кудря, его ученица, а ныне известная сценаристка. Если качал, значит, дело плохо: сценарий Фридом будет отвергнут. А тут! Пришлось включиться и выдать то, что он хотел: историю про парня, попавшего в тюрьму еще в советское время, вышедшего из нее уже в перестройку – и не узнавшего своей страны. Где-то этот парень был похож на самого Фрида, и очень быстро мы придумали всю историю с начала и до конца. И он тут же погнал нас за стол – пировать, говорить тосты, рассказывать анекдоты и истории.

– Говорят, Фрид с Дунским воспринимали лагерь как далекую творческую командировку. Вот и вы пишете: «Они наблюдали, все вбирали в себя как писатели-сценаристы, не расставались с чувством юмора в любой ситуации, даже самой опасной, и потому – выжили». А вам не кажется, что Фриду и Дунскому помогла выжить абсурдность обвинения?

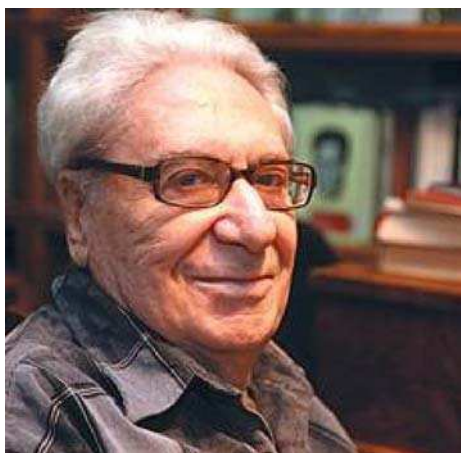
– Однажды ученик Фрида, писатель и сценарист Олег Файнштейн, пожаловался Валерию Семеновичу на то, что ему некогда писать: нужно кормить семью и он не может оставить работу в рекламной фирме. Фрид отреагировал мгновенно. Он сказал, чтобы Алик (так он называл Олега) продолжал работать, но считал, что его послали туда за сбором материала для нового романа или сценария. И что они с Дунским выжили в лагере только потому, что считали тюрьму и лагерь приключением, а себя – героями, которым надо выйти из любых, самых невероятных и тяжелых ситуаций. Фрид говорил, что в детстве они с Дунским очень любили приключенческие книги, главным образом американские. Эти книги помогли им выжить.

– Многие считают, что орденосный Шерлок Холмс Василий Ливанов, сказавший о новом фильме по Конан Дойлу: «Лучше меня Шерлока Холмса уже никто не сыграет!» – не только чрезмерно интеллигентен, но еще и «евреен» Фридом и Дунским, ну, приблизительно так же, как Пуаро Дэвидом Суше. Вы тоже считаете, что Фрид с Дунским малость переусердствовали с донорством?

– Может быть. Но сам Фрид по духу был скорее человеком мира. Еврейское в нем проявлялось не часто, но всегда очень неожиданно. Однажды, когда я поссорилась со своим режиссером Аркадием Яхнисом, Фрид предложил себя как арбитра. Дело касалось авторского права на сценарий. Такие дела в обычных судах тянутся очень долго. В определенный час мы с Аркадием пришли домой к Фриду. Фрид, чуть ли не в смокинге, торжественно восседал в кресле, начал судебное заседание. Он задавал каверзные вопросы то мне, то режиссеру. Вопросов было много, задавались они Фридом быстро, ответ требовалось дать, особо не раздумывая, тут же. Чаша весов склонялась то в мою сторону, то в сторону режиссера. Чувствовалось, что Фрид знает какой-то иной, отличающийся от наших разборок способ разрешать такие споры и конфликты. Наконец мне был задан вопрос, который решил дело, и победа была присуждена мне. После «суда» Фрид, как всегда, пригласил нас к столу и уже во время застолья, хитро улыбаясь, спросил меня: «Ну, как? Хороший из меня цадик вышел?» Тут-то до меня и дошло, что мы имели дело с древнейшим еврейским судопроизводством, где Фрид был профессиональным судьей. Кстати, потом об этом «суде» по Москве долго ходили легенды. И решение Фрида уже никем не оспаривалось.

Î Î È ÐÀÁ ÎÀÈÈ ÍÀ Î ÐÀÁÁÈÁ ÈÁÁÀÈÛ ÎÕ ÁÎÇ Î ÁË Î ÑÒÁË

Ááí ääèè Ñàðí íá èðèòèè è èèòàðàòóðíááí

– В 1995 году Валерию Фриду дали «Нику» «За честь и достоинство». Кто-то о ту пору злословил, что не «дали», а «отдали». Что, была какая-то интрига? Как вообще к этой награде отнесся Фрид?

– Я ничего про это не знаю, не слышал. Быть может, какая-то интрига и была. Но, скорее всего, слово «отдали» возникло тут потому, что по справедливости премии этой Валерий Семенович Фрид мог и даже должен был удостоиться раньше, чем это произошло.

– Валерий Семенович учился во ВГИКе, в мастерской Леонида Захаровича Трауберга. Повлияло ли педагогическое дарование Трауберга на творчество ученика?

– Никогда над этим не задумывался. Какое-то влияние Трауберг на Фрида, конечно, оказал. У каждого творческого человека есть учителя, без них не бывает. Как прекрасно сказал об этом Борис Слуцкий: «Умирают мои старики – / Мои боги, мои педагоги. / Пролагатели торной дороги, / Где шаги мои были легки». Но более всего, я думаю, на творчество Фрида и Дунского (об их работе нельзя говорить раздельно) повлиял их ранний жизненный опыт.

– Фрид и Дунский были носителями лагерной тайны. Почему же ни тот ни другой не стали художниками-диссидентами, не ушли в обособленные кинематограф и литературу, почему внешне оставались как бы согласными с Режимом?

– Художником-диссидентом мог стать писатель или поэт. У них была возможность писать «в стол», работать для самиздата. Новые возможности для нелегальной (диссидентской) литературы создало появление магнитофона, что в немалой степени способствовало рождению новых художественных форм (Окуджава, Высоцкий, Галич, Юлий Ким, Юз Алешковский). Жанр, в котором работали Фрид и Дунский, исключал такие возможности. Кинематограф немыслим без определенных «средств производства», а все средства производства были тогда в руках государства. Какое уж тут диссидентство! Кроме того, Фрид и Дунский уже хлебнули лагерной баланды, и второй раз им туда, естественно, не хотелось. Но в своем жанре они работали на пределе тогдашних легальных возможностей, и конформистами, «как бы согласными с Режимом», я бы их все-таки называть не стал.

– Дунский писал Фриду из Минлага в Каргопольлаг: «Как тебе нравится иудейская война? Я с большим интересом читаю теперь все газеты». Под иудейской войной подразумевалась, конечно, борьба с «безродными космополитами». Эта заинтересованность безусловно характеризует Дунского с определенной стороны, а что для Фрида значил «еврейский вопрос»?

– Думаю, что для Фрида «еврейский вопрос» значил ровно то же, что для Дунского, а в те времена, о которых идет речь, – для каждого еврея, поскольку утверждавшийся тогда государственный антисемитизм для каждого «лица еврейской национальности» представлял смертельную угрозу, и те из них, кто не обладал развитым политическим мышлением, чувствовали это шкурой, печенкой, селезенкой, всеми потрохами.

ÈPÁÎÄÛÏ ÐÎÈÈÈÀÑÛ ÍÀ ÍÁÁÎ ÁÎÆÄÁÎ

È òèè Ñìèòáìá ðàæèññàð ñòáì àðèñò

– Сэмюэл Батлер говорил, что существует два типа учителей: те, которые учат слишком многому, и те, которые не учат вообще. К какому типу учителей ты бы отнес Валерия Семеновича? Что он дал лично тебе – как сценарист, как учитель жизни? Много ли учеников Фрида сегодня в кинематографе?

– Как учитель драматургии он мне дал не много. Ему уже было за семьдесят, когда я к нему поступил. Учить ему было не очень интересно. Какую-то теорию толкать. Или обсуждать мои беспомощные сценарии. Но я на него не в обиде. Были люди, которые в плане профессии возились со мной гораздо больше, а вспоминаются реже. Ради справедливости надо добавить, что я слышал от людей, которые учились на ВКСиР до меня, что с ними Валерий Семенович занимался больше, тщательней. Видимо, тогда в нем было больше энергии, сил. А вот в плане человеческом он меня поражал. Причем ни в коем случае не стремясь специально производить впечатление. Я пришел к нему в 1995 году. Тогда казалось, что человечности, тепла уже и не осталось, каждый рвет свой кусок, обороняет свою семью, а остальные воспринимаются только как враги. И тут я встречаю Валерия Семеновича. К нему приходишь (занятия происходили у него дома), он выгребает на стол все, что есть в холодильнике (и это не преувеличение). Норовит всучить тебе новую рубашку, новые туфли. И он был так со всеми. Телефон постоянно звонит. Постоянно люди тянутся к нему. Тепло от него шло, люди к этому теплу и тянулись. Помню, одна студентка рассказывала случай про Фрида. Она к нему пришла на консультацию. Валерий Семенович должен был завтра улетать в Америку. Обсудили ее сценарий, девочке пора уходить. Фрид протягивает ей столик: «Вот, возьми, а то я уже все деньги поменял на доллары. Мне там, в Америке, эти рубли никуда». Студентка отнекивается, а потом все-таки берет (девчонка-то нищая): «Ой, спасибо!» – и чмокает его в щеку. Фрид глаза заводит, жмурится, как будто пробует что-то вкусное, и небрежно роняет: «Как дешево стоят ваши поцелуи...» И подобные случаи можно множить и множить. Помню, ныне покойный сценарист Митько рассказывал историю из времен, когда еще Дунский был жив. Они, Дунский и Фрид, любили принимать по выходным гостей, любили угощать. И порою просто закармливали. Может, так преломлялся их лагерный опыт, наголодались в свое время. И характеры, как я понимаю, у них очень сильно различались. Дунский был человек холодноватый, собранный, любил держать дистанцию. А Валерий Семенович был демократ. Однажды они уговаривали капризничавшего, уже вконец закармливаемого гостя съесть еще один бутерброд. Буквально в рот совали. Гость в раздражении мотнул головой, и бутерброд упал на пол. Дунский строго и брезгливо посмотрел на бутерброд. Он нахмурился, а Фрид, чтобы позлить соавтора, упал на четвереньки и стал изображать собаку. Схватил ртом бутерброд и с остервением, рыча и мотая головой, его терзал. Валерий Семенович был прост и одновременно артистичен. Редкое сочетание.

– Ты, по-моему, брал у Фрида несколько интервью, какой вопрос ты не задал Фриду, не успел, но очень бы хотел получить на него ответ сегодня?

– У меня есть вопрос, но даже не к самому Фриду лично, а к образу его. Из того, каким я его запомнил, каким он возникал в рассказах других знавших его людей, у меня сложилось впечатление, что его все любили. Поголовно. Характер у него был какой-то необыкновенно счастливый: легкий, открытый, щедрый, естественный. Самоирония, которая не переходит в самоуничижение. И масштаб в нем был человеческий. Масштаб, которому не завидуешь, который не оскорбляет, не давит. Который чувствуется, но

одновременно и нет. Его все любили – женщины, коллеги (что, как мы знаем, не норма). Любви он, конечно, получил в своей жизни много. Есть такие, которые любовь хапанули. А на него она пролилась. Дождем. На него она не могла не проливаться. Например, вспоминаю, как он говорил. Речь его мгновенно набирала скорость и быстро катилась. Меленько подпрыгивая. Торопливо говорил. И очень душевно. На вопросы отвечал с готовностью и обстоятельно. В этой обстоятельности чувствовалось уважение к собеседнику. И когда я его вспоминаю, с некоторой завистью думаю: как же это у него получалось – вызывать любовь?

– Доминирующую роль в кинодуэте «ФридиДун» (Фрид и Дунский) Валерий Семенович отводил подельнику и соавтору. По-человечески понятно: одновременно и «привет» другу, и стирание границы между одним миром и другим, но ведь он говорил тебе, что 70% сценарной работы за Дунским... А это уже либо комплексы, либо история кинематографии. Фрид был закомплексованным человеком?

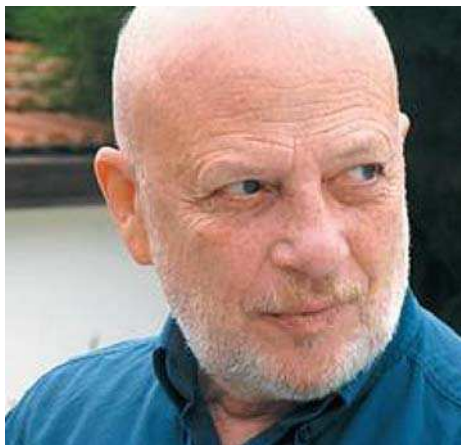
– Не думаю, чтобы Валерий Семенович был закомплексованным человеком. А думаю, что говорил он так от необыкновенной щедрости. Про одного своего знакомого однажды я услышал фразу: «Быть таким добрым, как N, – это даже как-то... нескромно». Фразу эту можно смело применять и к Валерию Семеновичу. Был он и добрым, и щедрым сверх всякой меры. Неприлично щедрым, ненормально. И не то чтоб он к кому-то подлизывался, пытался кого-то обаять для каких-то своих целей. Ничего шкурного в нем не было... И еще это была доброта человека с характером. Сколько раз я видел, когда с «добряком» начинают разговаривать панибратски, как с дурачком или слабаком. Фрид – не тот случай. Что-то в нем заставляло собеседника держать себя в рамках. Вроде дедушка, вроде добрый. Мягко улыбается. Но иногда в глазу что-то сверкнет зоркое и твердое – и ты слегка осекаешься. Понимаешь: он говорит-то говорит, но одновременно постоянно тебя взвешивает-оценивает. И хочется на тех весах взвеситься достойно.

– Видел ли ты во Фриде еврея, еврея-кинематографиста?

– Никогда я его не мерил линейкой национальной. Я вообще стараюсь людей такой линейкой не мерить. Если они сами не дают к тому повода. Наверное, потому, что я вырос в Сибири. А там – по крайней мере, в моем окружении – национальный вопрос никого особо не волнует. Это на Кавказе всегда было тесно. Всегда там тлеет, всегда там все живо интересуются, каких ты кровей. А в Сибири все ровно наоборот... Один только раз я подумал о Валерии Семеновиче в контексте национальности. Это было на занятиях, на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Одна из студенток, еврейка, при обсуждении ее сценария как-то вплела лукаво свою национальность, как-то обыграла ее. Я уже не помню контекст. А Валерия Семеновича это рассмешило... и умилило, что ли. Он посмотрел на нее ласково: «На-аша девочка...» А меня это, помню, царапнуло. «Интересно, – думаю. – Я не делю на “ваших” и “наших”. А он, получается, делит...» Впрочем, эта моя мимолетная мысль говорит, наверное, не столько о Фриде, сколько обо мне.

Ó ÊÀÆÄÎÄÎ ÁÛË ÑÂÎË ÑÒÈËÛ ÂÛÆÈÄÄÎ ÈË

Ï ääë Õëí, èëí ïñáí äëñò, çàñòåáí íé ääò äëü èñòñò à ÐÑÒÐ

– В лагере Валерик и Юлик держались вместе. Говорят, не только дрались, но и творили. Именно там у Фрида родился замысел книги «58 ½. Записки лагерного придурка». Чем отличается эта книга от родственных ей книг Солженицына, Разгона, Шаламова?..

– В лагерях они держались вместе, но творить у них вряд ли получалось. Вначале – не скажу точно, как долго, – Фрид с Дунским были разлучены. Два совершенно неразлучных со школьной скамьи человека. Разлучить их удалось только НКВД. Встретились случайно на каких-то лагерных перегонах. Объединению друзей поспособствовал мой мастер Алексей Яковлевич Каплер. Он сам вышел в 1956-м, а через год набрал курс сценарного факультета, на котором мне довелось учиться. Однажды, проходя по вгиковскому коридору, я увидел двух великовозрастных студентов, кто-то воскликнул: «Это ж Фрид и Дунский!» Они тогда как раз защищали дипломы картиной «Случай на шахте восемь». Идея фильма родилась не в лагере, а уже на поселении в городе Инта, где была улица имени Урбанского. Отец знаменитого актера Яков Урбанский был главным инженером этой шахты. Книга Фрида от канонических в этом жанре отличалась принципиально. Если «Архипелаг ГУЛАГ» по жанру трагедия, то «58 ½. Записки лагерного придурка» – трагикомедия. Отличается так, как отличались Фрид и Дунский от Солженицына. Солженицын – почвенник, считавший себя абсолютно безгрешным. Отсюда и «Двести лет вместе». Книга глубоко ложных позиций и совершенно нетипичная для русского писателя и вообще русского интеллигента. Солженицын воспринимал мир эпохально и трагически, а они – как гиньоль, которому судьбою выпало такое испытание. Это отношение к случившемуся помогло им выжить. Ведь каждый находит свой стиль выживания. Я бы даже больше сказал: у каждого свой жанр выживания. Они так выживали.

– Сегодняшнему отечественному искусству, кинематографическому в частности, несмотря на явные приметы возрождения, пока еще тяжело говорить о высоком, и все-таки: возможно ли нашему «волшебному» привить «старомодные» идеи и идеалы Дунского–Фрида?

– Искусство, как жизнь, движется только в одном направлении. Когда оно оглядывается назад – возникает некое ретро. Хотя в кино можно обращаться к событиям какой угодно давности, чаще всего это определенная условность. Реальность – это настоящий день. Когда я думаю об этом, вообще о состоянии сегодняшнего кино, сразу обращаю свои взоры на Голливуд, ведь он по-прежнему задает моду на кино. Но у нас с американцами разная нравственность. Может ли быть разная нравственность? Может. Американское кино во многом протестантское. Православие дает другие импульсы для искусства. Более трагичные и человечные. На мой, конечно, взгляд. Русская литература – это «Шинель». Валерий Семенович и Юлий Теодорович – дети русской культуры. Хотя и были евреи и абсолютнейшие англофоны. Даже язык выучили в лагерях. Последний, кстати, кто видел Валерика живым, был англичанин, его друг из Лондона. Англицким духом они заразились от своего учителя Трауберга. У него была роскошная коллекция английских детективов, Валерик с Юликом обожали ее читать. Несмотря на то что оба видели изнанку жизни, какой не видел ее никто, они были подлинными романтиками. Даже самая в этом смысле известная их картина, снятая в густое советское время, «Служили два товарища» – романтическое представление о том, как брали Перекоп. Или, скажем, менее удачная по ряду обстоятельств картина «Красная площадь» – тоже ведь романтическая лента. Кстати, своего романтизма они не стеснялись, никогда не скрывали. Даже создавали такой романтический флер.

– Когда вы писали сценарий к фильму «Подарок Сталину» – а я знаю, что вы не только сценарий писали, но и участвовали во всем, что так или иначе было связано с этим фильмом, – Валерий Семенович «стоял за стеклом»?

– Безусловно. Когда я начинал писать этот сценарий, он был еще жив. Обычно я пишу для себя, что и у кого мне нужно спросить, с кем посоветоваться. Отчетливо помню, у меня было записано: поговорить с Фридом. Я к нему не раз обращался по этой теме, а когда не мог, открывал и просматривал его книгу. Или вспоминал те истории, которые Фрид мне рассказывал. Вообще, они много рассказывали о своих лагерных дружбах. Например, дружили с власовцами, с бандеровцами... У меня в одной пьесе есть герой по прозвищу Зайчик (реальный человек), но писал я этого «реального человека» с Фрида. Фрид был очень «персональным» человеком. Они оба были «персональными» людьми. Притом что абсолютно разные. И внешне, и внутренне. Дунский – больше в себе. Валерик, наоборот, был очень открытый. Дунский не пил и не выносил, когда Валерик пьет, а Валерик любил пропустить рюмашку. Фрид почему-то, когда выпивал, боялся Дунского. А скрывать этот факт было бесполезно: он обладал такой странной биологической чертой – когда напивался, начинал чихать. Мог чихнуть до восьмидесяти раз, и тогда Дунский понимал, что его поделщик и соавтор согрешил.

– Сегодня крепкая мужская дружба... как бы это сказать, чтоб не задеть, немного странно выглядит, как-то шелково, кружевно. Фрид с Дунским всю жизнь крепко рядом были и захоронены

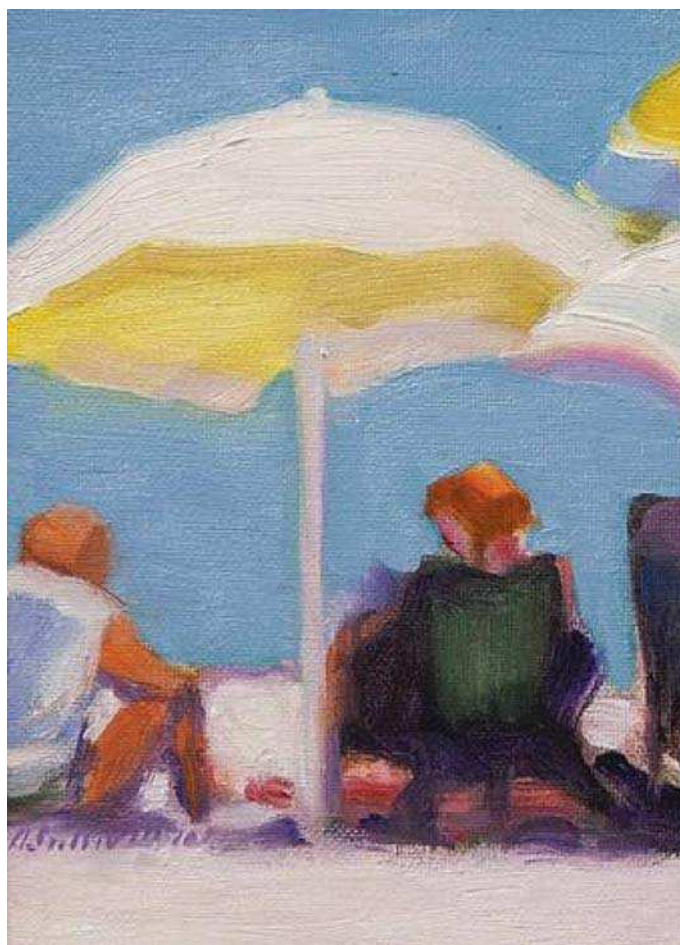
рядом. Вам, как художнику, мужчине, умеющему дружить (в списках ваших самых «древних» друзей – Давид Маркиш), не кажется, что такая специфичная дружба – печать библейская, национальная?

– Нас и так обвиняют, что мы в мировом заговоре, а вы еще нам дружбы приписываете «национальные»... Хотя лично я считаю, что мировой заговор существует против нас. Но действительно, чтобы защититься от толпы, черни, несправедливости, есть смысл не разлучаться, быть вместе. (По моим жизненным наблюдениям, армяне, например, гораздо сплоченнее евреев. И никто их в этом не упрекает.) В такой дружбе безусловно есть и национальные черты. Их еще объединяло изгойство, которое на нас всех лежит. Если добавить к этому, что любой писатель, любой сценарист – изгой, то Валерика с Юликом от бердичевского сапожника отличало то обстоятельство, что они оба были дважды изгоями... Причем дважды на генетическом уровне. Разумеется, такое изгойство лучше, легче переносить вместе. В их дружбе несомненно было что-то высшее, что хочется назвать предопределением. Говорят же: «Браки совершаются на небесах» – их дружба свершилась на тех же высотах. Потому и не расставались друг с другом, даже когда один из них ушел. Не зря же Фрида продолжали называть «Фрид и Дунский». Стало общим местом вспоминать фильм «Служили два товарища», когда речь заходит о Фриде и Дунском, но ведь они и правда были те самые два товарища.

Ὁ εὐαγγέλιον ἀπὸ ἀπὸ ἐκείνου τοῦ ἰσραήλ, ἰσραὴλ ἰδεῖν δὲ οὐκ ἐστὶν οὐδὲν ἄλλο ἢ ἡ ἀποστολή τοῦ εὐαγγελίου ἐν τῷ ἰσραήλ. Ἰσραὴλ ὁ ἀπὸ τοῦ καὶ ἀπὸ τοῦ ἰσραήλ. Ἀλλὰ οὐκ ἐστὶν ἡ ἀποστολή ἐν τῷ ἰσραήλ, ἀλλὰ ἐν τῷ ἰσραήλ ἐστὶν ἡ ἀποστολή, ἡ ἀποστολή ἐστὶν ἡ ἀποστολή. Ἄλλο ἄν, ἀλλὰ οὐκ ἐστὶν ἡ ἀποστολή ἐν τῷ ἰσραήλ, ἡ ἀποστολή ἐστὶν ἡ ἀποστολή, ἡ ἀποστολή ἐστὶν ἡ ἀποστολή, ἡ ἀποστολή ἐστὶν ἡ ἀποστολή.

ВООБРАЖАРИУМ

Àdèàí Èàdèá

I

В августе 1988-го надо мной стебался весь Коктебель. Отгородившись зыбким экраном сосредоточенности от девушек, моря и болтовни, я учил польский язык, который сулил мне в ближайшем будущем такие приключения, что любой пляжный роман казался рядом с ними детсадовской забавой. Но я не был суперменом, только строил его из себя. Поэтому детсадовская забава меня нашла, и я оказался по уши втянут в любовный треугольник при участии будущего писателя и ресторатора Димы Липскерова. В результате польским я тоже овладел, но так себе, на троечку. В любви не следует разбрасываться.

По моим наблюдениям, к польскому языку не бывает равнодушного отношения: его либо обожают, либо терпеть не могут. Пшепрашам, не пшешкадзам?[1] Кто-то скажет, что его бесят все эти пше, да и сами пшеки, а у меня от польских шипящих весна на сердце. Другими бескорыстными составляющими любви к польскому были Эва Демарчик[2], Марыля Родович, «Червоны гитары»[3], пушкинские переводы Мицкевича и восстание в Варшавском гетто, в котором я часто воображал свое героическое участие и трагическую гибель. Польский язык, кстати, реабилитирует слово «жид». На нем запросто можно сказать «jestem żydem», и это будет означать всего лишь то, что я еврей.

Но имелся к Польше и корыстный интерес. В тогдашней политической географии она была первым пунктом на пути к свободе, то есть первой, почти полноценной заграницей. А заграница, когда в нее не пускают, становится настоящим идефиксом. Юрий Дружников написал блестящую книгу, которая называется «Узник России». Это увлекательный рассказ о том, как Пушкин с юности пытался побывать за границей, а живя в Одессе, даже планировал побег, но так до конца жизни за границей и не побывал. Трудно

сказать, пошел ли отказ в выезде на пользу Пушкину и Юрию Дружникову, – это надо у них спросить, но пушкинистика, безусловно, обогатилась.

В 1988-м, после долгих лет отказа, я подал документы по новой и, в свете перестроечных событий, ожидал скорого свидания с исторической родиной. Израиль представлялся мне сказочной страной, где я буду ходить в шортах, с автоматом, мочить арабов и говорить красавицам «ахувати!»[4]. Дальше этого мое воображение не простиралось. На пути к ультимативной мечте находилась Польша, сказка рангом пониже, чем Израиль, но и в нее попасть тоже так хотелось, так хотелось!

И вот я иду по Варшаве, по проспекту с футуристическим для меня названием Алее Йерозолимске, сворачиваю на улицу Копиньска, захожу в здание общежития Политехнического института, поднимаюсь на третий этаж и открываю своим ключом дверь в комнату 317. Ключ мне дал мой друг Витольд. Он учился в варшавском Политехе, а потом перевелся в Москву, в МЭИ. Витольд сказал, что ребята в общаге меня с удовольствием примут, достаточно передать от него привет. Так в точности и произошло. Но только несколькими днями позже, когда студенты начали съезжаться после летних каникул. А пока я был в номере совершенно один. Весь он был оклеен плакатами «Солидарности»: «Nie ma wolności bez Solidarności!» «Тylko chory chodzi na wybory!»[5]

Я думаю, моему поколению очень повезло, что революция прилась на нашу молодость. Сегодня мне уже никакой революции не хочется, а хочется, наоборот, чтобы в доме было тихо. Все дело, как мне представляется, в том, что революция жестко делит общество на дураков и трусов. Без права апелляции. В молодости, которая предназначена больше для действия, нежели для размышлений, дураком быть легко. В молодости ты еще даже не догадываешься о том, что дурак; все усилия тратятся на то, чтобы не выглядеть трусом. Из всех народов империи поляки оказались самыми бесшабашными. Мифический польский гонор нашел реальное воплощение. Собственно, распад империи следует отсчитывать от 1980 года, когда образовалась «Солидарность». Потрясающим было и то, что революцию затеяли не интеллигенты, а рабочие, то есть поляки преподнесли революцию в ее чистейшем, классическом облике – в пролетарском движении. А большие художники, как Анджей Вайда, только успевали запечатлевать народные свершения. Захватывающая дух настоящая солидарность! И насколько же трусливо и жалко смотрелся рядом с поляками советский народ:

*Αγαθά ποσάα εαίνου έ ανταί υ αν θαάτ ι υ ίεού ίά άδνεί ! Ιάάααεόά Έεεε-ό - ίαι
-άάάτ άό ιτ ίεα-ό! Αίεε μαεάαόά άίεεα, άάάα όί αά, -όί έ ά Ιίεεα!*

Шумим, братец, шумим...

Одно из достижений революции заключалось в том, что по Варшаве можно было спацировать в крутых споднях, в то время, как в Москве человек в шортах мог быть только западным туристом – своим запрещалось. Так что я надел шорты – символ свободы – и отправился завоевывать Варшаву.

Я двигался наугад, без карты, без маршрута, перемещаясь то пешком, то в автобусе; оказываясь то в центре, то в районе каких-то новостроек. Вера в собственную судьбу была во мне так велика, что я без страха позволял ей вести меня, куда ей вздумается. И правильно делал. В одном из случайных автобусов я разговорился с пожилым господином, который представился писателем и журналистом. Я представился евреем. Мой собеседник с радостью поспешил сообщить мне, что очень любит евреев, что сегодня – еврейский Новый год, и рассказал, как найти синагогу. Это была отличная новость. Я не из тех, кто любит осматривать достопримечательности, я нуждался в общении. И пока не подъехали витольдовские друзья, носители польской солидарности, можно было воспользоваться солидарностью еврейской и завести знакомства. В Москве, на «горке», по еврейским праздникам собиралась огромная толпа веселящейся молодежи. Я надеялся, что в Варшаве должно быть не хуже. До вечера еще оставалось время, и я решил пойти продать свои три червонца.

По воскресеньям, – а это было воскресенье – центральный городской стадион превращался в блошинный рынок, мы о таких только в книжках читали. Витольд проинструктировал меня, что у поляков в большом почете советские червонцы, за которые они скупают в СССР дешевую электронику. Червонцы и в самом деле ушли мгновенно по хорошему спекулянтскому курсу, и дальше я стал просто слоняться по базарчику, разглядывая, как всегда, человеческие лица с большим интересом, чем человеческие вещи. Одно лицо, продававшее советскую фотовспышку, вызвало у меня желание пошутить. «Пшепрашам, – обратился я к нему. – Тшы пан ест с Звёнзка Раджецкого?» («Простите, вы из Советского Союза?») Интеллигент в бороде и очках несколько напрягся и кивнул. «А тшы пан ест жидэм?» Человек посмотрел на меня очень

внимательно. Вопрос пахивал погромом. Тем не менее, он опять мужественно кивнул. Я поспешил перейти на русский.

Его звали Аркадий. Мы посидели в забегаловке, поели бигос, и я предложил ему присоединиться к праздничному походу в синагогу, но он путешествовал с другом, у них была уже договоренность на вечер. Мы сердечно распрощались, и я отправился в синагогу один. Я проработаю в израильской газете «Вести» несколько лет рука об руку с Максимом Рейдером, когда совершенно случайно выяснится, что этим другом был он. Но это будет нескоро, а вот любовь с первого взгляда будет прямо сейчас.

Влюбленным с первого взгляда я в Варшаву уже приехал. Теперь оставалось только понять, в кого. Чтобы лучше это понять, я забрался в синагоге на верхний этаж и стал осматривать прихожан. Никакой молодежи, одни старики и несколько туристов. Я не знал тогда, что еврейская община Варшавы насчитывает всего шесть тысяч человек. Разочарованный в еврейской солидарности, я уже собирался спуститься вниз и покинуть синагогу, когда в нее вошли две девушки – блондинка и брюнетка.

Я незамедлительно влюбился в брюнетку. Поэтому, с нетерпением дождавшись конца нудной церемонии, направился прямо к блондинке. Трудно знакомиться с женщиной, в которую ты только что влюбился. А с блондинкой было легко. Через пять минут Данута уже пригласила меня на канапки[6].

Странные вещи происходят в молодости. Я ведь довольно плохо знал польский. Но я не помню, чтобы хоть раз у меня возникло ощущение языкового барьера. Я не только все понимал, но и сам болтал без умолку. Ханна – моя любовь – играла в еврейском музыкальном театре. Бутылку водки мы купили в частном секторе и пили у ее подруги Дануты, которая играла в детском театре. Там же играл ее спутник жизни, Збышек, находившийся по причине алкоголизма в данный момент на излечении в психушке.

Разительное отличие тогдашней Варшавы от тогдашней Москвы заключалось в том, что в Варшаве была масса доступных питейных заведений. Мне запомнилось одно, на Старувке[7]. Называлось оно «Под крокодиллом», и при входе в него действительно висело вниз головой чучело крокодила. А внутри играл живой тапер.

Иногда мы никуда не ходили, а сидели дома. Ханна жила с пани Марией, матерью своего гражданского мужа, который умер от рака полгода назад. Ханна обещала ему перед смертью, что не оставит его мать одну. Его звали Йонаш Кофта, он был поэтом и бардом. Ханна дала мне послушать его песни, очень красивые. Он и сам исполнял, и писал для других, для Марыли Родович[8] в частности.

Между тем студенты съезжались в общагу. Вернувшиеся обитатели 317-го номера нисколько мне не удивились, и мы тут же стали друзьями. Я, разумеется, похвастался своими амурными успехами и, следуя доктрине общения без границ, решил пригласить Ханну в гости, чтобы познакомиться с ребятами. Перед тем как пойти ее встретить, я спросил у ребят, слышали ли они имя Йонаша Кофты. Мне ответили, что Йонаш Кофта[9] для поляков – это как для русских Высоцкий. Я сообщил им, что Ханна – его вдова.

Когда спустя полчаса я вернулся с Ханной, в номере 317 был аншлаг: туда набилась, кажется, вся общага. Каждый притащил что мог из выпить и закусить. Мои хозяева тихонько объяснили мне, что *wszyscy chcą zobaczyć ostatnią dziewczynę Jonasza Kofty*[10], и до меня начало доходить, что все это как если бы иностранец приехал в Москву через полгода после смерти Высоцкого и, познакомившись случайно с Мариной Влади, завел бы с ней роман. На следующее утро я начал умирать.

Симптомов никаких не наблюдалось, я умирал без симптомов. Просто не мог встать, и все тут. Ханна привезла мне еврейский бульон, водку и книжку. Бульон мне не хотелось, водка почему-то не помогла, а книжку Ханна читала мне вслух. Там было про двух польских подонков, брачных аферистов, которые зарабатывают тем, что соблазняют американских туристов. Действие происходит в Израиле. На протяжении всего романа герой и его друг страшно бедствуют, много пьют и постоянно обсуждают сценарии соблазнения. Мне запомнилась сцена, когда друзья вытапывают ковер, чтобы он выглядел винтажным, но не прекращают творческой активности. Когда, в полемическом запале, они останавливаются и начинают жарко спорить, к ним выскакивает хозяин и кричит, что он платит им, чтобы они ходили, а не болтали. Все их сценарии рассыпаются. «Наша беда в том, что мы воспитаны на русской литературе», – констатирует герой.

Àeòai eíai è Ì adæ ièðæññ íáñíã. Ìñëá òíã èæé ìíëñíã ìáëáëá áñíãæé èç ìíëðéá-áñíéòú, ìí ìðéñðòñíéññ ìá ðñáíééè á Ýééàòá Õàì ìí ááéñðáèðæññíí ÷òú ìá çáñíéññ. Áíãáì ÿ ìíñííááòé È, èæé Áíðíááñééè áíéíáé Ì áðæá è ìñáÿ á èéáóò Áðáíáð. Õàì æéèá áñíáçáÿ èíðñéááá ááðòááñíéé áíñáì ù Bàáéáá Õéáóéññéáÿ.

Á èéáóòá Ì áðæá è È, èæéá ìíñðááèéé ìúòú ìíñáá Ìí áá-áðáì áðçáÿ ááéé ÿéçéñðáíðéáéññúá ááñáú ñ Bàáéáé èéé èðææééè áíéíáì èéáóòíúì áááòéáì ìíëñíã ìðñéñííæááéÿ, ìíòíí ó-òí èáðéòá ìá çíáéé. ×áðçá ìññö èð áñíãæé çá ìíññéé è àì ìðáééá

Õéáñéí è òòð ìá ìðíáé. Á Èçðáééá ó áñ áñéí ìííã áðçáé-ááðáá, èíðíðúò ìíëñíã ìðáéèðæññòáí á ìÿðéááññòúò áíááæéí áÿì èáðáèþ.

« Ì íé ìðéÿòáéú Áæé Áóóáéíááð - ðáññéçáíááò Õéáñéí, - ìáòáé æéÿ ìáÿ ìòéé-ìçþ ðáñíó - ìá ñòáéíéññíí çáñíáá Ì à áñíðá áñéá ìÿðéááññòéáðááññáÿ æáðá, à á óáòò ñòíÿéá ìá-ù ìááðòáÿ áí ááòò òúññÿ: ááòòò áðááññá Ñóñíéé áá. Õáé áíò, ìíéóáá ì íé áðáá Áóóáéí ááð ñéáé á èáòá é, ìíáéæééáÿ ñáíþ ìééáéñíòçþ áíðñáá ìááéúááé ááéá, èéé - èæé áñíáðÿò á Èçðáééá - "òáéé èðúóééññ", ÿ çáððæáé á ìá-ù óáñíðááòáòú ñ ìíéíáéííé òííí ñíðññ, ááññáÿ çá æéçíú ñ ñáéí ì áñðáðíí, áññíáéííí Õáíéðíí».

Õéáñéí ìðíí ùéáéññ á Èçðáééá á ìáíáé ñéíáéííñðé ááá áñáá Ìí áñé ÷óæáéíí è ìáéááéíí. Áí ñ áðòé ðáñíòáé, áí ìíéóñ áðòé ìéé. Ì áíéññé ñáé èó-óéé ðñí áí: « Ì áðáíáí ìúé á Ñóòí».

Õíòÿ ááéñðáéá ìðñéñíáéò á Èçðáééá, ÿòí ññááðóáííí ìáíðéáí-ìúé Èçðáééú Ìí ìáñéáí ìíáííéáì è, ì íóáííééáì è, ìðñíðéòóóéáì è, áñðáì è, áññéíáíí è óééññòáì è è ìáíáéíúì è èþáú è. Ááðñ ìðéðíáéòññ áúòú òí áðá-ìúì áóáðéñíí, òí ìáá ìúì ááééóáé è ìíñðíÿííí ìéòú ÷òíáú çáðéóéèòú ñáñíòú

Á ðñí áí á Õéáñéí áñíáðé-áñéé ðáééññ ùé Èçðáééú áñíòáñéíí ìáðáíéáòááòññ ñ ðñí áí òééíé àì áðééáíñéíã èéíáì áòíáðáòá è ááðñíáéñéíã ááéáááíñá. Ááðñé ìíòíæ ìáííáðáì áííí ìá Ì áðéííá Áðáíáí, Ááíðé Ì èééáðá, Õàì óðé Áíãáðòá è Ýðéòá Ì áðéþ ðáí áðéá.

Ìáá èííáò ìí ññááðóááò ñáéé ñáíúé ìáñáÿéñééé ìíñòóíé: çá ááíúé ìíçáíéÿáò àì áðééáíñéíí ó ìéññéííáð, èíðíðúé ìá çíááò, ÷òí ìí èáòíééé ìí ðñæááíéþ, ìáðáèéòú ñáÿ á òðéñðéáíñòáí. Õçí ááíá ÿòíí, ì éññéííáð èíí-ááò ñ ñáíé.

Ì áðæé Õéáñéí òíæá ìíéíí-éé ñ ñáíé. ×áðçá ááá áñáá ìíñéá ìáíéñáíéÿ ðñí áí á. Áí ó áñéí 34 áñáá Ìí ñéíí-æéññ á Ááðí áíéé, á áñíðéíé-ìíí ìíí áá, ìðéíÿá ìáñíí ìçþ áñçó áééíáéÿ è ñíòáíðííá. Ì á ìðñéáñíáðáéá ñòíÿéá ìéáñðéíéá ñòíðñí Áéáéñáí áðñáá.

ðñí áí Õéáñéí áñááí áí ìò ìá-æéá áí èííóá Ìí áñá ìáíéñáíííá á ìáí - ìðááá. Áááú ìðááá, èæé èçáñíòíí, áñááò òíéñéíí óáñíæáñðááííé.

« Ì èð ñíñðíéò èç ááòò ìíéíáéí, - ìéñáé Õéáñéí, - á ìáííé ìááñçí ìáéíí æéòú á áðóáé - ìááñçí ìáéíí áñááðæáòú». Ì á ìíáéá Õéáñéí áñíá-áíá ìááíéññí ìíáðíðÿþíáÿ ìáçáíéá ìáííé èç áñ ìíááíðáé: «È áñ ìðááðíóééññ».

Ñ ìááíáéññ á òíò ñáí ùé ìáññáé ìá óééóá Áéáíáé, ááá ìÿðíááòáòú èáò ìáçáá èéíáéá æéçíú ìíéññéíé ìáíéíú. Õàì ìé-ááá áíéñóá ìáò. Õí áñòú áóéáéúíí - ìé-áá. Õíéñéíí áíòáð áñíÿáò ì óñð. Áñá ìíéÿéé óí áðéé. Ì ñòáéññ áñíáðáæáðéóí.

- Ðáññéáæé ìðí ÿòí.

- Ì áò, ÿ óñóáé. Õáéúé ááíúí ìúòáþññí áñááí áòú èáéçþ-ìéáóáú èñíòíðéþ ì óááá è ì ðááíí éá èíðíðúé ì ìááú ó ìáñáíòú Ì í é-áá ìáííéó-ááòññ.

Марек Хласко

«Он совершенно не собирался умирать, – сказал Бухбиндер. Он приезжал накануне в Израиль – при деньгах, в прекрасном настроении. Познакомился с королевой красоты – стюардессой “Эль-Аль”. Собирался на ней жениться. Так что он не кончал с собой».

«Каждый истинно верующий человек, – писал Хласко, – должен носить на груди вместе с крестом звезду Давида, пока не будет уничтожен последний антисемит и пока тело его не обратится в прах, который со стыдом примет многострадальная земля».

Немного пафосно, но что поделать: этот поляк ну просто очень любил евреев. А я тоже – конечно, не без пафоса, но искренне – люблю поляков. Собственно, об этом я и попытался вам рассказать.

[1] Простите, не помешаю? (польск.)

[2] <http://www.youtube.com/watch?v=X4WWccQjDOc>.

[3] <http://www.youtube.com/watch?v=kvjCRqXLibI>.

[4] Любимая (ивр.).

[5] Нет свободы без «Солидарности»! Только больной ходит на выборы! (польск.)

[6] Маленькие бутерброды, канапе (польск.).

[7] В Старом городе (польск.).

[8] <http://www.youtube.com/watch?v=pQvzdjukDX0>.

[9] <http://www.youtube.com/watch?v=CrknNJJoGc0>.

[10] Все хотят увидеть последнюю девушку Йонаша Кофты (польск.).

[11] Книга и кофе (польск.).

[12] <http://video.yandex.ru/users/ivritkatan/view/1/>.

ИЗ НАШЕЙ ЯНВАРСКОЙ ПОЧТЫ

וְיָדָא עֵינֵינוּ וְיָדָא עֵינֵינוּ

На мой взгляд, издание слишком увлекается пропагандой религии. История нашего народа сложилась так, что иудаизм действительно составлял долгое время основное содержание его духовной жизни. Вековое существование в условиях пресловутой черты оседлости привело к тому, что все дело образования еврейской молодежи взяли на себя раввины, стремясь подчинить себе народ и духовно, и в административном отношении. Они культивировали древние обычаи. Но это было возможно только в период вынужденной изоляции евреев от других народов. Когда же изоляция стала ослабевать, евреи охотно потянулись к более развитой культуре стран Европы. Наполеон положил начало равноправию евреев. Мендельсон в Германии провозгласил идею просвещения и последующей ассимиляции. В России этот процесс начался после 1861 года. Во второй половине XIX века ассимиляция как прогрессивное явление охватила большую часть российского еврейства. Сохранявшиеся антиеврейские законы империи побуждали активную часть еврейского народа эмигрировать из страны, что только ускорило процесс их ассимиляции. Так что к 1917 году большинство нашего народа уже порвало связи с религией предков и ассимилировалось с русским народом. Евреи больше других народов были заинтересованы в равноправии, так как пострадали от дискриминации со стороны царской власти. Многие принимали активное участие в революции и строительстве социализма, в том числе в антирелигиозной политике СССР. Много синагог было закрыто по инициативе еврейских коммунистов. Евреи в массе добровольно стали атеистами. Власть лишь ускорила процесс. После 1991 года, вопреки Конституции, провозгласившей отделение церкви от государства, она начала активно поддерживать религиозные конфессии. Среди евреев рост религиозных настроений произошел в незначительной степени. Малая часть молодежи стала изучать Тору и традиции; старики потянулись в синагогу, чтобы избавиться от одиночества и состояния невостребованности. Еврейская интеллигенция осталась атеистической, и это свидетельствует о ее духовном здоровье. Возвращения к неограниченному влиянию раввинов в нашем народе не произошло и не могло произойти. Как бы ни старались зарубежные комитеты и фонды вроде Хабада восстановить статус синагоги как центра еврейской жизни, сколько бы денег на это ни направляли, им не удастся обратить вспять процесс ассимиляции. Издание религиозного журнала, пропагандирующего хасидизм в России, выглядит довольно странным и архаичным явлением. Неужели вы, культурные и образованные люди, этого не понимаете? Конечно, вы финансируете Хабадом, что позволяет вести обеспеченную жизнь. Но разве это соображение может оправдать утопические попытки вернуться в прошлое, от которого евреи с такой легкостью и радостью избавились уже в первой четверти XX века? Пусть Тору изучают ученые историки и культурологи. Это всего лишь духовное наследие минувшей эпохи, такое же, как индийские Веды. Стремление найти в этом нечто сакральное, исходящее от неведомого божества, нелепо и нерационально.

Абелая О'раи, Надаота

Ġàə ġòààò

Òààəààì ùé áí Òġàèí!

Что значит «слишком»? Кто устанавливает меру? Откуда мы знаем, что СЛИШКОМ, а что в самый раз? Журнал издается религиозными людьми (в чем Вы можете убедиться, глядя на фото главного редактора), он издается на деньги религиозных евреев. Так что религии в нем не слишком много, а в самый раз. На мой вкус – даже маловато. Может быть, религии в нем слишком много с точки зрения читателей? Обратная связь, письма читателей не говорят об этом. Стало быть, Вы совершенно правы, «издание слишком увлекается пропагандой религии» именно и только на Ваш взгляд.

«Конечно, вы получаете финансирование от Хабада, что позволяет вести обеспеченную жизнь».

Все куда хуже, мы просто хабадники. Я заметил, Вы считаете, что писать можно только ради денег, позвольте уверить Вас, что многие, очень многие, в том числе и наша редакция в полном составе, получают удовольствие от работы и пишут то, что думают, то, во что верят. Я понимаю, что Вам, опираясь на свой жизненный опыт, трудно в это поверить, но бывает и так.

Уважаемый г-н Цоглин, позвольте процитировать Вам Вашего единомышленника, талантливого еврейского писателя Исаака Бабеля. Он писал: «В страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери... С вытекшими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке ветров истории». Плюс: «На вокзале, в агитпоезде Первой Конной армии меня ждало сияние сотен огней, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин в типографии и недописанная статья в газету “Красный кавалерист”».

Бабель любил все то, что Вы полагаете ветхим наследием и завещаете культурологам. Но он, как и Вы, хоронил религию, как давно истлевший и не уложенный вовремя в землю труп. Его звало будущее с сотнями огней, живое будущее Конармии. Это было меньше ста лет назад. Сегодня его слова звучат издевкой. Его «светлое будущее» (вскоре сожравшее и его, и многих его единомышленников) уже давно наше проклятое прошлое.

А хасидизм жив, молод и позволяет себе посмеиваться над пророчествами, и Вашими, и Бабеля. Бабель был талантливым писателем, но никудышным пророком. Вы, судя по письму, уступаете ему в литературном даре, а уж в пророческом и подавно.

Не знаю, какого Вы возраста, позволю себе предположить, что мы сверстники (я родился в 1959 г.). Думаю, у Вас есть дети, возможно уже и внуки. Важно ли Вам, чтобы они были евреями? Если да, то в чем это будет выражаться? Если нет, то почему Вы читаете нас и пишете нам?

Если бы не будоражило Вашу душу, не злило Вас парадоксальное существование религии, которая давно должна была сгинуть, Вы не тратили бы силы на это письмо.

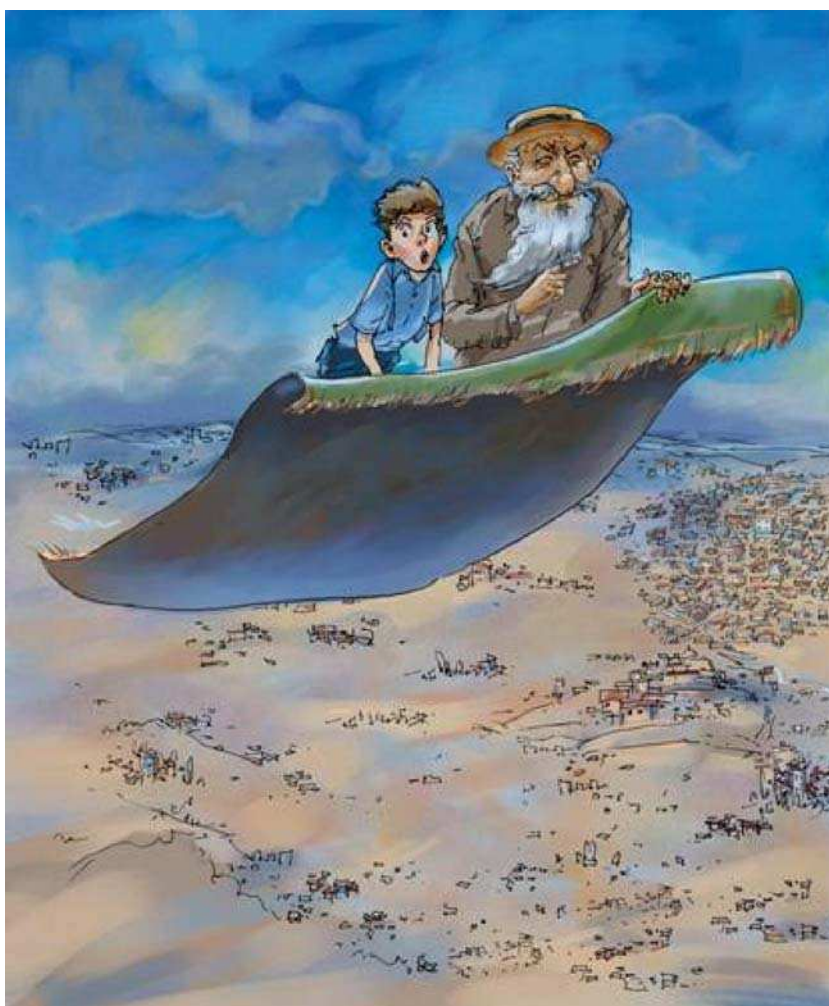
А я не тратил бы силы на ответ Вам, если бы для нас не был важен каждый еврей, включая пророчествующих нам забвение. Может быть, именно поэтому мы никогда не станем забытым прошлым.

Òààəààì Áəàəààì àð Òààèí

ХОТТАБЫЧ НА ЛИНИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОГНЯ

І асіа Ссі аад

Ковер-самолет, летевший со стороны Средиземного моря, миновал горный перевал, покрытый молодой сосновой порослью, и начал приближаться к Иерусалиму. Волька пытался вспомнить, что было сказано про Иерусалим в той статье из газеты «Правда», которую Женькин папа, Исаак Израилевич Богорад, так подробно обсуждал со всеми знакомыми. Но, увы, ничего особенно интересного, кажется, не было там сказано, кроме того, что Иерусалим имеет какой-то «особый международный статус». В этой статье про международное положение на Ближнем Востоке говорилось, что Государство Израиль, созданное по решению ООН всего шесть лет назад, достигло немалых успехов в развитии сельского хозяйства в условиях засушливого полупустынного климата. Еще там было сказано, что его столица – город Тель-Авив с населением в двести двадцать две тысячи жителей и что этот самый Тель-Авив каким-то образом, кажется, при поддержке двух империалистических хищников, Англии и Франции, удерживает под своим контролем незаконно аннексированную территорию арабского государства.

Хоттабыч хотел сделать торжественный круг над городом и приземлиться прямо перед храмом Сулеймана ибн Дауда, но Волька, боявшийся, что ковер-самолет привлечет к себе внимание, потребовал немедленно снижаться. Тяжко вздыхая, старый джинн выбрал для посадки тихий, казавшийся совсем пустым дворик в квартале, застроенном новенькими двухэтажными домами. Старик совершенно не узнавал город, в котором не бывал уже без малого три тысячелетия. Он, конечно, запомнил наизусть политинформацию, которую провел для него Волька. Но одно дело лекция юного пионера, который, признаться откровенно, и сам ничего не знал про Иерусалим, кроме этого «особого международного статуса», и совсем другое – яркие воспоминания собственной молодости, которые никак не вязались со всем, что видели его глаза, и прежде всего с этими серыми бетонными постройками.

– «Ши-кун ов-дим», – по слогам прочел он табличку на стене одного из домов и радостно рассмеялся, узнав тайные письма Сулеймана ибн Дауда. – Здесь, о челюскинец души моей, – объяснил он своему юному спутнику, – проживают иудеи, сведущие в храмовой службе.

Все взрослые жители квартала, похоже, уже разошлись по своим рабочим местам, а детвора убежала в школу.

Однако стоило Вольке и Хоттабычу спуститься с ковра на землю, как из одного окна на первом этаже высунулась кудрявая голова мальчика.

– Здорово вы летели! – приветливо воскликнул мальчик. – Прямо как в сказке! Вы из Йемена, друзья?

– Нет, о любопытнейший из отроков, – надменно ответил Хоттабыч, – мы не из Йемена и не из Пунта, а также и не из земель Офир, Медиан или Куш. Мы из Москвы – столицы Союза Советских Социалистических Республик, да будет сопутствовать ему удача во всех его благородных планах.

– Не может быть! – заявил мальчик. – Как раз сегодня учитель рассказывал нам про операцию «Ковер-самолет»...

– Я не привык, чтобы мои слова брались под сомнение и ставились ниже бессмысленной болтовни какого-то неведомого учителя, о недоверчивый и испорченный невежественными наставниками юнец! – прервал его старый джинн. – Не возбуждай нашего гнева своими неразумными речами, дабы я не превратил тебя в крысу. Лучше укажи, в каком направлении нам следует идти, если величайшее наше желание – в кратчайший срок достигнуть священной площади, на которой возвышается храм Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими, сверкающий на утреннем солнце золотом и белоснежным мрамором.

– Не валяй дурака, Хоттабыч, – постарался исправить положение Волька. – Скажи, друг, как нам пройти отсюда в Старый город?

– Точно говорят, что все йеменцы – психи, – совсем тихо пробормотал мальчик себе под нос. – Пережарились у себя в Аравийской пустыне, как кофейные бобы на сковородке...

Он поспешно закрыл окно и дал себе твердое обещание вылежать три дня в постели, как велел доктор Муниц, а не сидеть вместо этого у окна на жаре, рискуя услышать и увидеть еще и не такое.

Петля дворами и узенькими проулками, путешественники вышли на улицу пошире.

– «Ре-хов Ме-на-хем У-сиш-кин», – прочел Хоттабыч и, обращаясь к своему юному спутнику, заметил: – Должно быть, почтенный горожанин, в честь которого отцы города сочли нужным назвать сию улицу, что может смело сравниться с одним из просторнейших переулков Краснопресненского района Москвы, своими деяниями покрыл себя неувядающей славой. Могу побиться об заклад, о завуч души моей, что он был величайшим из мудрецов и поэтов своего времени...

Из углового дома, напоминавшего по форме печку в квартире Костыльковых, вышла немолодая женщина с проседью в гладко зачесанных волосах. Было сразу заметно, какая она серьезная и деловая, и как много у нее, должно быть, важных обязанностей и планов на этот день. В другой момент Волька ни за что бы не решился мешать своими вопросами такой занятой гражданке, но сейчас у него не было выбора, потому что Хоттабыч уже повернулся в ее сторону.

– Простите, пожалуйста, тетенька, – поспешно заговорил он, явно мешая деловой женщине, сосредоточенно изучавшей на ходу свою записную книжку, – не подскажете ли вы, как нам попасть в Старый город?

– А вы откуда, товарищи? – не отрываясь от записной книжки, поинтересовалась она.

– Мы... мы из кибуца! – поспешно соврал Волька, делая отчаянные знаки Хоттабычу, чтобы тот не вздумал вмешаться.

– Очень хорошо! Очень хорошо, товарищи, что вы приехали из кибуца в столицу государства и мечтаете своими глазами увидеть наше историческое наследие. А вот педагогам вашего кибуца я бы сделала строгий выговор за то, что они не объясняют новым репатриантам действительное положение вещей в Иерусалиме.

Женщина оторвалась от своей записной книжки и внимательно посмотрела на Вольку и на старика в канотье и пиджачной паре.

– Ну, конечно, я так и думала! Подросток из России и пенсионер из Ирака или Туниса, – она покачала головой. – Надо немедленно послать в этот кибуц инспектора Министерства просвещения. Это сущее безобразие! Что же они, считают, что в ульпанах достаточно преподавания языка... А старик тем временем ходит по Иерусалиму и пытается торговать старыми коврами. Хорошенькое же сионистское воспитание получит этот мальчик!

– Вы из какого кибуца, товарищи? – спросила она строго, но, видя, что мальчик совсем оробел, решила его приободрить и, мило улыбнувшись, обратилась к нему по-дружески: – Ты понимаешь русский язык?

Тут Волька совсем растерялся.

– Мы из этого... из кибуца Галуйот... Простите, тетенька! Бежим, Хоттабыч!

Деловая женщина проводила изумленным взглядом «новых репатриантов», улепетывающих по бульвару Маймонида в сторону проспекта Короля Георга Пятого. Длиннобородый старик, выходец из Магриба, Персии или Бухары, со свернутым в трубку и перекинутым через плечо ковром, скакал следом за юным пионером, словно ошалелый верблюд, наряженный в полотняную пиджачную пару. Пожав плечами, она внимательно осмотрела свои лакированные черные туфли и решительно зашагала в противоположном направлении, размышляя о том, что поднимет вопрос о политическом просвещении в среде новых репатриантов непосредственно на сегодняшнем заседании правительства.

– Хоттабыч, немедленно убери куда-нибудь этот ковер! – кричал на бегу задыхающийся Волька. – Люди могут подумать, что мы украли его в музее.

– Слушаю и повинуюсь, о предусмотрительнейший из отроков, – безропотно согласился джинн и щелчком пальцев отправил старинное транспортное средство в Саудовскую Аравию.

Сразу же за проспектом оказалось заросшее бурьяном и колючками мусульманское кладбище. Они без сил опустились на старую могилу, чтобы отдышаться и обдумать то странное положение, в котором они оказались. Наши путешественники даже и не подозревали, что они сидят на могиле, в которой покоятся останки великого человека, народного героя, достойного того, чтобы быть похороненным у Кремлевской стены. Волька совсем недавно прочел о нем в интереснейшей книжке Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине».

– Что-то тут происходит странное, – размышлял вслух пионер Костыльков Владимир. – Ничего не пойму, хоть ты и «вложил в мои уста и уши язык древних иудеев». Стоит заговорить с местными жителями о Старом городе или о храме, как они тут же смотрят на тебя словно на сумасшедшего. Мы, конечно, не верим в сказки про так называемого бога и осуждаем религиозные пережитки, но понимаем историческую и культурную ценность произведений старинной культовой архитектуры. В Москве, например, каждый дошкольник может объяснить туристу, как найти храм Василия Блаженного. Подозреваю, Хоттабыч, что тут все дело именно в этом «особом статусе». Эх, жаль, не успел я толком расспросить Исаака Израилевича!

Хоттабыч уныло смотрел в землю.

– Вот если бы можно было облететь город незаметно, так, чтобы не привлекать к себе внимания!

– Слушаю и повинуюсь, о Волька ибн Алеша! – старик прямо подскочил на месте от радости и пустился в пляс вокруг могилы великого насмешника. – Как мне, старому балде, самому не пришло в голову! Я знаю, что делать, о РОНО моего сердца! Если тебе кажется предосудительным летать над городом на ковре-самолете, Гассан Абдурахман ибн Хоттаб превратится в птицу и с высоты птичьего полета высмотрит все тайны, которые скрывает от нас столица Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими.

– А я, – торжественно заявил Волька, – тоже не буду сидеть сложа руки. Я залезу на крышу самого высокого дома и постараюсь оттуда рассмотреть окрестности. Скажи, Хоттабыч, ты мог бы достать мне полевой бинокль?

– Слушаю и повинуюсь!

В ту же секунду у Вольки в руках оказался увесистый цейсовский бинокль. Он с недоверием поднес его к глазам...

– Ух ты, настоящий! Молодчина, Хоттабыч!

Действительно, оптика была в полном порядке, «без дураков», как говорил Костыльков-старший, и никаких лишних бриллиантов и жемчугов.

– Еще бы не настоящий, о начдив моих очей! – похвастался старик. – Осмелюсь предположить, что в пограничных частях не пользуются игрушками из «Детского мира».

– Ты что же, украл его у советского пограничника?! – Волька даже похолодел от ужаса. – Ты с ума сошел, немедленно верни его обратно!

На далекой погранзаставе, в двадцати километрах к западу от Печенги, на самом севере Кольского полуострова, старший лейтенант Капкайкин даже не успел опустить руки, державшие бинокль

перед глазами, – и вот бинокль, только что неизвестно куда подевавшийся, снова оказался на законном месте, и отличник боевой и политической подготовки с облегчением увидел в пятидесятикратном увеличении, что подозрительный движущийся предмет на норвежской стороне границы – это всего-навсего россомаха.

– Увы, о Волька ибн Алеша! – оправдывался Хоттабыч. – Я еще не научился самостоятельно изготавливать оптические приборы.

– Но нельзя же совсем ни о чем не думать! – так и кипел Волька. – Лишить бойца на границе его бинокля! Ты хоть понимаешь, к чему это могло привести?! В конце концов, ну уж в самом крайнем случае, ты мог временно позаимствовать бинокль у какого-нибудь буржуазного обывателя.

– Слушаю и повинуюсь, о Волька!

В руках у пионера оказался на этот раз маленький театральный бинокль, отделанный перламутром, а в Парижской опере сонный рантье, клевавший носом в своей ложе, решил, что он ни за что не станет больше до третьего акта пить коньяк после шампанского.

Путешественники видели с кладбища два здания, заметно возвышавшихся над приземистыми иерусалимскими постройками. Справа от них тянулась вверх красивая башня, напоминавшая не то колокольню Ивана Великого, не то самаркандский минарет. Но Волька решил, что на эту башню будет невозможно подняться, и, указав Хоттабычу на другое здание, слева, похожее на знаменитый замок «Ласточкино гнездо» в Крыму, сказал, что будет ждать его там. После этого раздался хрустальный звон вырываемого волоска, старый джинн прошептал над ним свое «тух-тибидох», и с могильной плиты, тяжело хлопая крыльями, взлетела обыкновенная серая ворона, ничем не отличавшаяся от множества себе подобных, если не считать довольно длинной седой бороды, во время полета развевавшейся на ветру.

Волька проводил ворону взглядом и отправился в сторону иерусалимского высотного здания, которое, надо признаться, не достало бы и до колена любому из московских. По дороге он уже больше ни с кем не заговаривал, стараясь как можно меньше обращать на себя внимание. В каждом третьем доме, который он проходил, оказывался магазин с выставленными в витрине коврами, очень напоминавшими их собственный ковер-самолет: «Братья Эйни», «Шетихей Варди», «Шетихей Баразани», «Ноам Цион», «Свед и сыновья».

«Ласточкино гнездо» оказалось монастырем Нотр Дам де Франс, половину которого занимали католические монахи, а вторую половину – семьи иммигрантов из самых разных стран. Из комнат доносились звуки румынской, арабской, польской, еврейской, венгерской, персидской речи. Из боковой двери, прямо навстречу Вольке, прихрамывающей походкой вышел мужчина в гимнастерке. В левой руке он держал чайник, а правый пустой рукав был аккуратно заправлен под широкий армейский ремень с пятиконечной звездой на медной пряжке.

«Наш человек!» – с изумлением подумал Волька, от неожиданности едва не налетев на пышущий жаром чайник.

– Ой, простите, товарищ! – выпалил он по-русски.

– Осторожнее, паренек! – отозвался мужчина тоже по-русски и широко улыбнулся. – Что-то я тебя здесь еще не встречал. Ты чей такой будешь? Не Финкельштейнов ли племянничек?

– Нет, гражданин, – смущенно пробормотал Волька, – я не Финкельштейнов. Моя фамилия... моя фамилия... Костыльков. Я тут новенький.

– А, Костылькофф!.. Новенький – это хорошо! Шейрбу камохо[1]. Ну-ка, погоди, малец. Я сейчас бабушке Зельде чайничек закину, вот она тут живет, в двадцать девятом номере. Погоди меня секундочку – покурим, поболтаем по-мужски.

Волька хотел было убежать, как только одорукий зайдет в двадцать девятый номер, но тот так по-приятельски подмигнул ему, что пионер решился с ним поговорить по душам, хоть и чувствовал себя не совсем удобно из-за того, что ему приходится врать. Эх, ну и положеньице! Не рассказывать же взрослым людям про Хоттабычево волшебство.

– Мойше! – широко улыбаясь, вернувшийся в коридор мужчина протянул ему освободившуюся от горячего чайника левую руку. – А тебя как звать, рядовой Костылькопф?

– Владимир, – честно ответил Волька.

– Это, значит, по-нашему – Зеэв. Ну, пойдем, брат Зеэв, посидим на крыше, посмотрим на город, подышим свежим воздухом. Я сам-то в Отечественную партизаном был в Полесье... четыре года по землянкам. Сюда добрался – и снова... эх, что там говорить! Так что я, с тех пор как прекращение огня началось, каждый день на эту крышу поднимаюсь, чтобы, понимаешь, не снизу, а сверху на жизнь смотреть. И других приучил. Мы тут навес брезентовый приладили, чтобы солнышко не пекло, получилась дополнительная жилплощадь.

И действительно, на плоской крыше монастыря, между двумя круглыми башенками-турами и статуей нянечки с ребенком, в это время было много людей. Здесь играли дети, развешивали стирку, штопали чулки и готовили на примусах хозяйки, пенсионеры читали газеты и играли в шахматы и домино. Отсюда открывался потрясающий вид на Иерусалим. И Волька сразу же разглядел впереди, за оврагом, старинную каменную стену с башенками, но не красного кирпича, как Кремлевская, а светлого местного камня. За этой стеной, ясное дело, и находился Старый город с храмом царя Соломона. Но еще ближе располагалась другая, совсем не красивая, даже очень уродливая стена – длинная, тянущаяся поперек всего Иерусалима. Она состояла из бетонных заграждений, завалов и обломков разрушенных зданий, железных «рогатов», колючей проволоки.

– Так-то вот, братишка, – сказал Мойше. – Впервые, что ль, эту рану наблюдаешь? Ну, смотри, смотри, запоминай. Даст Б-г, и она зарубцуется.

Он вытащил из кармана брюк старенький портсигар с колхозницей в косынке на крышке, ловко достал из него сигаретку и, прикурив от сделанной из гильзы зажигалки, стал объяснять Вольке, что к чему, сигаретой указывая на повороты разделявшей город линии прекращения огня:

– Вот отсюда, от бывшего дворца британского наместника в Восточном Тальпите, она идет через Абу-Тор к Сионским воротам, видишь? А оттуда к Бейт-Танус, сюда к монастырю и дальше через пустырь Мандельбаума к дому Туржемана у Французского холма. Вот такие, брат, пироги.

Северное крыло монастыря и все соседние здания представляли собой груду обломков, из которой, словно мятые жестяные ведра на стройплощадке, торчали ржавые башни двух пустых танков.

– Иорданские, – объяснил Мойше. – Вот здесь-то они и завязли, после того как от их снарядов рухнула монастырская стена. И дальше уже мы им сунуться не позволили. Так шесть лет и стоят, ржавеют.

– Значит, в Старый город никак не попасть? – наконец понял Волька.

– Никак не попасть, Зеэвчик. Если ты, конечно, не птица.

Птицы кружили над монастырем и время от времени опускались на крышу. Были среди них и вороны, но та бородатая ворона, которую ждал Волька, прилетела только под вечер, когда лучи спускающегося на западе солнца позолотили стену Старого города.

– Ух, какая красота! Правда, Хоттабыч? – сказал Волька, когда ворона приняла привычный вид престарелого гражданина в полотняной пиджачной паре и шляпе-канотье. – Только грустно-то как...

– Грустно, грустно, о Волька ибн Алеша! – скорбно согласился старый джинн. – Я облетел весь город, побывал и на западной, и на восточной его половинах. И вот что я узнал, о халуц души моей...

И Хоттабыч с горечью поведал Вольке о том, что тот и раньше уже понял из разговора с бывшим партизаном Мойше. Поиски следов дорогого братца тоже не принесли старику никакого успеха.

– Сначала я решил, что мне невероятно повезло, – рассказывал он. – Едва очутившись в тени городских стен, я обнаружил, что имя Омара ибн Хоттаба носит площадь у священных ворот Баб Эль-Халиль. Там же аравийские бульбули сообщили мне, что нет больше храма Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими! Нет! Снесли, словно Хитров рынок. А на его месте высится мечеть, называемая мечетью Омара. Но, увы, о Волька, они тут же объяснили мне, что все это не имеет никакого отношения к моему бесценному брату. Какие-то никчемные шейхи, тьфу! – Хоттабыч в сердцах плюнул. – О, город могил и призраков! Потом я посетил многие районы по обе стороны разделительной линии, и то, что я увидел, не принесло отрады моей истерзанной душе.

– Хоттабыч, миленький, а ты мог бы сделать так, чтобы... чтобы, одним словом, объединить этот город и чтобы все при этом остались довольны? Ну, и ООН, и арабские, и еврейские трудящиеся?

– О благороднейший из отроков, твое золотое сердце диктует тебе эти слова! Но знай, что даже волшебство всех джиннов Магриба вместе взятых ничего не может изменить в проклятом международном положении на Ближнем Востоке! О, горе мне, Гассану Абдурахману! Сперва я думал, что нет ничего проще, что достаточно одного заклинания – и жители благословенного города больше не будут знать разделения и вражды. О, сколько волос вырвал я из своей бороды и сколько раз произнес «Тух-тибидох-тибидох!» Но все мои старания ни к чему не привели. Все было напрасно! Напрасно! Напрасно!

Волька с тревогой заметил, что старик не на шутку взбудоражен и ведет себя довольно странно. Глаза его горели, руки тряслись, в голосе появилась неприятная хрипота. Казалось, что у Хоттабыча сильно повысилась температура.

– Но теперь, о Волька ибн Алеша, я знаю, что делать. Если Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими, заклил это место и не желает, чтобы две половинки города соединились, я наделю каждую из его частей теми «учреждениями», которых в ней не хватает. Разве это справедливо, что в восточной части, где проживают пришельцы из Аравии, нет достославной конторы, именуемой «А-сохнуф А-яудифь», в которой сострадательные и ответственные чиновники принимают сотни и тысячи нуждающихся в помощи пришельцев из дальних стран; нет благословенных земельных «Кераноф», ведающих возделыванием бесплодной пустыни и прочей угодной Аллаху работой; нет достойного восхищения стадиона «А-Поэль» для созерцания столь дорогих сердцу каждого гражданина футбольных матчей, нет милосердной больничной кассы «Келялифь», в стенах которой немощные и недужные получают помощь от квалифицированных врачей; нет несущей этим засушливым местам влагу и гигиену водной компании «Мекороф»; и собрания мудрых и прозорливых законодателей, именуемого «Кенесеф Исраэль», и массы других, столь же прогрессивных отделов и ведомств?

На глазах старого джинна от сострадания плачевной доле лишенных социального прогресса приверженцев ислама выступили горячие слезы.

– Что же до иудейских кварталов, то скажу тебе, о светоч среднего общего образования, им не хватает величия и роскоши, которые пристали ближневосточной столице. Скажи мне, о Волька ибн Алеша, разве Шикун Овдим может сравниться с Багдадом времен Гаруна аль-Рашида?

Теперь его глаза горели в лучах заходящего солнца каким-то шальным пламенем.

– Хоттабыч, что ты задумал? – все больше пугаясь, спросил Волька.

Старый джинн уже тянулся к своей волшебной бороде.

– Я задумал? Что я задумал?! О да, прораб очей моих, я задумал кое-что и немедленно, за считанные секунды, приведу сей пятилетний план в исполнение! Да вырастет на этом пустынном месте мечеть имени Гассана Абдурахмана ибн Хоттаба, прекраснейшее из всех чудес мира, превосходящее своим наружным великолепием ВДНХ, а внутренним убранством – саму станцию метро «Новослободская»!

И тут же на месте старого кладбища, где раньше Волька с Хоттабычем отдыхали среди исторических могил, выросло грандиозное и весьма аляповатое сооружение, увенчанное огромным хрустальным куполом и двумя невероятно длинными минаретами, облицованными пестрыми кафельными изразцами. Оно заняло так много места, что его фасад, украшенный алебастровой резьбой, вылез на проспект Георга Пятого, перегородив проезжую часть.

– Ага! А-а-ха-ха! – в восторге закричал Хоттабыч, потрясая в воздухе кулаками. – Старый джинн Гассан Абдурахман ибн Хоттаб еще кое на что способен! Да воссияет заря новой жизни в этом городе мертвых! А теперь я повелеваю, чтобы на месте старого кладбища за Львиными воротами выросло многоэтажное здание справедливейшего объединения всех трудящихся под названием «Хистадеруфь» и чтобы фасад его был украшен золотым панно, изображающим высадку нелегальных иудейских иммигрантов на берег Земли обетованной!

Внизу уже начинался переполох. Застрывшие на проспекте Георга Пятого машины отчаянно гудели, звак становилось все больше, появилась полиция. На крыше ситуация тоже стала накаляться. Видя восторженную реакцию старика на происходящее, находившиеся там граждане подступились к нему, подозрительно спрашивая, неужели он одобряет появление мечети в самом центре еврейской столицы.

– Да, о почтеннейшие! Одобряю и приветствую. Более того, это я сам и никто иной совершил столь прекрасные и в высшей степени полезные преобразования.

– Не обращайтесь на него внимания, товарищи! – пытался спасти положение Волька. – У моего прадедушки просто приступ застарелой малярии, которой он заразился, осушая болота.

– Хоттабыч, немедленно вызывай ковер-самолет! Мы улетаем. И прекрати вести себя, как сумасшедший!

Ковер был тут же вызван, но ни на что большее старый джинн оказался совершенно не способен. Волька стоял на ковре обеими ногами, старик, как безумный, скакал по нему, но их самолет и не думал двигаться с места.

– Альте захен! Шатиах, шатиах![2] – совершенно обезумев, выкрикивал Хоттабыч, отчаянно размахивая руками, вместо того чтобы предпринять что-нибудь для их общего спасения. – Аватиах! Керох! О Волька, Альбарак моих очей! Я забыл все свои заклинания! О, горе мне, старому, выжившему из ума джинну, меня начинает одолевает проклятый иерусалимский синдром! Наверное, я заразился им от воробьев у Западной стены. На колени, презренные грешники! Я пришел судить вас на горе Г-сподней! Чому[3] вы не кричите «осанна» своему реденторе[4], нераскайнные синнерс[5] и заблудшие кивсоф?![6] Же сюи[7] ваше спасение, уску я хара![8] Мне некуме унд ихь[9] воздам!

В том лихорадочном состоянии, в которое он впал, старый джинн умудрялся выкрикивать свои глупости сразу на всех известных ему языках. Никогда еще, с тех пор как старик объелся мороженого в цирке, он не вел себя так вызывающе. Шляпа-канотье свалилась с его лысой головы, длинная седая борода развевалась на ветру.

– Немедленно заткнись, старый балда! – теряя остатки самообладания, завопил Волька и что есть силы вцепился в эту бороду.

С отчаяния он начал рвать на мелкие кусочки оказавшийся у него в руках клочок седых волос, в неистовстве бормоча: «Тух-тибидох-тибидох!» Как ни удивительно, это подействовало, хоть и не очень сильно. Ковер, кренясь на сторону, приподнялся над крышей монастыря и стал медленно планировать над городом, неуклонно снижаясь. Вскоре он опустился на пустыре, с одной стороны переходившем в пыльный район приземистых жилых домов, а с другой заканчивавшемся большой жестяной вывеской «Ворота Мандельбаума. Погранично-пропускной пункт».

Хоттабыч не унимался. Из последних сил он продолжал выкрикивать свои вызывающие политически неграмотные лозунги...

С востока, от Дамасских ворот Старого города, на Вольку с Хоттабычем надвигалась разъяренная толпа мусульман. И уже полетели в ошарашенных путешественников первые камни. С запада, из кварталов Бейт-Исраэль и Меа Шеарим катилось бурное море черных шляп.

– Хоттабыч, миленький, сделай скорее что-нибудь! – взмолился Волька, чувствующий, что еще полминуты – и он уже никогда не сможет рассказать о своих удивительных приключениях на Ближнем Востоке ни Женьке Богораду, ни другим своим школьным товарищам. – Если нас не подобьют камнями, то вот-вот подстрелит какой-нибудь снайпер, и уж не бывать нам сегодня на стадионе «Динамо», а там у «Зубила» и «Шайбы» переигровка в семь. Э-эх!

Упоминание футбола произвело на старого джинна неожиданно сильное впечатление. Над контрольно-пропускным пунктом прогрохотало такое раскатистое «тух-тибидох-тибидох», какого, верно, давно уже не слышали старожилы Ближнего Востока, и не успел Волька и глазом моргнуть, как потертый ковер, на котором они стояли, растаял в воздухе, а на его месте очутились, откуда ни возьмись, два превосходных, упругих сафьяновых мяча. Они призывно подпрыгивали, словно приглашая путешественников забыть о проблемах международной напряженности и немного поиграть в их любимую игру.

– Садись верхом на мяч, о центр нападения очей моих! – крикнул Хоттабыч, сам седлая кожаного скакуна. – Быстрее ветра мы полетим с тобой в Москву, на благословенный стадион «Динамо», да будет полет твоего мяча нацелен точно в «девятку»!

И вот, на глазах у изумленных жителей разделенного надвое города, два мяча сами собой взвились в воздух, быстро унося в северном направлении длиннородого старика в старомодной шляпеканотье и мальчика со стрижкой полубокс. Нужно заметить, что, хотя оба мяча развили прямо-таки невероятную скорость, тот из них, на котором восседал Хоттабыч, все время находился впереди – даже своему обожаемому другу и повелителю старый джинн готов был уступить в чем угодно, но только не в футболе.

[1] Шейрбу камохо (ивр., ашкеназийское произношение) – «Да умножатся подобные тебе».

[2] Альте захен! Шатиах, шатиах! Аватиах! Керох! – крики иерусалимских разносчиков: «Старье!», «Ковер!», «Арбуз!», «Лед!»

[3] Чому – почему (укр.).

[4] Реденторе – спаситель (ит.).

[5] Синнерс – грешники (англ.).

[6] Кивсоф – овцы (ивр., ашкеназийское произношение).

[7] Я (есть) (фр.).

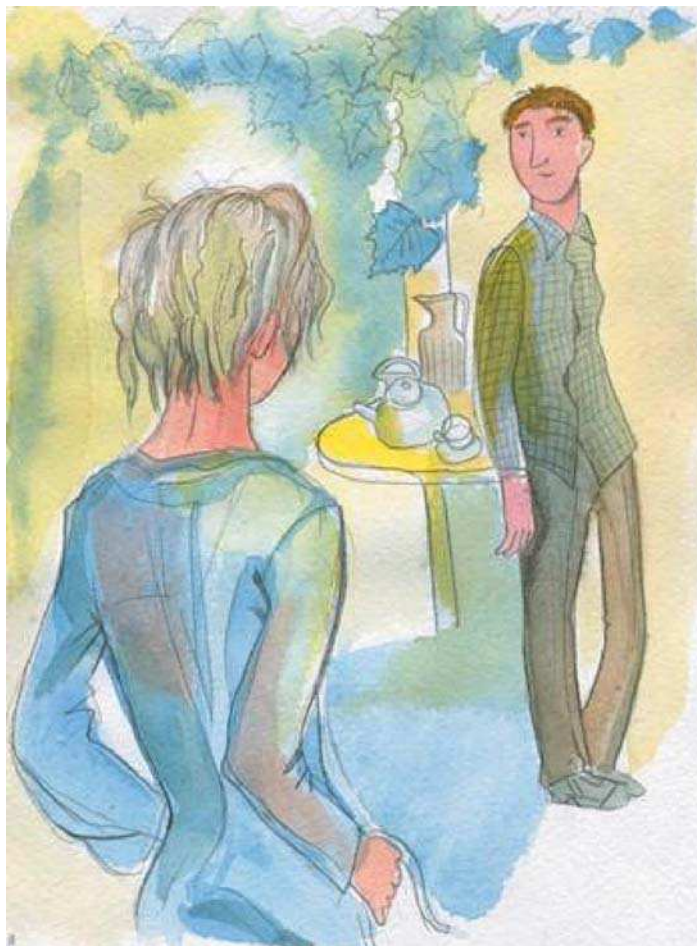
[8] Уску я хара! – арабское ругательство.

[9] Мне некуме унд ихь – «Мне возмездие и аз...» (смесь русск., ивр. и нем.).

СВОБОДА

Юлия Винер

Гили был славный и добрый парень с чистым лицом, с широкими плечами и узкими бедрами. Он легко и непринужденно двигался в собственном теле, и людям приятно было на него смотреть. Делать он в жизни ничего особенного не хотел и больше всего ценил свою свободу.

В армии он как будто страдал не слишком, временами даже нравилось. Молодые мускулы охотно принимали на себя тяжелые физические нагрузки, а душевная бодрость питалась чувством тесного армейского товарищества, которое общительному Гили давалось легко. К неизбежному страху гибели он тоже успел притерпеться, потому что никак в эту гибель для себя не верил, хотя с другими случалось то и дело. Впрочем, настоящей войны в тот краткий период у нас не было, лишь отдельные боевые действия, которые продолжались, разумеется, все время.

И, только закончив армейскую службу, он понял, что все-таки страдал, так широко и привольно стало ему дышаться «на свободе». Он прямо купался в этой свободе, ел любимые блюда, приготовленные матерью, по часу плескался в душе, ночами шатался с приятелями по барам, а после спал сколько хотел. Устроился на работу, потом перешел на другую, завязывал и быстро рвал легкие, необязательные связи и не переставал радоваться, что никому и ничему не должен больше подчиняться, никто, кроме матери, не имеет над ним власти, власть же матери была уже слабая и тоже необязательная.

Как же получилось, что он подчинился этой женщине? Начал он все это без особого пыла, просто из любопытства. Впрочем, и любопытство пришло позже, сначала она ему обыкновенно понравилась, хотя в ней сразу чувствовалось что-то, он не мог понять – что, но доискиваться не стал, молодая и красивая, и одета как надо, и забавная, почему бы и нет. Ему и в голову не пришло, с кем он имеет дело, когда он впервые явился в эту контору по вызову: устанавливать для их компьютеров систему аварийного питания. Так, думал, практикантка-проверщица, их там было три или четыре, и эту, видно,

приставили к нему, показать, где и что. А она явно на него запала, грудку острую выпячивала, виляла у него под носом обтянутым задом, когда он наклонился к стоявшим внизу компьютерам. Почему бы и нет?

Она потом над ним даже посмеивалась немного, что он не просек, кто она есть, но посмеивалась осторожно, совсем немного, сказала, что, наоборот, ей это очень льстит. А ему и без того было сильно не по себе, что он таким идиотом выставился, хотелось даже прекратить. Он бы и прекратил, не так уж она ему сильно нравилась, но было любопытно.

Эта связь, помимо обычных в таких ситуациях радостей, доставляла ему множество удовольствий, знакомых до сих пор только из кино. Ездить с нею в ее машине на лоснящихся кожаных подушках, с таким ощущением, будто скользишь беззвучно по мягкому маслу. Набираться с нею энергии в ее построенной по специальному заказу ванне-джакузи, где под мощными струями воды – не для нее слабенькие стандартные прыскалки! – все тело начинало гореть и звенеть, а потом нежиться в душистом прохладном бассейне во внутреннем дворике ее виллы. В ресторанах, куда она его водила, ему даже соваться было бы смешно со своими грошами, но неловкости никакой не получалось, она сама тоже не платила, у нее и денег-то с собой почти не бывало, все счета присылали ей прямо в бухгалтерию. Впрочем, в рестораны они ходили редко, она всегда говорила, что она женщина домашняя и предпочитает есть свою простую домашнюю еду, приготовленную собственным поваром. По крайней мере, знаешь, что ешь, говорила она. И еда у нее была действительно простая, никаких модных гурманских заморочек, она верила в простую здоровую пищу и сказала, что ей отчасти обязана тем, как выглядит сегодня. Да, выглядишь классно, согласился он, потому что видел, что она этого ждет, но и просто потому, что выглядела она действительно классно. Вот и ты возьми себе такую привычку, сказала она, есть немного и только простую, здоровую, органически выращенную пищу, и к моим годам добьешься таких же результатов.

– Неужели я так плохо выгляжу сегодня? – засмеялся он.

– Так то сегодня, – сказала она и села к нему на колени. – А посмотри, какое безобразие будет лет через двадцать вот тут... – Она поцеловала его в гладкий лоб, откинув густой завиток. – И вот тут, и вот тут... – Она поцеловала у него под одним глазом, под другим, обвела языком твердую челюсть, а под конец слегка дернула за волосы на макушке: – И вот тут!

– Ну и пусть. – Он перехватил ее руку и гладил себя ее рукой по груди. – Да еще через двадцать лет. Кому охота об этом думать.

– А вот мне охота. Поэтому у меня ни тут, ни тут, ни вот тут, – она потрогала его рукой свои бока, потом талию, – нет всего того, что появляется с годами у других баб, и нескоро будет!

– Такая ты особенная?

– Такая я особенная.

Что она особенная, он понял быстро, но в чем это заключается, кроме деловых талантов, долго не мог раскусить. Скорее всего, в том, что денег очень много. Гили в своей молодой жизни не встречал таких богатых людей, но знал, что большие деньги делают человека особенным. И сколько она ему намеков давала – ничто не помогло! Когда ее, значительно позже, увидела мать Гили, она распознала мгновенно, но к этому времени он уже и сам знал.

Знал, потому что она вынуждена была сказать ему прямо.

– Гили, – сказала она ему однажды утром, – ты же знаешь, я не люблю, чтоб ты на меня утром смотрел.

– Глупости какие, – беззаботно ответил он, – ты и утром вполне.

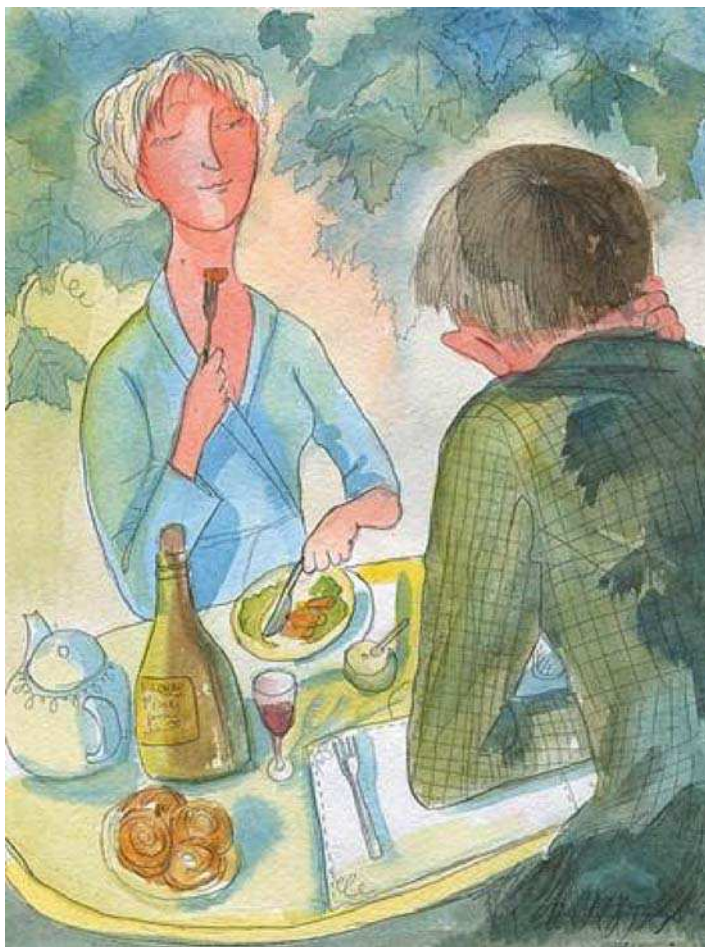
Она в самом деле была вполне, ибо ничто так не красит женщину, как любовь спросонья.

– Не глупости. Усвой! На женщину в моем возрасте, не умытую, не причесанную и не подкрашенную, утром смотреть нельзя.

– Трахать можно, а смотреть нельзя?

– Именно так.

Гили знал, что она гораздо старше его. Тридцать наверняка, а скорее и за, иначе когда бы она успела поставить свое чудовищно прибыльное дело. Однако компании, основанные на высоких технологиях, в те времена возникали и богатели с головокружительной скоростью, год-другой, и, глядишь, уже эту компанию, основанную только-только сбросившим пеленки подростком, перекупает какой-нибудь гигант. Она свою новинку выдумала, наверно едва закончив школу, и тоже вскоре запродалась заморскому концерну за большие миллионы и теперь управляла здешним филиалом. Короче, точно за тридцать, но эти семь-восемь или даже десять лет разницы Гили ничуть не смущали, наоборот, приятно и полезно иметь дело с опытной женщиной, она многому его научила, особенно в постели. Пригодится на будущее.

А пока утвердить свои позиции.

– Ты мне свой возраст в нос не тыкай, – решительно заявил он. – Часто будешь повторять, я и впрямь поверю, что ты для меня стара.

– Нет, этого я не говорю, – спокойно ответила она. – Для меня таких понятий не существует. Но хочу, чтобы ты знал. Твоей матери сколько лет?

Гили даже присвистнул:

– Сейчас ты скажешь, что в матери мне годишься, а? Не надейся! Моя мать уже подстарок.

– Сколько?

– Ну, сорок восемь.

– А мне сорок девять.

– Чего?

– Сорок девять.

– Чего-чего?!

– Что слышишь.

– Да ладно тебе, – Гили засмеялся, – скажи уж сразу, пятьдесят!

– Через полгода.

Он пожал плечами:

– Если тебе так нравится.

– Да, мне мой возраст нравится. Забыл, что у меня дочь в Швейцарии, представляет там нашу фирму?

Верно, была дочь от давно оставленного мужа, но Гили смутно виделась маленькая девочка, рано рожденная ненароком и тут же отправленная вместе с отцом в Швейцарию, чтоб не мешала. Фирму представляет?!

Гили все еще по инерции посмеивался над тем, как она настойчиво прибавляла себе лет, напрашиваясь на комплименты, – кажется, он и без того не жалел ей? – но ему почему-то стало неловко лежать голым перед этой мало, в сущности, знакомой женщиной. Он потянул на себя простыню и вдруг увидел эту женщину совсем иными глазами. Нет, она была по-прежнему свежа и стройна, даже растрепанные волосы и належанная во сне красная вмятина на щеке ее не портили, щека была все та же, плотная и четкая, волосы густые и упругие. Но... то самое «что-то», что он чувствовал в ней с самого начала и не мог распознать, вдруг молниеносно проступило во всем ее облике – но в чем? в чем? Этого Гили не видел, да и не стал разглядывать, а просто в то же мгновение ясно осознал и сразу поверил, что четверть часа назад он ласкал и любил старую женщину.

Обычно после утренней любви Гили бывал зверски голоден, на затененной виноградом террасе был уже накрыт завтрак, но есть ему совершенно расхотелось. А захотелось встать, быстро одеться, пока она в душе, и уйти, не прощаясь. Но поступить так означало признаться в своем шоковом состоянии, в своей наивности, в своей неопытности. А Гили был слишком молод для того, чтобы признаваться в неопытности. Кроме того, он был добрый парень, и зачем обижать эту пожилую, но совсем неплохую женщину, которая доставила ему столько приятных минут.

Нет, встать, одеться, дождаться ее и позавтракать вместе, а затем поцеловать в щеку, сказать какие-нибудь хорошие слова и тогда уж уйти. Уйти совсем.

Она вернулась из душа быстро, она все делала быстро, только любовь, говорила она, надо делать медленно, и вернулась такая розовая, такая хорошенькая, что Гили опять взяло сомнение.

– Ну что, Гильяд, – сказала она с усмешкой, она часто называла его полным именем, такое красивое имя, говорила она, – ты все еще в шоке?

Нет. Для розыгрыша все это зашло слишком далеко. В ее голосе, низком, чуть глуховатом, всегда казавшемся ему таким сексуальным, слышались ему теперь наставительные пожилые интонации.

– Ты как же, – пробормотал он, – ты как этого добила? Пластические операции, подтяжки, все эти штуки?

Она со смехом откинула назад волосы, завернула вверх одно ухо, подставила ему нетронутую поверхность шеи:

– Да ты куда смотрел все это время? Ты хоть один шрам на мне видел? На, смотри, смотри!

Распахнула купальный халат, приподняла руками небольшие острые груди, ткнула ему прямо в лицо, потом выпятила гладкий круглый живот с неглубоким пупком, потом повернулась спиной, подтянула вверх пухлые с ямочками ягодицы – нет, шрамов нигде не было.

– Я даже нос не переделывала! Ничего не хочу в себе менять! Люби какая есть!

Нос у нее действительно был не лучшая черта – длинноват и слегка клонился книзу, но и он не портил ее, внимание сразу отвлекалось на рот, мягкий, влажный, с приподнятыми уголками. А любить ее...

– Но тогда как же? Скажешь, от одной здоровой пищи?

– Ну, это, положим! Тут три фактора сошлись: гены, темперамент и система Нины Лилиенблюм. Ну и везение, конечно.

– Нины Лилиенблюм...

Она часто мелькала в телевизоре, эта стройная ухоженная женщина с вытравленными почти до белизны волосами, и чем-то она была знаменита, тоже богатая и даже в политику пыталась пролезть, но Гили сразу переключался на другой канал, ему это было совсем неинтересно, а уж возрастом ее он и давно не интересовался.

– Да, только она женщина марокканская, вынуждена краситься, а мне повезло, мою какую-нибудь прапрабабушку насиловал, видно, белокурый польский магнат, видишь, что мне в наследство досталось!

Она самодовольно тряхнула пепельными волосами и потянула его к столу:

– Есть, есть! Голодная – волка съем! Или тебя!

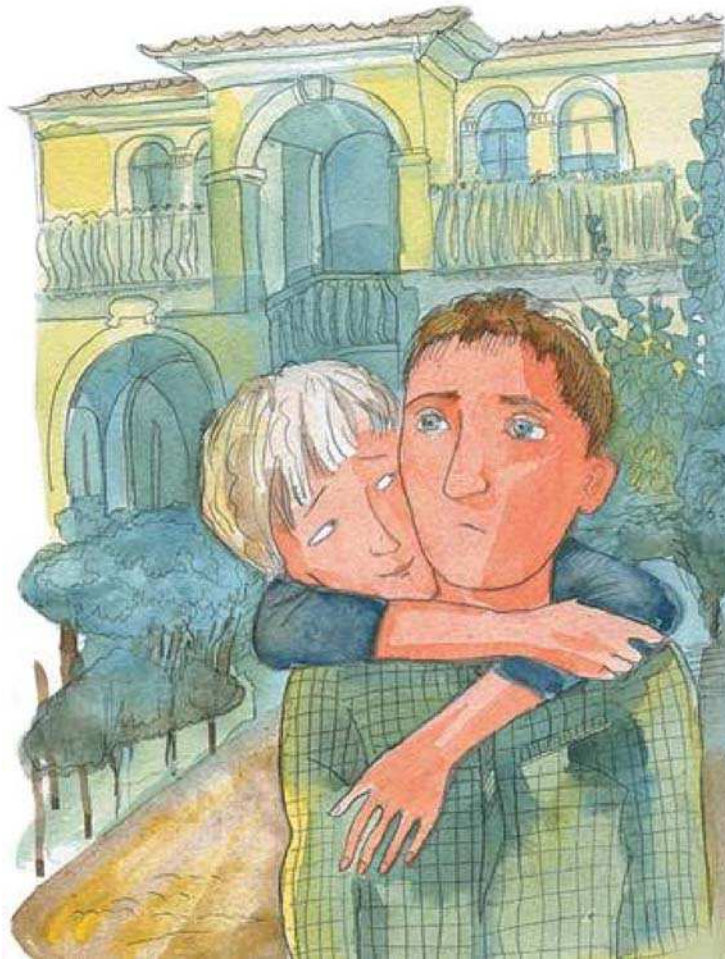
За столом Гили ел мало и больше молчал, обдумывая, что он ей скажет на прощание, чтоб было по-дружески и не обидно. А она ела со вкусом, клала в рот маленькие кусочки, тщательно их пережевывала и ничего как будто не замечала.

– Это хорошо, – сказала она, – что ты сегодня серьезный, потому что у меня к тебе серьезный разговор. Даже два.

– Даже три, – кисло усмехнулся Гили, – один ты уже провела.

– Ты все про это? Да брось, что тут серьезного, подумаешь, недоразглядел немножко. Это ничего, не огорчайся, мне только приятно.

Ей приятно! Да ты спроси, приятно ли мне!

– Нет, теперь серьезно. Я хочу, чтобы ты перешел работать ко мне. Хватит тебе таскаться по вызовам. А мы тебя и учиться пошлем, и зарплата у нас...

Гили знал, какая у них зарплата. Ему, толковому, но невыдающемуся компьютерному самоучке, нечего было и мечтать попасть на такую зарплату. У них там всё такие лбы сидят! Впрочем, если подучиться как следует... Если б только это было в другом каком-нибудь месте... не у нее, не с ней...

Нет, никак нельзя. Чтоб не обижать, скажу, что надоели компьютеры, решил он, хочу приобрести другую профессию. И уходить, уходить.

Гили очень ценил свою свободу, а здесь задерживаться и вообще было ни к чему, давно пора.

– И второе, – продолжала она. – Всегда у нас так, что ты ко мне приходишь. А мне бы хотелось, для разнообразия, чтобы и я к тебе... Да ты слушаешь?

– А? – Гили слегка отключился и рассматривал ее руки. Приятели говорили, что по рукам сразу виден возраст женщины, но у нее руки были белые и гладкие, и ногти не загибались книзу, как у некоторых пожилых. – Да, я слышу.

– Неужели самому не надоело при мамочке жить?

– Дешево, – ухмыльнулся Гили. – Удобно. Она у меня ничего, не занудливая.

– А если девушка?

Хотелось ему сказать, и девушек к себе вожу, только старушек не вожу, но он удержался.

– А что девушка? Либо к себе позовет, либо ко мне придет, я человек взрослый, все нормально.

– Взрослый... Нет, ничего тут нормального нет. У нормального взрослого человека свое жилье, своя жизнь, а не при маме кормиться и пробираться в свою комнату на цыпочках.

Гили стало обидно. Живет, как принцесса, во дворце с обслугой и еще осуждает, что не все так.

– Всё в свое время. А на цыпочках никто не ходит. И кстати, о времени. Мне пора на работу.

С обидой уходить было легче. Он встал, наклонился над ней и, как и планировал, быстро поцеловал ее в щеку. Она подставила было губы, но он уже выпрямился.

– Я вот что... – начал он, делая шаг к выходу. – Я что хочу сказать...

– Да не дури ты, – перебила она. – Какая работа? Забудь, – она тоже встала и смотрела на него с хитрой улыбкой. – Мы же решили...

Гили, не слушая, бубнил заготовленное:

– Я... это... мне с тобой было вполне... и я очень... ты классная женщина, и вообще... а теперь...

– А теперь будет еще лучше! – весело подхватила она. – Вот поедем сейчас поглядим, какую я тебе квартиру присмотрела! Понравится – сегодня же сможешь и подписать.

– Какую еще квартиру?

– Небольшую, но довольно близко. Можно даже пешком прогуляться.

Гили остановился у выхода, досадливо морщась. Ведь почти ушел уже и почти сказал, что надо, зачем она усложняет? Не понимает, что ли?

– Нету у меня денег квартиру нанимать, – угрюмо сказал он. – Да и не нужно мне.

– Не нужно? – засмеялась она. – Быть взрослым, самостоятельным мужчиной с хорошей работой, с любящей подругой и со своим жильем – тебе не нужно?

– Нет, не нужно, – упрямо сказал Гили. – Никакой квартиры я нанимать не собираюсь.

Не дала она ему толком сказать свои хорошие слова – сама виновата. Гили быстро сбежал с террасы и пошел к воротам, бросив на ходу:

– Ну, и это... в общем, пока. Всего тебе...

Она мгновенно догнала его, повисла на плечах, прижалась грудью к спине, зашептала ему в затылок:

– Не сердись... Чего ты? Ну, дура я, сказала что-то не то, не все же мне умной быть... не сердись, не стоит.

Гили хотелось стряхнуть ее с себя, не оборачиваясь и не останавливаясь. Но он остановился, отцепил от плеч ее руки, обернулся.

– Я не сержусь. Просто мне пора.

– Нет, сперва на квартиру, это быстро! А то задаток пропадет!

– Твой задаток, ты и разбирайся. Сказал же, не буду снимать никакой квартиры.

– Нет, это твой задаток. И ты эту квартиру не снимаешь, а покупаешь.

Как ни корежила Гили вся эта ситуация, но тут его разобрал смех.

– Вот сейчас! Бегу договор подписывать! – Он побренчал мелочью в кармане. – Ровно на автобус и на фалафель с колбой! Правда, послезавтра получка, – добавил он с ухмылкой. – Ладно, я пошел.

В конце концов все же никуда он не ушел.

Квартира была чудесная и не такая уж «квартирка», как она говорила, а две большие комнаты с просторной кухней и с балконом. Правда, дом был старый и запущенный, но в самом центре подле рынка, в новых домах не бывает таких высоких потолков, таких больших окон и таких красивых полов, выложенных узорной плиткой ручной работы. Подремонтировать ее – цены ей не будет. А цену просили как раз умеренную, ибо из-за недавнего теракта, совершенного арабским самоубийцей у самого подъезда этого дома, квартиры в нем сразу резко подешевели. И она, водя его по квартире, отчетливо и убедительно объясняла, как он сможет ее купить.

Это правда, задаток она заплатила из своих, но он отдаст ей очень просто. Как только начнет работать в ее фирме, сразу вступит в фонд взаимопомощи («он у нас богатый»), возьмет всю нужную сумму и отдаст. Будут понемножку вычитать из его зарплаты, он и не почувствует. А остальное – возьмет гибкую банковскую ссуду, с ростом выплат по мере роста его зарплаты. Она готова поручиться за него в банке.

А Гили слушал и не слушал. Купить эту квартиру он, разумеется, не мог. О том, чтобы идти на полжизни в кабалу к банку, не могло быть и речи. Фонд взаимопомощи... Рост зарплаты... Нет, нельзя, нельзя. Уходить поскорее.

Но...

Ходя за ней по этому просторному пустому помещению, он вдруг почувствовал, какая ограниченная, какая убогая была до сих пор его свобода, та самая свобода, которой он еще недавно так радовался. Свобода? В тесной квартире вместе с матерью и ее недавно появившимся приятелем, которого она боялась потерять? Нет, на цыпочках Гили в свою комнату не пробирался и водить к себе мог кого хотел. Приятель матери еще не совсем утвердился и только неодобрительно молчал. Но в глазах матери Гили ловил иногда умоляющее выражение, которое он, впрочем, разгадать не пытался и не обращал особого внимания. Теперь же он с обидой подумал, что мать – его мать, для которой, как он верил снисходительно, сын был центром всей жизни, – тоже хотела бы, кажется, чтобы он ушел из дому! Но обида направлена была не на мать, а на эту вот пожилую женщину, так беззаботно помахивавшую у него перед носом недостижимой настоящей свободой.

Она сказала осторожно:

– А можно и еще проще. Возьмешь у меня в долг, будешь отдавать постепенно. Я не банк, процентов не беру и за неуплату не штрафую...

Увидев, как дернулось при этих словах лицо Гили, она поспешно прибавила:

– Как захочешь, так и сделаешь...

– Никак не захочу и никак не буду делать, – мрачно ответил Гили.

– Мой упрямый мальчик, – нежно сказала она.

Дома Гили сказал матери, что поступает на другую, лучшую работу и думает уйти из дома. Ее реакция только подтвердила его смутную догадку. Он еще втайне надеялся, что она огорчится, может быть, станет отговаривать, а она – всполошилась, правда, всплакнула даже, но ни слова не возразила, спросила только, как же он справится с расходом на наемную квартиру.

– А я не снимаю, а покупаю! – с вызовом сказал Гили. – Буду жить, как нормальный взрослый человек.

– Но, сыночек, откуда...

– В долг возьму, вот откуда. Ко мне там начальница очень расположилась, дает без процентов, из фонда взаимопомощи.

И хотя мать понимала конечно же, что нет на свете таких фондов, которые дали бы ее сыну беспроцентную ссуду на покупку квартиры, но и тут не стала возражать, а сказала только:

– Начальница расположилась? Смотри, Гили, запутаешься. Как расплачиваться будешь?

Но Гили не боялся запутаться, ему было чем расплачиваться.

Гили жил в своей новой квартире, ремонтировал ее потихоньку, много работал – на новом месте с прохладцей, как раньше, работать не приходилось, – а по вечерам прилежно учился. Он стал настоящим специалистом, и зарплата его, как и было обещано, начала повышаться. И он постепенно расплачивался с долгом – и деньгами, и другими средствами. Сперва другие средства далеко перевешивали денежные выплаты, но с годами это изменилось. Женщина старела, интерес ее все больше сосредотачивался на уходе за своим телом и лицом, ей стало казаться важнее сохранить их, чем использовать. У Гили же стало больше денег, и он торопился их отдавать. И свобода у него кое-какая была – главным образом, во время ежегодного месяца резервистской армейской службы. Он эту службу теперь очень полюбил и иногда ходил даже два раза в год.

А потом его сманили на другую, еще лучшую работу, и вскоре после этого он женился. Теперь с «начальницей» его ничто не связывало, кроме клочка бумаги, на котором он когда-то написал, сколько должен, подписался и отдал ей. Ну, если ты настаиваешь, сказала она тогда небрежно, но бумажку не выбросила. Она теперь почти не занималась делами, всем заправляла в основном ее дочь, она же проводила много времени в гимнастическом зале, в бассейне, в массажных и косметических кабинетах. Гили она звонила теперь очень редко, и он не отказывал ей.

С течением времени умерла в одиночестве мать Гили, которой так и не удалось удержать при себе приятеля, и оставила сыну квартиру. Он ее продал, сразу расплатился с остатком долга и попросил обратно свою расписку. И женщина с грустным видом ее ему отдала. Теперь он был совершенно, окончательно свободен.

Но к тому времени он уже забыл, зачем эта свобода была ему нужна.

В ближайшее время в издательстве «Текст/Книжники» выйдет сборник рассказов Юлии Винер «Место для жизни».

ВОСПОМИНАНИЯ СБОРЩИКА

אֲדָוָה עֵשֶׁת

Настанет день, когда мой друг и наставник Алтер Ходош[1] наконец отрешится от забот и хлопот и выйдет на пенсию, которую, как говорят, выделяют престарелым сборщикам на дело Сиона, и уж тогда-то он непременно потратит год из оставшихся ему, отныне никчемных, лет на то, чтобы сочинить пособие «Искусство собирать пожертвования». Насколько позволительно судить по его ирландского разлива габраизмам, я могу предположить, что пособию своему он даст название «Трактат о стратегии вымогательства контрибуций у неподатливых и жестоковыпных евреев, или Добровольный налог и как вынудить его заплатить». Данные для такого рода задачи у него выдающиеся: королем попрошаек я бы его не назвал, но принцем в королевстве попрошаек он был бы по праву. Ведь, если выложить в ряд все пороги, которые он обивал, чтобы доконать врага в его логове, образовался бы мост такой длины, что по нему можно было бы добраться до Эрец-Исраэль из любой страны рассеяния, а если водрузить один на другой все эскалаторы, по которым он поднимался в поисках высокопоставленных жертвователей, они вознесли бы Алтера Ходоша прямехонько к небесным вратам.

А пока Ходошу, всецело предавшемуся фондам, писать некогда. Воспоминания, говорит он, пишут те, кому в этой жизни делать нечего, кроме как вспоминать. А у Алтера Ходоша дел по горло – ему надо выдаивать денежки из раздобревших сынов Израиля.

– Я родился на свет для того, чтобы собирать пожертвования. Даже имя мое родственно «Альтнойланду»[2]. Ради Сиона я лишился покоя.

Чтобы пробудить совесть у погрязших в самодовольстве сынов Израиля, Ходош поднял свои приемы на научный уровень. К каждому еврею у него свой подход. Quot *Judaei, tot sententiae*[3].

– Тороватее наших – большинства наших – нет людей на земле, – говорит он. – Рахмоним бней рахмоним – у милосердных родителей милосердные дети. Стоит только пустить слезу, поплакаться на маломальское вей[4], как над тобой наподобие шатра в пустыне раскинут бумажник. Иногда наши даже слишком, по правде говоря, тороватые: они не творят благотворительность, а навязывают ее. Дают кому попало, без разбору. Сказано же: просишь на ковчег Завета – они дают; просишь на золотого тельца, дают и на него!

Но есть – увы и ах! – есть и другие! Им легче удавиться, чем поделиться. Могилу Моше и то скорее увидишь, чем их руку, протянутую с подаянием. Лакхоним бней рахмоним[5]. Из игры «бери-дай» они освоили лишь первую половину.

Нет-нет, Б-же упаси, я не хочу сказать ничего плохого о нашем народе. Кто ничего не дает, они не плохие, они просто больные. Что с них взять – калеки: то ли у них мозги не на месте, и это им глаза застит, вот они и не видят, что их ждет впереди, то ли у них сердце мхом обросло, а это недуг прилипчивый, он тут же через нагрудный карман перекидывается на чековую книжку. Люди эти, должен заметить, живут, как евреи, недолго: каждый год теряют по месяцу. Ибо тот, у кого широкий лев[6], у того – увы! – слишком часто узкий кис[7], и наоборот. Так что, когда в конце года они сводят дебет с кредитом, оказывается, что кислев[8] у них в минусе.

Нельзя не упомянуть и тех, у кого умственный диабет. У них такая сладкая жизнь, что им не понять, как горько живется их собратьям.

Но хуже всего иметь дело с молчунами. Приходишь к такому, а из него слова не вытянешь. Ты для него за тридевять земель, в Палестине. Ты с ним говоришь, а он как в рот воды набрал и молчание прерывает, только чтобы посмотреть на часы. У такого снега зимой не выпросишь. Случается, правда нечасто, что он снизойдет, распахнет врата своего красноречия во всю ширь и выдавит: «Нет». Он что твой еврей, у которого не борода, а одна видимость: от таких меня предостерегал отец, да упокоится он с миром. Он, бывало, говорил: если у еврея длинная борода, с ним можно иметь дело – попросишь его пожертвовать или занять деньги, он загребет бороду в кулак, огладит ее и скажет: «Надо подумать». Безбородый еврей,

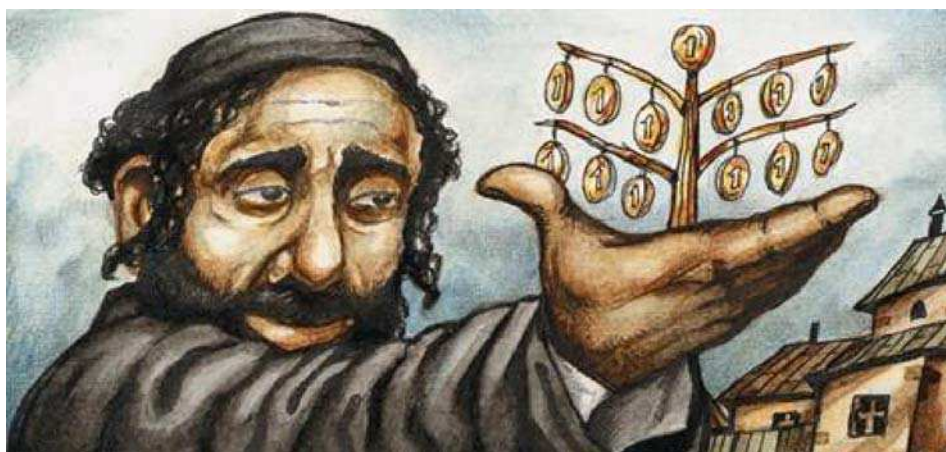
тот поскребет щетину и ответит так же. А вот если у еврея короткая борода, он заберет бороду в горсть, дернет ее да как завопит: «Нейн, их гиб ништ»[9].

Такого я вынуждаю говорить, поддеваю, подначиваю. Говорю, что он прибыл на «Мейфлауэре»[10] туристическим классом. Поздравляю с тем, что среди его лучших друзей есть евреи. И лишь когда его упорное молчание загоняет меня в угол и от вида моей карточки ЮПА[11] слезы на глаза наворачиваются – такая она пустая, тогда я напоминаю, что от общины ему не обособиться, что он не сам по себе, и даже если он спит и видит, как ассимилироваться, в его жилах – и от этого никуда не деться – течет кровь его бабки, а то и деда, и что, как говорит Соколов[12]: «Кто сворачивает с прямой дороги закона Моше, тому не миновать последовать кривой линией своего носа».

Не хотелось бы прицеплять мои доводы к носу. Но что поделаешь – традиция обязывает. Ребенок, как гласит древнее предание, еще до рождения знает Тору от начала до конца. Однако, когда он появляется на свет, прилетает ангел, щелкает его по носу, и он забывает все, что знал до рождения, и потом всю жизнь вспоминает то, что забыл. Так что один щелчок по носу отнимает, другой – отдает. Ангел щелкает евреев по носу, чтобы они забыли, кто они, а Алтер Ходош щелкает их по носу, чтобы вспомнили.

Ну а кто полная противоположность молчунам – это болтуны, дипломаты ломберных столиков, государственные мужи из кафе. «И что, – говорит мне один такой, – я буду давать деньги, а в Палестине будут убивать евреев?» Поверьте моему слову, он так плоско не думает, просто ему нужна зацепка для разговора. Ответы на свои вопросы он знает не хуже меня, знает, сколько человек – им велся счет – погубило, возводя будущее нации, и сколько (им счет не велся) испустило дух на затхлых задворках европейского гетто, пропащих жизней, жизней без цели и смысла, – напрасных, тщетных жертв; он знает – а кто не знает? – какая разница между жертвой во благо родины и жизнью, растроченной неизвестно на что, в диаспоре. Вообще-то, в ящике стола у него, скорее всего, уже заготовлен чек с подписью и печатью – все чин чинном. Но за свои деньги он хочет покалякать о международной политике, почесать языки про Англию. С ним надо пооткровенничать: рассказать, что планирует предпринять Вейцман[13]. За свои деньги он хочет быть членом кабинета, никак не меньше.

Но самое страшное наказание – это еврей милосердный. Когда-то от кого-то он слышал, что «милосердие надо начинать с ближних»; и всякий раз, когда я переступаю его порог и передаю ему привет из родной страны, у него уже готова западня, и он оглушивает меня этой цитаткой. Можно подумать, я злейший враг местных сирот и вдовиц! Можно подумать, я пришел вырвать кусок хлеба изо рта у убогих. Впрочем, вскоре я сменяю гнев на жалость. Этого человека надо не укорять, а просвещать. Он не усвоил даже начатков сионизма. Сионизм – это не милосердие с благотворительностью, это построение государства. Тридцать лет назад Нордау[14] начал учить людей своего поколения алфавиту, но и сейчас еще есть евреи, которые дальше алфавита не пошли. Нордау говорил: филантроп, добрая душа, обращается к врагам Израиля так: «Вы нападаете на наших евреев, мы посылаем им помощь, сколько раз вы бы на них ни напали, мы всякий раз будем посылать им помощь, и посмотрим, кто отступится первым».

– Так вот, сионизм – это не соревнование в выносливости. Еврейство больно, и наша цель – не облегчить его страдания милостыней, а излечить, дав ему родину. Слишком долго в минуты безысходного отчаяния мы хвастались, что пережили всех фараонов, всех Аманов[15], – больше-то хвастаться было нечем, – а раз так, переживем и нынешнего тирана. Наш народ пережил всех. Но теперь, на своей земле, мы хотим просто жить.

А есть и другие братья-евреи. Г-сподь, понимая, насколько неблагодарна работа сборщика, чтобы как-то вознаградить его, среди тех, кого он должен посетить, каких только типов ему ни посылает. Среди них нельзя не упомянуть и патриота. Патриот – это такой тип, который ночей не спит: так боится, что заподозрят, будто он предан не только Канаде, но и Палестине. Вот почему он больший монархист, чем сам король, и больший канадец, чем ирокез. В сионизме он мало что понимает, а в канадских делах и вовсе ничего. Он забыл совет, отмеренный пентаметром, который дал великий англичанин Шекспир: «Но главное: будь верен сам себе; / Тогда как след за днем бывает ночь, / Ты не изменишь и другим»[16]. Но пусть даже он не помнит Шекспира, я все равно подсовываю ему эту цитату, раз Палестина подмандатна Великобритании[17], она как нельзя более кстати. Так-то оно так, но что мне делать, если этот патриот переберется к зятю в Нью-Йорк? Снова подъезжать к нему с Шекспиром?

А теперь, друг мой, прошу извинить, но я должен откланяться: спешу к одному важному типу. Этот еврей сказал мне, что Палестина похожа на его жену. В понедельник она просит у него пять долларов, во вторник десять, в среду опять десять, и так каждый Б-жий день. «И что же, – спросил я, – она делает с этими деньгами?» – « Не знаю, – ответил он. – Я их ей никогда не даю».

Ну а теперь мне пора: не терпится кое-что ему рассказать. Его жена убежала с их жильцом. И я хочу напомнить ему, что у Палестины, которую он так трогательно уподобил своей жене и ведет себя по отношению к ней точно так же, имеется арабский жилец, и он тоже лелеет планы завладеть предметом своих вожделений.

*Y'adaia n'ai'aveveta
Evedu' Aini'aitate*

[1] *Вымышленное имя. Означает «старый новый».*

[2] *«Старая новая земля» (нем.) (1902) – роман основоположника сионизма Теодора Герцля.*

[3] *Сколько евреев, столько и мнений (лат.).*

[4] *Горе (идиш).*

[5] *Те, кто берет, сыновья милосердных родителей (ивр.).*

[6] *Сердце (ивр.).*

[7] *Карман (ивр.).*

[8] *Зимний месяц еврейского календаря.*

[9] *Нет, ничего не дам (идиш).*

[10] *«Мейфлауэр» – судно, на котором в 1620 году из Старого Света в Новую Англию приплыли первые поселенцы. Их потомки считаются в США своего рода аристократией.*

[11] *ЮПА – United Palestine Appeal – Общество помощи Палестине.*

[12] *Нахум Соколов (1860–1936) – лидер английских сионистов.*

[13] *Хаим Вейцман (1874–1952) – ученый и государственный деятель, первый президент Всемирной сионистской организации (1920–1930, 1936–1946 годы), президент Израиля.*

[14] *Макс Нордау (1849–1923) – еврейский интеллектуал и критик, вместе с Теодором Герцлем основал Всемирную сионистскую организацию.*

[15] *Аман – царский визирь, замышлявший истребить еврейский народ (Мегилат Эстер, 9:24-26).*

[16] *«Гамлет». Перевод М. Лозинского.*

[17] *С 1920 по 1947 г. Палестина находилась под мандатным управлением Великобритании.*

ЕВРЕИ И ВСЕ ВОКРУГ

Михаил Эдельштейн

Месяца три назад удивленный скудостью еврейской программы на Московской международной книжной выставке-ярмарке обозреватель нашего журнала (см. Лехаим. 2010. № 10) задавался вопросом: «Что это, тенденция или случайность?» – и обещал непременно посетить в начале декабря 12-ю ярмарку интеллектуальной литературы «non/fiction», дабы разобраться и ответить. Посетил. Но не сказать, чтобы разобрался.

Выставка интеллектуальной литературы «Non-fiction». 5 декабря 2010 года

*Άγασά Διχαί μί, Αάί εεε Έεεεεάά ε Εάί Γεά Αόόάεό πεόάρθ δαππέαξ Αάεάδεΰ
Άύι εεά (μ δαά) Γ άδαο υγθ ςε Γ άδ*

Ἰὰ πῶσι ἅα «Ἄῖι ἀ ἀἀἀἀῖῖῖῖῖῖ ἑῖ ἑῖῖ»

Ἰὰ πῶσι ἅα ἑῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ «Ἐῖ ἑῖῖ ἑῖῖῖ»

Того, к чему мы привыкли за последние годы: ярких презентаций, автограф-сессий, информативных круглых столов – вновь было не слишком много. Бедность еврейской программы была особенно заметна на фоне разнообразных мероприятий, связанных с официальным гостем ярмарки – Францией: французы высадили на ярмарке целый десант блестящих интеллектуалов во главе с легендарным семиотиком Юлией Кристевой. Впрочем, и помимо французов на «Non/fiction» было на кого посмотреть и кого послушать. Особенно хороша была акция «Открытый урок литературы», в рамках которой вузовские и школьные преподаватели Дмитрий Бак, Лев Соболев, Сергей Волков рассказывали про «Войну и мир», «Вишневый сад» и прочую классику. Интересно говорили о бароне Унгерне писатель Леонид Юзефович и историк Сергей Кузьмин. Ну и вручавшуюся на ярмарке премию Андрея Белого, призовой фонд которой с самиздатских времен состоит из одного рубля, бутылки водки и яблока на закуску, тоже надо бы упомянуть (в этом году она досталась Сергею Стратановскому за стихи, Анатолию Гаврилову за прозу, Людмиле Зубовой за филологию).

Но стоило отвлечься от ярмарочной программы и поподробнее исследовать ассортимент на книжных прилавках, как сразу все встало на свои места. В какую книгу ни загляни – хоть сейчас бери и рецензируй в «Лехаиме», даже если потянулся за ней по ошибке. Например, выпустило питерское

«Издательство имени Н. И. Новикова» «Воспоминания» художника-эмигранта Александра Арнштама, из

младших «мирискусников». Сам Арнштам при ближайшем рассмотрении оказался русским немцем, но женат был на Розе Мордухович, дочери еврейского промышленника и мецената Адольфа Мордуховича. В приложении к мемуарам Арнштама, написанном его сыном Кириллом, подробно рассказывается история ее ареста по доносу в оккупированном немцами Париже и чудесного спасения из комиссариата полиции на улице Армейе.

А вот уже не мемуары русского художника, а бестселлер американской писательницы – роман Кэтрин Стокетт «Прислуга», появившийся в 2009 году и за год вышедший более чем на сорока языках общим тиражом свыше трех миллионов. Теперь «Фантом Пресс» выпустил его и по-русски. 1960-е годы, город Джексон, штат Миссисипи, горничные-негрятки и их белые хозяйки. Межрасовые отношения, в общем. Заодно с неграми дискриминируют и евреев – так, на всякий случай. И когда главная героиня против всего этого порядка восстает, поддерживает ее – путем взаимной переписки – некая мисс Стайн, эмансипированная и, разумеется, вполне еврейская редакторша из далекого Нью-Йорка.

Или совсем другая книжка, не мемуары и не роман, а, наоборот, научный сборник памяти профессора Петербургского университета Людмилы Иезуитовой «Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья» (издательство «Петрополис»). Открывается он работой Александра Лаврова

«А. А. Смирнов – корреспондент Людмилы Вилькиной» – отличная рифма к статье Анатолия Белогорского в

этом номере «Лехаима»!

И это, разумеется, не считая новинок на стендах собственно еврейских издательств. В сериях «Проза еврейской жизни» и «Чейсовская коллекция», выпускаемых совместно «Книжниками» и «Текстом», вышли новые книги Джорджо Бассани и Светланы Шенбрунн, а также – бонус – роман совершенно неизвестной русскому читателю канадской писательницы Мириам Бодуэн «Хадасса» и «Мемуары везучего еврея» не менее загадочного итальянского автора Дана Витторио Сегре. Уже после начала ярмарки прямо из типографии прибыли книга Питера Даффи о еврейском партизанском отряде братьев Бельских и сборник (две повести плюс пьеса) режиссера, драматурга и прозаика Михаила Левитина. А каталог издательства «Мосты культуры» aka «Гешарим» прирос комментированным изданием талмудических трактатов «Пиркей Авот» и «Авот де-рабби Натан», фантазмагорией польского прозаика Анджея Барта «Фабрика мухобоек» и дневниками погибшей в Освенциме уроженки Вены Рут Майер.

Да и с ярмарочными мероприятиями тоже как посмотреть. Собственно еврейских пунктов в программе «Non/fiction», как уже говорилось, было не слишком много. Шеф-повар ресторана «Стейкс» Роман Гершуни готовил в холле Центрального дома художника хумус, фалафель и тхину – это называлось кулинарное шоу «Израильский уличный фастфуд» (уличный, не уличный, а вкусно). Проект «Эшколь» проводил детский утренник «История с привидением» – по книге Франсин Проуз «Дибук. История, случившаяся на небесах». Главный редактор «Лехаима» Борух Горин, директор издательства «Текст» Ольгерт Либкин и специалист по еврейской литературе Валерий Дымшиц обсуждали творчество братьев Зингер: знаменитого Исаака Башевиса и только-только появившегося на русском его старшего брата Исроэла-Иешуа. Участники обсуждения единогласно признали ведущую роль в этом писательском дуэте Зингера-старшего, сравнили его со Львом Толстым и напомнили, что вообще-то это был не дуэт, а трио:

романы – правда, под фамилией мужа – писала также сестра И. Б. и И.-И. Зингер, Эстер Крейтман, которую

тоже хорошо бы перевести и издать. Вот только обещанные фрагменты фильмов так и не были показаны: как обычно, в решающий момент закапризничала техника. Не повезло и «Мостам культуры». Если на самой ярмарке Пауле Савицкой, Ксении Старосельской и Виктории Мочаловой удалось неспешно побеседовать о книге Марек Эдельмана «И была любовь в гетто», то вечерний дубль этого мероприятия в культурном центре «Покровские ворота» aka «Primus versus», или, сокращенно, «Примус», не состоялся – ровно в этот день там случился потоп, и приехавшие гости обнаружили помещение залитым водой по шиколотку.

Цой или Александр Башлачев. При всей поколенческой разнице и разнице в сферах приложения деятельности они руководствовались сходными с Горенко установками. Но в их случае академическим штудиям предшествовало посмертное существование в модусе мифа, превращающего биографию в легенду, а ее соучастников – в жрецов нового культа, посвященных. Такое ощущение, что этот-то мифогенный механизм в случае Горенко забуксовал, и возникшую неполноту, недосказанность поспешили восполнить актами академической канонизации. Для такой жизни кажется недостаточным «вернуться в Россию – стихами», только ими. Но иначе не вышло. «Уход» сработал, ибо был «последователен», а миф – нет.

Кажется, примерно это чувство подвигло Владимира Тарасова, ближайшего друга и соучастника жизни Горенко, на новое издание^[1], не то чтобы «исправленное и дополненное», но принципиально другое. Отдающее «Библиотекой поэта» заглавие «Сочинения» не должно смущать читателя. Издание, осуществленное Тарасовым, – на самом деле вовсе не издание, а – поступок, и как таковой скорее антиакадемично. Предисловие «От составителя», как и комментарии к стихам, – словом, весь «аппарат» – написаны нарочито «коряво», в манере прямого обращения к аудитории, да еще от первого лица (особенно часто, будто бы дразня, Тарасов обращается к тем, «кто навсегда ранен в голову литературоведческими клише»). По внимательном прочтении комментарии больше всего напоминают мемуары, посвященные умершей возлюбленной. Они восстанавливают «затекст» стихотворений, подробно удержанный в памяти мемуариста, и – опять же – сплетают «текст жизни» и «текст искусства» в неразделимое единство. Получается что-то вроде Дантовой «Новой жизни», но только на хиппейско-панковский лад.

Да, так оно и полагается: по крупницам подбирать жизнь умершего кумира и выставлять ее части в капище – для поклонения. Однако обычно это акт коллективной памяти (хотя бы локального сообщества-тусовки). Тарасов же делает это «воздвижение культа» одиноким подвигом – в невнятной надежде, что ему, быть может, удастся в одиночку – подобно Данте? – увековечить свою Беатриче. Но именно из этих – слишком «живых», трепетно направленных – текстов прочитывается иное.

Казалось бы, сейчас уже все предельно ясно: известно, что Горенко умерла в Израиле от передозировки наркотиков. Известно даже – каких. Примерно понятно, что ее жизнь развивалась по сценарию, predetermined формулой «живи быстро, умри молодым», завещанной молодежной субкультурой 1960-х и подхваченной в нашей стране молодыми неформалами в 1980-х годах. Не жить, а сгорать, с непременно взрывом в конце.

1990-е – время вовсе не в первую очередь «лихое» и «бандитское». Жанр 1990-х – трагедия. В такие эпохи все становится «людьми фронта», и героический миф растворяется в воздухе повседневности. Поэтому рок (в обоих смыслах) из культурной периферии превращается в мейнстрим и в *modus vivendi* для тех, кто чувствует связь со временем и не в силах ее разорвать. Творчество – любое – становится героическим жизнотворчеством, разновидностью обреченности. Творческая способность понимается как деструктивная – для самого творца – сила, ведущая его к гибели и создающая нечто энергией распада. Да, конечно, в такой установке была и оглядка на европейский и русский модернизм. Недопрожитый Серебряный век стучал как пепел Клааса в сердца поколения 1990-х. И этот стук резонировал с отбивкой ударных культовых рок-композиций.

«Анна Горенко», псевдоним, взятый Анной Карпа, располагает ее в силовом поле этого пересечения времен. Если верить свидетельству составителя «Сочинений» (а не верить нет повода), дело было так: «Первый виток нашей близости пришелся на позднюю осень 1990 по май 1991. Болото (речь, видимо, идет об эмигрантской среде. – Е. В.) проснулось, пошло брожение в литературных кругах, массовая эмиграция из Совка нас растормошила. Как раз в ту пору, в ожидании первой своей публикации, А. решила найти псевдоним, что и было сделано, здесь, на дому. С веселой и дерзкой легкостью. Она намеревалась каким-то образом задеть “патронесс”, точнее, закрыть интеллигентскую тему Ахматова–Цветаева <...> Бывший в нашей компании молодой <...> поэт Демьян Кудрявцев мгновенно среагировал: возьми Горенко!»

Кукулин пишет по этому поводу: «Парадокс заключается в том, что Горенко была сугубо современным “проклятым поэтом”: она не возродила миф об отверженном и одиноком творце, а воплотила в своей поэзии героическую деконструкцию этого мифа. Поэтому слово “судьба”, указывающее на уникальность и predeterminedность пути, может быть, и подходит к жизненной истории самой Горенко, но неприменимо к ее творчеству – более того, противоречит ему. Сам псевдоним был выбран явно не только в хулиганских, но и в полемических целях: Ахматова в русской поэзии, особенно в поэзии женской, воспринимается как наиболее яркий образ автора, создавшего и утвердившего собственный личный миф – той, что при всех выпавших на ее долю испытаниях отстаивала эстетическое единство своей биографии как

своего рода “скрепы времен”. В своих произведениях Горенко стремилась максимально уйти от такой позиции и создать иное, равное по силе представление о поэте, которое могло бы прийти ей на смену».

Не продолжение, но – слом, не традиция, но – деструкция или даже деконструкция. Но, предположим мы, не совсем в том смысле, о каком говорит Кукулин: две составляющие мифа («модерн» и «рок») при столкновении сразу, еще на уровне авторской интенции, дают аннигилирующий эффект.

Поэзия для Горенко, родившейся в Бендерах, но жившей в Ленинграде, неотделима от «петербургской» (то есть акмеистической – «мандельштамовско-ахматовской» и постахматической – «бродской») составляющей, как и от «петербургского текста». Об этом неоднократно пишет и Тарасов в своих мемуарах-комментариях, как и о том, насколько важно было Горенко от этого всего освободиться. Поэтому можно с уверенностью сказать, что не только «текст творчества», но и «текст жизни» (настолько, насколько они все же неотделимы друг от друга) есть не что иное, как осуществление целостной деконструкции породившего их модернистского, по своей сути, мифа. Составляющей мифа о «проклятом поэте» (как и серебряновечного житнетворческого мифа) становится представление о «Поэзии» как о высоком и единственном «деле». Именно «поэзии», «творчеству» принадлежит ведущее начало в теургической магии символизма и в постсимволистских установках, которым наследует «интеллигенция». Но такая позиция слишком пафосна для маргинального сознания «девятистничества», превращающего культуру в субкультуру, расцентрирующего ее и себя в ней. Только в этой ситуации лидеры субкультуры становятся «героями времени». И именно эта ситуация создала культурный контекст феномена Горенко. «Задеть патронесс» – это значило стать Ахматовой до – а следовательно, без – стихов. «Жизнь» оказывается «превышающей» и поглощающей «поэзию». Поэзия становится частью – почти телесной – автора, захваченного «роком». То есть в этой ситуации царским «путем в иное», в трансцендентную сущность бытия, оказывается не поэзия, а расширение сознания («секс, наркотики, рок-н-ролл»). Поэзия получает статус абсолютно свободной фиксации «жизни», своего рода «записей визионера». Тарасов неоднократно пишет об этом в своих «мемуарах» (отчасти, правда, педалируя именно «реальность» визионерских практик, не желая разрывать ткань мифа – ибо является одним из – если не единственным – его создателей). Но на уровне каждого конкретного стихотворения этот механизм срабатывает сложнее – смысл рождается на границе столкновения «опыта» и «подтекста».

Так, в комментарии к стихотворению «За шесть или семь – не тонких – стен...» Тарасов пишет: «С иглой, полагаю, все понятно. Необходимо ли упоминать Адмиралтейство при этом? Ну да, засиженный лейбл Петербурга, Анечкиного “петербурга” тоже, т. е. – поля авторского свершения». Имеется в виду вот эта строфа:

*Í à ááðé íé áú ì í á áñðí áá!
Í í áú áí áñðéññý á èáé*

Áð íí è áñçèò è í óááò áóí àæí úé óéíò

Áíðí á ááà èíðááéý è ñ èáíé íáí íé

Í íñ íòðé í á íáñ è áéçà çáéðíé

Действительно, весь контекст стихотворения, где упоминаются «метро» и «кино», означающие на языке наркоманов «вену под мышкой» и «наркотические глюки», говорит о том, что «игла» употребляется здесь в значении «игла от шприца наркомана». Но, думается, сводя интерпретацию к биографизму, комментатор все же упрощает текст. И «игла», и «город» прочитываются не так однозначно. Безусловно, петербургские аллюзии могут иметь здесь место. Выше читаем:

Ðýáú òáì í íòú áíçú àòññ' èè íàì ííí íáàòú

Ñí ðááà èè, ñéááà: í íááð èè á áñðí ðíáí íé

*È ñéýáò áñðáéúò í í ý çíáð
í íéðíòúé ñéðí íé*

Áéáí í áðáí ý í í á èñðáééí

«Город родной» можно понять как Петербург. Тем более что пассаж о «разноцветном развлечении для цветных» читается как реминисценция из «Речи о пролитом молоке» Бродского, где большой фрагмент посвящен как раз наркомании. Отсюда ассоциации ведут именно к «игле Адмиралтейства», которой не «проколешь бабочку». Но само комментируемое четверостишие отсылает не к Бродскому, а к Мандельштаму: «На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко, / Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо». Бродский город, перемноженный с мандельштамовским морем, отсылает к общей для обоих поэтической традиции со всеми присущими ей коннотациями (включая петербургский текст). Возникает ощущение, что Горенко создает мандельштамобродское стихотворение, посвященное наркотическому опыту и переписанное соответствующим языком, и впечатление это только усилится, если вспомнить, что «корабль» – это на сленге мера веса для продажи конопли. Игла Адмиралтейства и игла наркомана сливаются в единый – гротескный – образ.

Деконструкция «петербургской» поэтики происходит и в цикле «Наблюдательный пункт», имеющем эпиграф из (!) Иннокентия Анненского («Я думал, что сердце из камня»).

òàé ì ì ì ì ò ò è à ù á è à è è ò ì ì ì á á

è è ø è è ç ù ù - ì é

è ì á á ò ì ò è à ç à è á è à è è ò à è á á ì ù ù ò

è à ò è è á ó è á ò à ù ù è à - è á á ò ç ù ù ì á

ì á ä è ù ò á á ù ò á á ù

ì ì ì ò ì á ó è Á ä ä ä ä ù ì ì ì á ì á ó ù è ò ò à

ì á á á á ò ò á á ì à è ì

Ì ó à ø à è ì á ù ì ì, á ì ò, á á ì ì à ò à è ì

è ì ò ì á ì ì è ò ì á ì ì ì ò ì á ì

<...>

à á á ì á ò à ò à ò à ì á à è á ì ì ì á à è á ì ì

ç à á ì á ì è à ì è ì á à è á ì ì

è à è è ò ì ì ì á á ì ò ì è ç ì á á ì ù ù è è è è è ì á á ù á

à è ì è ì á á á á ì ì è ì á ò à ì ù ì á ì è ì è á á à ì è

ì á ì ì è ù è è è è è è à ù à è à ø è è è è ì ì ì á à ì è

ò è ò ì è ì à à à è ì é

ì á á á á è ò ù ì á á ù ì è ì á è ò ù à ò à à ò à à

Израиль оказывается «местом деконструкции», точкой распада академической стройности петербургских пространств, буквального «умаления» Петербурга. Этот распад становится причиной речевого смещения, развоплощения речи.

В этой ситуации роль биографического комментария к текстам Горенко возрастает, ибо эвфемизм (например, переназывание наркотических практик) или «домашнее» употребление слова в «своем» смысле предшествуют собственно поэтической метафоризации, лежат в ее основе.

Например, вот («Песни мертвых детей»):

ò á á ò ù

ó í èõ çàì yñòüý í áí ðñòú

à yòí? –

óñ èèè áá

èõ éááýí í é

ðáýí í é ðáñò ðá

í ðñò è í áíý

çà èõ ñí í ñá í ñòú è ðñò è í æ ä à ò ú

æ ä ç á ñ ò ú

è í ä è ü ù í ò ú á à ò ú

В комментарии к циклу – история «размолвки» Тарасова с Горенко на почве «употребления»: «...поставив при этом условие: категорическая завязка с героинном, с иглой вообще.

– А что, и джеф тоже нельзя?

– Я ваш джеф на дух не переносу, вы все воняете от него.

– Да, есть такое. А винт?»

Далее следует диалог автора комментария с его героем, и мы вроде бы слышим живой голос Горенко. Здесь хочется обратить внимание, что даже акт мифологизации возлюбленной в тексте Тарасова выстроен с учетом изначально «деконструктивной» природы этого мифа. Комментарий изобилует отнюдь не возвышенными физиологическими подробностями. В частности, «цветы» комментируются так: «Джеф бил ее по коже очень круто, вдаваться не хочу – она “цвела”, но даже подростки так ужасно не цветут».

Образуется особый «кинический» (именно «киническим» называет поведение Горенко Тарасов, воспользуемся и мы этим определением) язык, изначально смещающий «окультуренную» семантику слов, делающий переносные значения прямыми, чтобы потом вновь вернуть им, уже перелицованным, «переносность». Наркотическое, физиологическое возводится у Горенко в ранг поэтического, а поэтическое – наркотическим кинически поглощается, деконструируется.

Вместо поэтической интеллигентской «вечности» в стихах Горенко – голая экзистенция, «здесь и теперь». Но вместе с тем и – это уже в комментариях «на голубом глазу» – вера в расширение времени, инобытие после (это и вправду вычитывается в стихах – на уровне лирического сюжета; Горенко верила в сны о будущем, делилась ими с комментатором и фиксировала их в своих текстах). Противоречит ли одно другому? Пожалуй, нет. Потому что она таким образом и в будущем мыслила себя «по эту сторону» бытия (за полной аннигиляцией любой потусторонности).

В творчестве Горенко отразился процесс, заложником которого стала она сама и который, собственно, вызвал неполноту ее посмертного существования. Тарасов пишет (в традициях вышеупомянутого неоромантического, модернистского мифа), что, вколов себе последнюю дозу, Горенко сознательно выбрала гибель: «Ей этот Поступок предназначался. Она его выбрала, до конца прочувствовав все изгибы и завитки разворачивающейся драмы, и принесла себя в жертву мифу, придав этой драме трагический окрас» (комментарий к стихотворению «Твой мяконецкий рот»).

Не совсем так: она в любом случае не пережила бы 1990-х, запечатлев в своем творчестве и в своей жизни процесс схлопывания общих смыслов, изживания мифа из культуры – тот процесс, вследствие которого трагический герой тех лет в следующем десятилетии либо подчинился философии успеха, либо отошел в область смыслов частных, субкультурного свойства, причем и в своей роковой, и в своей поэтической ипостаси. Двухтысячные сделали непонятной семантику «жизни на разрыв». «Сочинения»

Анны Горенко, этот роман в комментариях, оказываются книгой, опрокинутой в позапрошое десятилетие и оттого – героически-невозможной.

[1] *Анна Горенко. Сочинения / Составление и комментарии В. Тарасова. М.: Летний сад, 2010.*

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2011 ТЕВЕТ 5771 – 1(225)

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ МИРЫ

Елена Римон

Рассказывают, что как-то раз на исходе субботы один просвещенный еврей попал на трапезу к Великому Магиду, ребе Дов-Беру из Межерича. В разгар трапезы Магид затянул нигун, и хасиды, как водится, пустились в пляс. Просветитель с ироническим изумлением наблюдал за ними. «Чему ты удивляешься?» – спросили его. «Я вижу перевернутый мир, – ответил тот. – На ярмарках цыган водит медведя, сам поет, а медведь пляшет. А у вас, хасидов, все наоборот: медведь (на идише “бер”. – Е. Р.) поет, а цыгане пляшут...»

Эльханан Нир

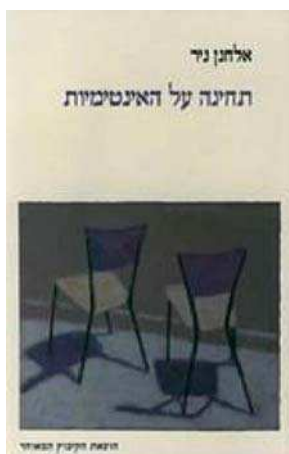
Этот анекдот очень старый, у него есть несколько версий. В сборнике Алтера Друзянова вместо просветителя фигурирует рабби Яаков из Дубно, известный противник хасидизма. Так или иначе, это история о скептике, который видит хасидский «тиш» как простонародное развлечение: в центре – животное, вокруг – дикие, темные люди, которые пляшут вместо того, чтобы учить Тору или заниматься еще чем-нибудь полезным.

Эта картина (видимо, достаточно типичная) представлена в хасидских источниках совершенно иначе – можно сказать, в перевернутом виде. «Сказано в Гемаре, – писал ученик рабби Дов-Бера Узиэль Майзлиш, – что тот, кто слышит звук шофара, должен услышать его внутреннюю сущность, а тот, кто ее не услышал, не выполнил заповедь... Внутри того голоса, который раздается в нижнем мире, будь этот голос тихим или громким, звучит тонкий голос из высших миров, и если человек слышит этот голос, то он выполнил заповедь. Но если духовное чутье человека задавлено плотью, внешний голос для него заглушает голос внутренний, и тогда этот человек не может выполнить заповедь. Таково святейшее из песнопений, Песнь Песней. Всевышний поет, и Его голос, голос Шхины, раздается из уст праведника <...> и, заслушав его, благочестивые поют и пляшут, преисполнившись вдохновения, как Давид перед Ковчегом... Но тот, кто

видит их со стороны, не слышит эту внутреннюю музыку, а только видит, как они пляшут и танцуют, и они для него все равно что умалишенные. А на самом деле все наоборот, это он лишен ума, ведь если бы он слышал внутреннюю музыку, он бы пел, танцевал и радовался вместе с ними». Оба эти текста, при том что они зеркально противоположны друг другу, описывают одну и ту же ситуацию: круг хасидов и внешний наблюдатель могут видеть друг друга, но не могут слышать и понимать. Их миры размещены в одном и том же пространстве, но непроницаемы друг для друга. И поэтому они друг для друга – умалишенные. Каждый, кто видел по телевизору с выключенным звуком симфонический концерт, может представить себе эту картину: дирижер вертится и машет руками, скрипачи сосредоточенно пилят свои скрипки, все чрезвычайно серьезно и все выглядят как сумасшедшие. Без музыки все лишено смысла.

Поразительный факт: первые произведения немецких романтиков появляются одновременно с выходом в свет первых хасидских сочинений. Фридрих Шлегель начинает публикацию «Атенийских фрагментов», содержащих теорию романтической иронии, в 1798 году, через четыре года после того, как в типографии старинного галицийского местечка Жолква вышла книга «Кетер Шем-Тов» («Венец доброго имени»), сборник комментариев Бааль-Шем-Това, записанных его учениками. В «Кетер Шем-Тов» есть рассуждения о смехе и остроумии, удивительно напоминающие Шлегеля. Вторая часть «Сказок» братьев Гримм и «Сказочные истории» рабби Нахмана появляются в печати одновременно, в 1815 году, и в обеих книгах есть одна и та же сказка, а в предисловиях к каждой из книг разъясняется, что сказки намекают на глубочайшие истины и тайны. Все это происходило, что еще более поразительно, в отсутствие всяких культурных контактов. Не только немецкие романтики, но и ассимилированные евреи, увлекавшиеся романтизмом^[1], в начале XIX века ничего совершенно не знали о хасидизме; когда же несколько позже европейски ориентированные евреи познакомились с хасидами, те представлялись им дикарями в духе анекдота о медведе и цыганах. Впрочем, и хасиды со своей стороны весьма мало интересовались новейшей европейской романтической модой.

Считается, что первым еврейским философом, преодолевшим эту невидимую преграду, был Мартин Бубер, что именно ему удалось спроецировать мистические тенденции, существовавшие в немецкой философии еще со времен иенского романтизма, на хасидские притчи. Однако недавно вышедшая книга Хамуталь Бар-Йосеф «Мистика в еврейской поэзии XX века»^[2] показывает, что на самом деле все было не совсем так. Самая интересная и оригинальная глава в этой книге посвящена событиям последней трети XIX – начала XX века, то есть предыстории мистических тенденций в современной ивритской литературе. Во-первых, исследовательница ставит работы Бубера в контекст немецкого неоромантического ориентализма, поисков Райнера Марии Рильке и Рудольфа Штейнера: Восточная Европа была для немецкого неоромантизма загадочным и притягательным пространством, вследствие чего легитимировалось отношение к хасидам как к загадочным и притягательным восточным людям. Во-вторых, Бар-Йосеф утверждает, что преодоление высокомерного просветительского отношения к хасидизму началось гораздо раньше Бубера, в последней четверти XIX века, и не в Германии, а в России, под влиянием не немецкого ориентализма, а русского славянофильства и народничества. Само противостояние просветителей и хасидов было «параллельно» противостоянию западников и славянофилов. Но, кроме типологических параллелей, были еще и прямые влияния: общеизвестно влияние символистов и Владимира Соловьева на творчество Бялика^[3]; менее известно, что русский поэт, преподаватель Одесской духовной семинарии и последователь федоровской «философии общего дела» Александр Горский помогал Бялику в переводе его стихов на русский язык. Влияние «хождения в народ» отчетливо прослеживается в юношеских работах Шимона Дубнова, опубликованных в журнале «Восход» в конце 1880-х годов. В этом контексте становятся очевидными народнические корни концепции хасидизма, развитые в более поздних и более известных работах Дубнова. Дубнов видел в хасидизме широкое народное демократическое движение (современные исследователи считают, что по крайней мере применительно к раннему хасидизму это мнение необоснованно) и сравнивал хасидов с русскими раскольниками. Еще один еврейский просветитель, Илья Оршанский, в книге «Евреи в России», вышедшей в Петербурге в 1872 году, называл хасидов «наши духоборы». Использование этих и многих других русскоязычных материалов, почти недоступных историкам, пишущим по-английски и на иврите, – большое достоинство книги Бар-Йосеф.

Еще одна характерная особенность этой книги – соединение обзора художественных текстов, публицистики и научных работ, поскольку и то, и другое, и третье свидетельствует об изменении еврейского национального самосознания в последней трети XIX века. Я могла бы к этому добавить, что само исследование Бар-Йосеф является таким же точно свидетельством – свидетельством изменения культурного климата в Израиле в начале XXI века. Ее книгу можно поставить в один ряд со сборником стихов молодого поэта Эльханана Нира «Мольба о близости»^[4]. Этот сборник неожиданно вошел в список наиболее популярных книг 2008 года, о нем много писали критики. Амихай Шалев даже увидел в нем признак приближающейся литературной революции. Некоторые стихотворения из этой книги напоминают пияюты Яняя и Эльзара Калира, в них появляются новые или, наоборот, очень редкие слова, расширяющие границы иврита. Зачастую стихи Нира построены на игре слов, на аллитерациях и ритмических аллюзиях из Танаха, из ежедневной и праздничной литургии и из мидрашей. В то же время парадоксальным образом его поэзия совершенно лишена торжественности и пафоса, это стихи о чем-то очень близком. Это делает их весьма трудными для перевода, но все же попробую:

Á-ā Yēūbāi āi ā

mī'ānē ī āi'ŷ īō ÷ āō ū dāō nō āi

īō dāqōōē ē īō nēūū īā āāō dā

īō ī īēqō: ēō ī ēīōēō āāō āē

īō nō dāōā ī āāā dānōāāō āpūēī
ē ā'īōūēī ōāō ēīī

īō āāēūō mī ī āēāāī ēē

ēāāī ī ī ā īō āā: āē īī mīāēāē ÷ ōī ī īāēāōū

āāē ī ī ā ī īēēōūŷ ā yō īī āīāīāī dī ōā

(Yēūbāi āi āai Ī ādū' āai Dāōāēū)

Ānāāīōīēē

Á-ā Yēūbāi āi ā

ī ā ī āāī ō dāāīāēē

qā ī ēāāī ī āī

mī'ānē ī āi'ŷ īō ōāī ē

יֹד אִתְּעֵלִי מִן אֲדוֹעַ

יֹד יִאֲעִלִי: אִיֹּאֵי אִי אִיֹּאֵי יֵעֲדוּ

מִן אִיֹּאֵי אֵעֲדוּ אִיֹּאֵי יֵאֲדוּ אִיֹּאֵי יֹדֵי עֲדוּ

צֵא: אִי אֵאֵי עֲדוּ: ו

מִן אִיֹּאֵי יֵאֵי

В одном из интервью после публикации книги Нир сказал: «На Востоке есть много развитых техник восхождения души вверх, к встрече с метафизической реальностью. Иудаизм, и в особенности хасидизм, напоминает людям, что надо также уметь спускаться обратно и что для этого создан мир. Новизна хасидизма – в том, что это возможно, что можно лицом к лицу встретиться со Всевышним, а следовательно, и с самим собой. Что касается современного неохасидского движения, то у меня к нему сложное отношение. Понятно, что у многих молодых и не очень молодых людей появляется сильнейшее желание заполнить душевную пустоту. Но иногда стремление к познанию и пониманию, которое является сердцем иудаизма, подменяется бессознательным душевным напряжением, которое в худших своих проявлениях опускается до дешевой подделки, называемой “ню-эйдж”. Чтобы уберечься от такого падения, нужно учить Талмуд традиционным методом и в то же время не отказываться от исторического подхода. Но важно также воспринимать поэтичность традиционных еврейских текстов. Видимо, долгое время в еврейской жизни не хватало этого измерения текста. Необходимо обновление, необходимо быть в движении и всегда спрашивать себя: чего ищет душа, чего хочет время, чего хочет Всевышний. Может быть, скоро станет невозможно искать близости ко Всевышнему без помощи музыки и поэзии».

[1] *Небезынтересна в этом контексте бурная биография дочери Моше Мендельсона Доротеи Фейт. Познакомившись с Фридрихом Шлегелем, Доротея стала «музой» ценского романтизма и приняла его идеи настолько близко к сердцу, что оставила своего еврейского мужа и двоих сыновей и стала жить в гражданском браке со Шлегелем, затем развелась с мужем, приняла протестантизм, вышла за Шлегеля замуж, а через несколько лет совершила еще один экстравагантный поступок: вместе с мужем перешла в католицизм, приведя в полное недоумение как свою еврейскую родню, так и протестантских родственников Шлегеля. Сама она не очень внятно объясняла свое обращение в католичество любовью к искусству и, в частности, к музыке.*

[2] *Х. Бар-Йосеф. Мистика ба-шира а-иврит ба-меа а-эсрим. Едиот ахронот, 2008.*

[3] *Следует отметить, что это влияние стало общеизвестным вследствие многолетних штудий той же Бар-Йосеф, которая занимается исследованием еврейско-русских культурных связей и написала первую книгу на иврите о Соловьеве.*

[4] *Э. Нир. Тхина аль интимют. А-Киббуц а-меухад, 2008.*

МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ РИФМА

Михаил Эдельштейн

Несколько лет назад произошла поучительная история. Журналист Андрей Мальгин обиделся на своего соседа по дому писателя Анатолия Приставкина и вывел его под именем Игнатия Присядкина в романе «Советник президента», а затем и в пьесе «Присядкин на том свете». В ход пошли все сплетни, которые за годы напряженной работы удалось собрать автору о семье своего врага, – вплоть до зеленых соплей Присядкина и чугунной сковородки, которой домашние били его по голове в ходе семейных скандалов. При этом Мальгин был очень горд своей борьбой за общественную мораль и настаивал на социальной значимости предпринятых им разоблачений. А года два спустя парочка сетевых отморозков взломала «Живой журнал» Мальгина, получила доступ к его почте и развесила по всей сети то ли подлинную, то ли поддельную интимную переписку публициста. И тут уже Мальгин про общественную мораль и социальную значимость вспоминать не стал, а незастенчиво пообещал 15 тыс. долларов тому, кто наведет его на след хакеров.

Мораль этого рассказа очевидна: жизнь – дама консервативная и, в отличие от современных поэтов, все еще балуется время от времени точными рифмами.

Но издательство «Молодая гвардия» за жизненным путем Мальгина наблюдает, по всей видимости, невнимательно. И потому после выхода книги Льва Гурского «Роман Арбитман. Биография второго президента России» (см. Лехаим. 2008. № 12) молодогвардейцы попытались возбудить против издателя – волгоградской «ПринТерры» – уголовное дело по обвинению в мошенничестве, а потерпев неудачу, подали иск в арбитраж. Суть их претензий была сколь проста, столь и нелепа: оформление книги Гурского сходно «до степени смешения» со всем знакомой серийной обложкой «Жизни замечательных людей», так что «Молодой гвардии» причитается один миллион рублей компенсации, а весь тираж «контрафактной» книжки подлежит уничтожению.

Всякий, кто держал в руках изделие Гурского, понимает, что вся эта затея с иском была абсолютно безумна. Дело в том, что «Роман Арбитман» – это по сути либеральная утопия, а по форме – пародия на биографический канон, каким он представлен, в частности, в той же серии «ЖЗЛ». Оттого и обложка принтерровского издания напоминает условную жээээлку. Точнее, она составлена из элементов, отсылающих к молодогвардейским книжкам, а также к не менее легендарной советской серии «Библиотека приключений». Для особо непонятливых на обложке даже квазисерийное название указано: «Библиотека приключений замечательных людей». Более того, это еще и мистификация: как известно, Лев Гурский – это псевдоним (возможно, здесь корректнее употреблять слово «маска») саратовского литератора Романа Арбитмана, того самого, фотография которого размещена на обложке книги. То есть книга Гурского – это не

только альтернативная история – что было бы, если бы вместо питерского чекиста вторым президентом России стал саратовский учитель, – но и альтернативная автобиография: с настоящей фотографией, но с измененным отчеством и, разумеется, вымышленными фактами.

Подавать на такую книгу в суд – это какой-то особо изощренный вид мазохизма. Обычно раздробленное литературное сообщество, включая некоторых лучших авторов «ЖЗЛ», на сей раз вполне дружно выразило «Молодой гвардии» свое фи. За ходом процесса следили практически все основные СМИ. В поддержку иска не высказался, кажется, никто. Суд, однако, иск частично удовлетворил, правда снизив сумму компенсации до 30 тыс. и отказавшись уничтожать тираж. Измотанная «ПринТерра» подавать апелляцию не стала, и дело на этом закончилось.

Насколько я могу судить по имеющимся у меня материалам, волгоградское издательство избрало не слишком удачную тактику защиты. В заявлениях для прессы и сам Арбитман, и представители «ПринТерры» активно ссылались на пункт 3 статьи 1274 Гражданского кодекса: «Создание произведения в жанре литературной, музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование этой пародии либо карикатуры допускаются без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения». Казалось бы, на этом и нужно было стоять. Но адвокат волгоградцев позволил втянуть себя в обсуждение вопроса о степени сходства типовой жэзээловской обложки с работой художника «ПринТерры» – и мне кажется, это было неверное решение.

Но суть не в этом. Несколько месяцев, пока шел процесс, все мыслимые эксперты, люди, десятилетиями пишущие о книгах и книжном рынке, крутили пальцем у виска по адресу «Молодой гвардии». А «Молодая гвардия» после решения суда разместила на своем сайте демонстративно наглую заметку под названием «За кражу товарного знака серии “ЖЗЛ” пираты заплатят штраф» – так, мол, будет с каждым, кто покусится. То есть никакого воздействия на издательство литературное сообщество, сколь бы единодушно оно ни выступало, оказать не может.

Да и в самом деле, какие есть варианты доведения этого коллективного «нехорошо-с!» до мнения издателей? Отказаться рецензировать выпускаемые «Молодой гвардией» книги? Во-первых, для этого нужна сильная критическая гильдия и цеховое сознание, а у нас нет ни того ни другого, а во-вторых, не думаю, что перспектива такого бойкота может сильно напугать издательство: влияние рецензентов на продажи ничтожно. Потребны более радикальные меры, например, отказ ведущих авторов «ЖЗЛ» от дальнейшего сотрудничества с серией – но кто ж на такое пойдет? В общем, как ни крути, а на нас плюют с высокой колокольни и правильно делают. Ибо понятие репутации для отечественных издательских монстров – пустой звук, а действенных механизмов принуждения к стыду в наших широтах пока еще не придумано.

Но история про Мальгина была рассказана в начале не просто так. Потому что, затеяв наезд на «ПринТерру», молодогвардейцы одновременно заказали известному питерскому прозаику Валерию Попову жэзээлку о Сергее Довлатове. Что было дальше, Попов рассказывал в многочисленных интервью после выхода книги. До какого-то момента вдова Довлатова Елена сотрудничала с автором – он посылал ей готовые главы, она что-то уточняла и исправляла, – а затем вдруг заявила, что биограф, «странным образом перетолковывая материалы, искажает, а зачастую и порочит личность Довлатова», обвинила Попова в диффамации и запретила использовать те материалы, на которые распространяются ее права как

наследницы. В результате книга Попова – первая в истории «ЖЗЛ», где фотография на обложке заменена надписью «Здесь должен был быть портрет С. Довлатова», а в тексте нет вклеек с иллюстрациями (отдельное спасибо законодателям, сочинившим норму, согласно которой для публикации фотографий необходимо разрешение не только автора снимка, но и всех запечатленных на нем лиц либо их наследников).

«Молодая гвардия» повела себя в этой ситуации абсолютно по-мальгински, то есть про приоритетность борьбы с пиратством немедленно забыла, а напротив того, вспомнила, что злоупотребление авторским правом может «поставить крест на изучении новейшей российской истории и культуры». Очень правильная мысль, а главное, очень вовремя пришедшая молодоговардейскому руководству в коллективную голову.

Кстати, это не первый книжный скандал с Еленой Довлатовой в главной роли. В 2002 году она уже судилась с издательством «Захаров», выпустившим, вопреки ее запрету, интереснейшую переписку Довлатова с издателем и прозаиком Игорем Ефимовым. Тогда суд обязал «Захарова» выплатить наследнице 825 тыс. рублей, но 15-тысячный тираж к тому моменту уже полностью разошелся. Однако цитировать те материалы биографам и исследователям теперь нельзя, книга объявлена как бы несуществующей.

К какому результату привел новый демарш вдовы Довлатова? Книга Попова вышла и хорошо расходуется, во многом благодаря разразившемуся скандалу и необычному оформлению. (Кстати сказать, сочинение Гурского сразу после начала процесса попало в шорт-лист премии «Нос» – конечно, это было признанием его литературных достоинств, но и жестом солидарности с автором тоже.) Поповский «Довлатов» получил больше рецензий, чем какая-либо другая молодоговардейская биография за последнее время, – разумеется, и это было спровоцировано наличием дополнительного информационного повода. Большинство отзывов построены на попытке угадать, чем именно автор прогневал наследницу героя, во многих из них мелькает имя «роскошной блондинки» Алевтины Добрыш, в квартире которой с Довлатовым случился роковой инфаркт. Едва ли Елене Довлатовой приятно все это читать, но кто же виноват – совершая дурацкие поступки, надо хотя бы просчитывать последствия.

Хотя я как раз вполне понимаю (или думаю, что понимаю) резоны довлатовской вдовы. Книга Попова тороплива и компилятивна. По сути это свод источников, в большинстве своем хорошо известных, прослоенных довольно поверхностным авторским комментарием. Кроме того, в книге немало неточностей, о чем говорил, например, Александр Генис: «Я прочитал несколько страниц из Попова, там все напутано». Впрочем, в концепции Попову не откажешь. Довлатов у него предстает человеком, сознательно и последовательно ломавшим жизнь свою и окружающих ради литературы и литературной карьеры. Подозреваю, что это недалеко от правды, но разговор об этих вещах требует от автора другого уровня глубины.

Тем не менее мастерство Попова-прозаика в книге все же заметно, хотя бы в том, как он выстраивает контрапункты. Взять, к примеру, национальную тему – рассказ о родителях Довлатова, затем цитата из Давида Дара о довлатовском «армянско-еврейском темпераменте», жалобы Довлатова времен «Нового американца», что издателю («хорошо знакомый тип нахального малообразованного еврея») доносят, будто он, Довлатов, «не еврей, армянин, космополит, атеист и наконец – антисемит» («это крайне вредный стук, потому что наш босс рассчитывает получать деньги на газету от еврейской организации, и кажется – уже получает»), рассказ Алевтины Добрыш о смерти Довлатова («Вышел врач – это был симпатичный человек, наверное, еврей по национальности. Он сказал, что, к сожалению, ничего не помогло») и, наконец, упоминание о могиле Довлатова «в армянской части еврейского кладбища “Маунт Хеброн”» в Квинсе. Но при всех частных достоинствах книга в целом, повторюсь, производит впечатление удручающее – и прежде всего потому, что, чтобы написать ее, не надо быть Поповым, вполне достаточно было пригласить бойкого выпускника журфака. Ну разве что мемуарные куски ушли бы.

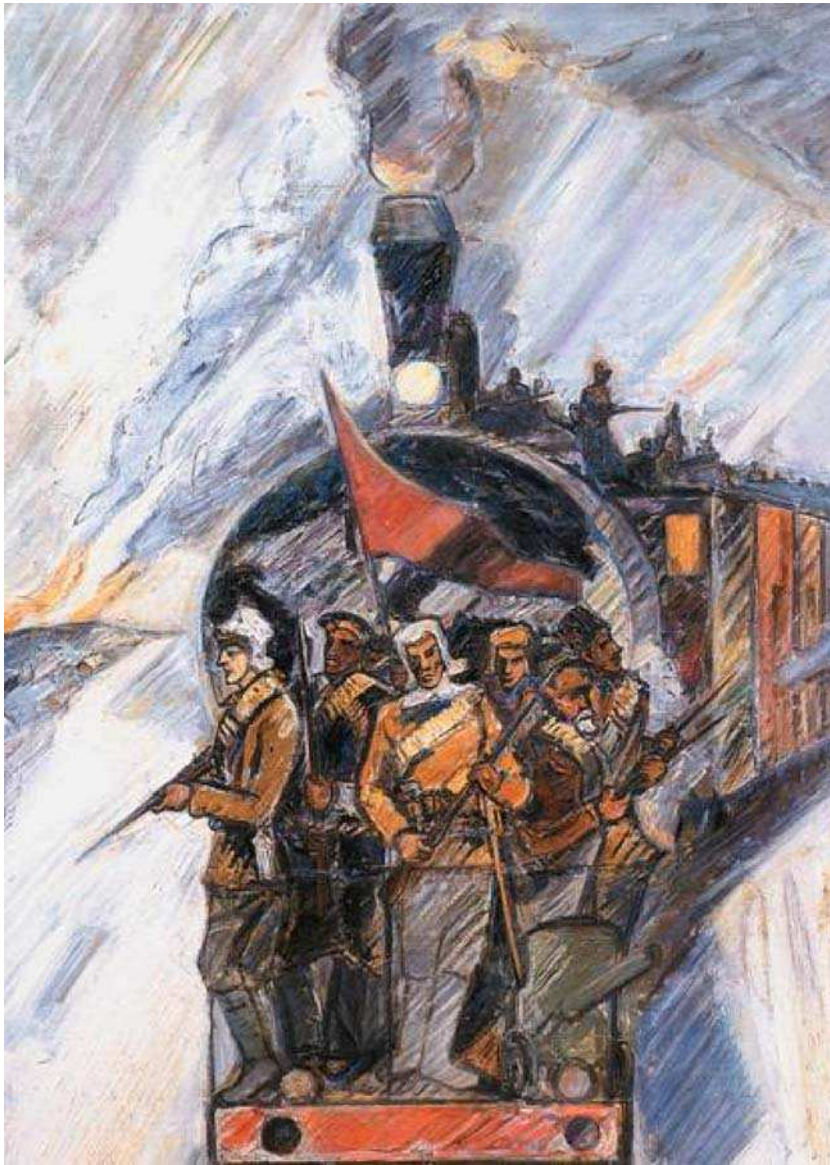
А теперь о хорошем. Во-первых, с издательствами бороться трудно, а с наследниками все же можно – передумала же дочь Александра Галича Алена Архангельская судиться с «Объединенным гуманитарным издательством» (ОГИ) после нескольких месяцев полоскания в прессе и блогах. Возможно, и Елена Довлатова, когда ей в следующий раз захочется что-нибудь запретить, сперва подумает, приятно ли ей будет читать в газетах байки о любовницах мужа. А во-вторых, даже если кто-то из наследников и проявит негибкость, ничего страшного: скандал – это реклама, а значит, премии, рецензии, дополнительные тиражи. Деньги, проще говоря. Причем вовсе не для борцов за авторские права, а совсем-совсем наоборот.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2011 ТЕВЕТ 5771 – 1(225)

СТАЛЬНАЯ ЭПОХА ЛАБАСА

Евгения Бродская

У английского поэта Луиса Макнуса есть стихотворение, построенное как ряд реплик: философ вопрошает, есть ли истина, власть беспокоится о том, хватит ли у нее сил подавить беспорядки в зародыше... И ребенок в коляске показывает пальцем на звезду и радостно призывает: «Смотри, дырка в небе!» Художник Александр Лабас в его отношениях с советской эпохой, в которую ему довелось жить, сродни этому английскому ребенку.

Ёс ъаёё «І ёòџаёџ». І а іаёџаџа 1971 аа Ёс-аёёі іа ъаёёіёџ

Работая внутри советского идеологизированного искусства, он говорил о чем-то, что вне идеологий: не за, не против, а – поверх и мимо. Просто о человеке. Человеке XX века, который, как ребенок, игрушкам этого века радуется. Радуется самолету и поезду, дирижаблю и пароходу. Скорости и распахнутому пространству, ветру в лицо и пенному накату моря. На его картинах дети ведут под уздцы дирижабль – и в этом нереальность сна, но и сна подлинность: сны бывают щемяще яркие и реальней любой действительности. Лабас из тех художников, которых нужно смотреть, впускать в сознание – в том числе и затем, чтобы понять эпоху – ту «невыносимую легкость бытия», которая XX веку была свойственна, да так, что обернулась миллионами жертв, двумя самыми кровавыми войнами в истории человечества.

В середине сентября открылось сразу две выставки, посвященные юбилею художника. В московском Музее современного искусства на Петровке показывали собрание картин, хранившееся у сына художника, Юлия Лабаса. А галерея «Проун», что на «Винзаводе», попыталась восстановить единственную персональную выставку Лабаса, состоявшуюся в 1976 году на Кузнецком мосту. Куратор «Проуна», Марина Лошак, взялась за трудную задачу, отыскав архивные материалы у племянницы художника Ольги Бескиной-Лабас. Результатом стала экспозиция на «Винзаводе». По сути это лишь осколки целого, которое видели современники Лабаса. Многие работы, хранившиеся тогда у художника, ныне разбрелись по музеям, частным коллекциям. Как археолог занимается раскопками и склеивает черепки, пытаясь создать единую картину, так выставка в «Проуне» попыталась восстановить однажды бывшее – событие прошлого, которое повторить нельзя, но можно почувствовать. Тогда, на Кузнецком мосту, открылась единственная персональная ретроспектива Лабаса. Художник сам продумывал организацию экспозиции. Он создал макет выставки: вырезал на огромных ватманских листах отверстия, куда вставлял маленькие эскизы своих работ,

чтобы видеть, как они будут смотреться рядом и восприниматься зрителем. Страшно волновался перед открытием... Публика выставку приняла с восторгом. Даже в печати тех лет отзывы были положительные. «Мы часто пишем и говорим: скорость – кумир и символ XX века, она рождает другой взгляд на мир, новые масштабы пространства и времени. Мы знаем, как это отразилось в кинематографе, в литературе. Александр Лабас сумел показать это в живописи, нашел средства, чтобы воплотить не только движение поезда, вираж самолета, но и словно бы сам стремительный бег времени. Он сумел создать особое пространство–время в своих работах <...>» («Московский художник», 1976, № 28).

Как никто другой, Лабас очень точно зафиксировал 1930-е, какими они были: романтический подъем революции еще не до конца угас, хотя власть, что «отвратительна, как руки брадобрея», уже завинчивала гайки. Лабас рисовал легкие, радостные акварели, но люди в них стали вторичны, а главную роль играли машины. Эти машины являлись не просто символом индустриализации – но символом происходящего. Человек же на этих картинах не имел индивидуальности, и Лабасу удалось это показать, быть может не слишком отдавая себе в этом отчет. Вместе с тем его взгляд – это взгляд человека, который в стальном марше сталинской эпохи сохранил живую душу. В его картинах и акварелях ни грама официоза. Зато – удивление миру, удивление человеку. На его холстах и акварелях – дирижабли и метро, самолеты и автомобили. Увиденные как чудо, когда жизнь – бесконечное ожидание праздника.

Лабас всю жизнь гнался за XX веком, веком скорости и технического прогресса. Будучи его ровесником, говорил, что это – его время, которое он хорошо чувствовал, что он появился в нем не случайно и лишь затем, чтобы отразить эту удивительную, ни на что не похожую эпоху.

Он родился в Смоленске, в древнем русском городе, в котором тогда разрешалось жить евреям. Воспитанием занимался его отец, Аркадий (Аарон) Гиршевич Лабас, музыкант и журналист. Мать художника, Хая Шауловна, рано умерла. Лабас вырос в нерелигиозной семье, но всегда помнил о своих корнях, даже больше в творческом плане, нежели в житейском. Когда он был уже зрелым художником, то говорил, что его искусство состоит из двух частей. «Анализируя свое искусство, – пишет Лабас в дневниках, – я прихожу к выводу, что оно сочетает в себе две линии – восточную и европейскую. Восточная – это наследственная, с отдаленных веков, она и во внешнем облике видна: темные волосы, темные глаза, да и темперамент южного человека». При всей любви к Западу, будучи связанным с ним в профессиональном плане, Лабас считал, что обе эти части в нем равноправны, но больше внимания уделял Востоку: «У южан сильно развито воображение, склонность к поэзии, символической, отвлеченности от реальной повседневной обстановки. Это было у египтян, в Древнем Израиле. Стремление к философскому обобщению, способность видеть внутренним зрением были в основе их творчества. Эти свойства я в полной мере получил по наследству...»

Мальчиком Лабас занимался в студии у смоленского художника В. Мушкетова и делал большие успехи. Часто работы приходили к нему во сне, оставалось только донести их, не расплескав, до бумаги. Он отправился в Москву поступать в Императорское Строгановское училище. Занимался у Ф. Рерберга и И. Машкова. Но тут грянула революция. В 1919 году он ушел добровольцем на фронт – художником 3-й армии. Позже вернулся в Москву, где продолжил учебу в Строгановском, переименованном в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). Учился у Малявина, Петра Кончаловского, Давида Штеренберга.

В середине 1920-х Лабас начал активно участвовать в художественной жизни, выступал одним из учредителей Общества художников-станковистов (ОСТ; в составе Ю. Пименов, А. Дейнека,

В. Фаворский, Д. Штеренберг). Это было по-своему иронично: причислить Александра Лабаса к живопис-

цам-станковистам довольно сложно. Художники, входившие в ОСТ, были очень разными, и объединились они скорее из-за того, что понимали: с властью лучше договариваться не поодиночке. И, хотя группа была распущена через три года после ее создания, оставцам удавалось выставляться, например на выставке «10-летие Октября» и в Историческом музее. А в 1926 году даже прошла отдельная выставка ОСТа.

Темы, которые избирали художники ОСТа, были далеки от политических: скорее, это были приметы времени. Лабас такой приметой избрал технический прогресс человечества – он любил писать

самолеты, машины, трамваи, метро. С открытием Московского метрополитена у Лабаса появилась новая страсть: изображать этот подземный мир. В его метро всегда было довольно пространства, света и воздуха. И бесконечное ощущение праздника, которое присутствовало почти во всех его работах. Плакат, который открывал его выставку в 1976 году, так и назывался – «В метро» (1972): эскалатор, изображенный в широкоугольной перспективе, похожий на елку и усеянный людьми, словно новогодними шарами.

Все это было написано очень трогательно, даже по-детски наивно. Например, его картина «Дирижабль и детдом» (1930). Здесь сочетается и человеческое, и космическое – дирижабль больше напоминает ракету, стремящуюся ввысь. Люди и машина странным образом не противоречат друг другу. Но при взгляде на нее возникает странная грусть. Лица детей не прописаны, да и дирижабль имеет только

очертания. Картина удивительно напоминает «Шар улетел» С. Лучишкина (1926).

Тогда, в начале 1920-х, развитие техники воспринималось человеком как панацея от всех бед. Люди искренне верили, что с помощью технического прогресса можно будет изменить устройство социума. Лабас словно следовал этой почти жюль-верновской романтике. Машины Александра Лабаса почти всегда превосходили человека по размеру во много раз. И все они обретали определенную человечность: переставали быть неодушевленными механизмами. Одна из самых известных его работ – «Дирижабль» (1931): аэростат, размером с Левиафана, заякорен на земле, а вокруг толпятся крошечные люди. Поневолу вспоминается: «Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкою схватить за язык его?» (Иов, 40:20).

Такая любовь к дирижаблям появилась не случайно. Сам художник неплохо разбирался в технике. Как-то в одной из театральных постановок должен был фигурировать дирижабль. И тогда Лабас отправился изучать его устройство к инженерам-создателям в конструкторское бюро.

Жизнь многих художников, особенно в 1920-х годах, была связана с большим количеством командировок и выездов. Одной из таких командировок для Лабаса стала поездка в Витебск, на родину прадеда. Минский театр решил поставить там спектакль «Гоп-ля, мы живем!», и Александра Лабаса пригласили в качестве художника. К этому моменту у него уже был опыт работы с Соломоном Михоэлсом в Государственном еврейском театре (ГОСЕТ), а также в Театре Революции и Театре им. В. Ф. Комиссаржевской. Художник приехал за две недели до премьеры и работал день и ночь, не имея возможности вырваться и погулять по городу. В конце концов ему это удалось. В тот день был еврейский праздник, и в своих мемуарах Лабас вспоминал: «Мне встречались длиннородые старики торжественного вида, верующие в своего Б-га, который решает, кому жить в роскошном доме, а кому в развалинах. Тихая радость была у всех на лицах. Какими-то замороженными мне казались идущие навстречу люди. В чем же дело? Тут я вспомнил, что был праздничный день. Так вот чем можно объяснить это торжественное небесное спокойствие и таинственную радость на лицах стариков, детей и красивых девушек. Сердце щемило от этой вековой бедности и от стойкости и красоты людей. И я понял, что должен и могу выразить все, что почувствовал тогда».

Конец 1920-х и начало 1930-х стали переломными в советской эпохе. Общество пребывало в лихорадочном поиске перемен, какого-то нового вектора развития. Появилась масса творческих объединений, интеллигенты как никогда были готовы сотрудничать с властью, предлагая свои идеи по развитию государства. Словом, между властью и обществом происходил диалог или некое его подобие. Несмотря на желание сотрудничать, Александр Лабас не вписался в рамки, которые были заданы властью. Ему приходилось выполнять много работ по заказам художественных комбинатов: так он создавал диорамы советских республик для Главного павильона ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставки), позднее выполнял панораму «Возрождающийся Сталинград» (1944–1945), утраченную и частично восстановленную в 2010 году, делал панно для Московского дома пионеров («Город будущего» и «Полет на луну» [1935]). Ему важно было отразить будущее, в которое так стремилось человечество, а не политические программы советского правительства. Лабас был далек от пропаганды любого толка. Во время войны, в 1942 году, его эвакуировали в Ташкент, где художник писал мирную жизнь, деревья, дома, людей. Ему хотелось передать «вечность и древность этой красоты, казавшейся зыбкой в те страшные годы». Лабас запечатлел и первые дни войны, когда дежурил на крыше своего дома на Мясницкой: лопатой сбрасывал попавшие на крышу «зажигалки», а утром спускался в мастерскую и работал. Так родилась серия акварелей «Москва и Подмосковье в дни войны».

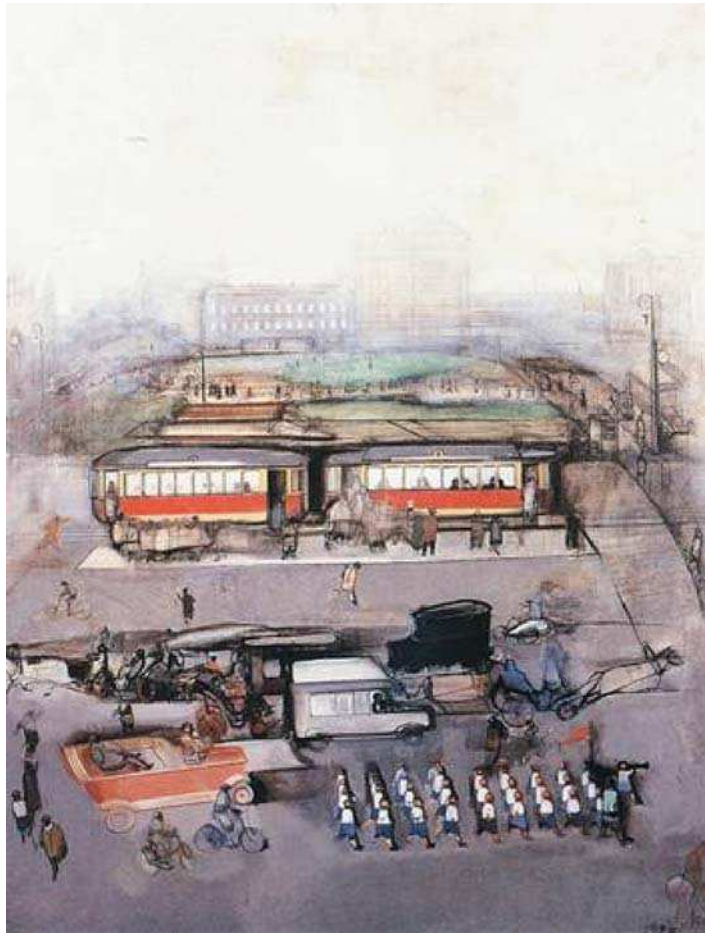
*Áèðæàæüü è ääò äîî . 1930 ää
Áîñüäðñ äáí í úé Ðññèé í óçé*

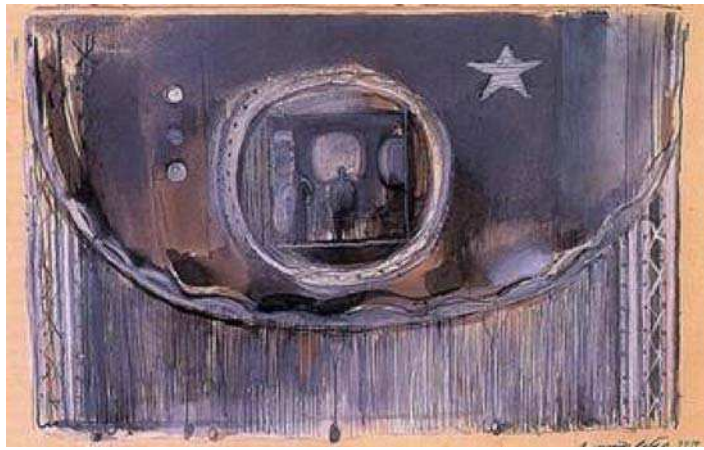
*Ì èõîÿèñá - äðí îî í èææàéá Áàðèáí ò.
1970 ää*

*Èç nãdeè «Ì ìneã è Ì rãì ìneíãã á àíè àíéí ù». Õòãããã. Áãdeáí ò. 1941 ãã
Èç ìãããí éý Ì rã ãã Áãde:-ããã*

Áíõããéãý í éí ùããù 1926 ãã Ì ãõ ìéãý ã ìãããõ ããí íãý éãðòéí íãý ãéãããý

Υπέρ της μείωσης «Αδελφική εδα» αθάνατοι. Ι. Ι. Αδελφική.

1932 ππ

*Έξοδος «Ι ηνεία ε Ι γαι ηνεία α αί ε αεί υ». Οδών. Ααδελό. 1941 ππ Έξοδος εγ Δπρ αία
Ααδελό*

ЕЩЕ ПОСМОТРИМ!

ÈðàèíáĬ áĬí. Ĭ àèáĬ ùèèá Ĭ ðĬòáĬĬèè

ÈĬçáĬ Ĭ á, Ĭ óçáè ÝèèçèòĬ, áĬ 16 ýĬ áàðý

© by Condé Nast Publications, Ltd

ÈðàèíáĬ áĬí. ÒðááĬ: èĬò (òðááĬ áĬ ò). ÈĬĬ áĬí. 1950 áĬá

Когда Ирвинг Пенн (1917–2009) в возрасте 21 года отправился из американской провинции покорять Нью-Йорк, мало кто верил, что этому потомку еврейских эмигрантов из России светит большое будущее. Но уже в 1941-м он напечатал первые фотографии в журналах мод, два года спустя сделал обложку для «Вога» – и с тех пор его карьера летела со скоростью курьерского поезда. Пенну повезло: глянец в ту эпоху был не тем, во что он превратился сегодня, журналы отправляли фотографов в долгие командировки за океан. В 1950-м Пенн обосновался в Париже, где для редакции снимал одно, а для души – людей с улиц, торговцев и разносчиков, которых приглашал к себе в студию. Люди фотографировались охотно, главное было уговорить их прийти в рабочей, а не воскресной одежде. Позднее Пенн продолжил работу над циклом в Лондоне и Нью-Йорке. Так и родилась серия «Small Trades», памятник уходящему времени, меланхоличный и оптимистичный одновременно. Пенн заставляет взгляды в тех, кто окружает нас сегодня. Пройдет немного времени, и уже его зрителям предстоит исполнить роль уходящей природы.

ÁáĬ á, 1900

Áàçáèù òĬĬ á Áàèáèàð, áĬ 16 ýĬ áàðý

ÝáĬ Òèèá ÁĬĬ á è Ĭ áĬòðáý Ĭ ðá: á: Ĭ áý (Ááá àèĬèá áĬĬ Ĭ á è áàèĬĬáĬá áàðáèèè). 1914 áĬá Ĭ óçáè ÈáĬĬ èĬĬá, ÁáĬ á

Первое, что видит посетитель базельской выставки, – большое панно с фотографиями тех, кто на рубеже определял художественную и интеллектуальную жизнь Вены. Коло Мозер и Оскар Кокошка, Отто Вагнер и Адольф Лоос, Густав Малер и Зигмунд Фрейд – и, конечно же, Густав Климт и Эгон Шиле, ставшие главными героями проекта, их имена попали в подзаголовок выставки. Картины, мебель и архитектурные планы для нее предоставили крупнейшие музеи мира, от Венеции до Нью-Йорка, но в первую очередь австрийские собрания – всего здесь более двух сотен экспонатов. Главным поставщиком прекрасного стал венский Музей Леопольда (где сами базельцы как раз показывают the best собственной коллекции), откуда привезли не только многочисленную живопись и графику Климта и Шиле, но и столовое серебро Йозефа Хофмана, и полотна Рихарда Герштли (их также предоставил и музей швейцарского Цуга). Герштли учил живописи композитора Арнольда Шенберга, трагический роман с женой последнего привел художника к самоубийству. Шенберг продолжал заниматься живописью на протяжении всей жизни, большая часть его наследия хранится в венском центре его имени.

Ὀδαί ὁρατῆς δευτείας ἐπί ὅα XIX - XX αἰεῖα

Ἀἰ ἘἘ ἐὶ. Ἰ ὁσεῖα, αἰ 16 ὕἱ ἀαδῷ

***Ἰ ηῖ Ὀαῖεῖ. × ἐὸ ἀρὺ ἀαῖ ὑεῖα (ὀδαῖ αἰ ὀ). 1927 αἰ ἂ
Ἀἰ ἘἘ ἐὶ. Ἰ ὁσεῖα, Ἰ ἡεῖα***

Публикация полного каталога – достойный повод, чтобы показать запасники. Тем более что на Волхонке есть чем гордиться именно по французской части. Среди авторов двух сотен показываемых работ – Ренуар и Тулуз-Лотрек, Синьяк и Озанфан, Матисс и Леже... Поскольку среди первых покупателей нового французского искусства были московские и петербургские коллекционеры (а в Пушкинском сегодня хранятся остатки собраний Морозова и Остроухова, Щукина и Рябушинских), качество работ – на зависть многим. Представлена и графика эмигрантов, чувствовавших себя на берегах Сены как дома, от Ван Гога и Модильяни до Хуана Гриси и Пикассо. Есть здесь и «русские парижане» Марк Шагал и Осип Цадкин. Без них сегодня немислима история французского искусства, да и 500-страничный том французского рисунка из собрания ГМИИ смотрелся бы неполно.

Ὀαὸ ὕἱ ἂ Ἀαὸαεῖα

Ἀεῖαααῖ, Αεῖ ηῖεῖ ἰ ὀαε, αἰ 30 ὕἱ ἀαδῷ

***ὀεεῖ Ἰ ηεῖεῖα Ὀαὸ ὕἱ ἂ Ἀαὸαεῖα Ἰεῖεῖεῖ (ὀδαῖ αἰ ὀ).
Ἰ ἀδεα. 1934-1937 αἰ ἂἡ***

Имя танцовщицы Татьяны Барбаковой (1899–1944) в России известно плохо. Урожденная Силли Эдельберг, дочь русского еврея из Латвии и китайки, после революции она уехала в Германию, где

сделала головокружительную карьеру танцовщицы. Кабаре в тогдашней Германии были скорее интеллектуальными, чем ночными клубами, об этом напоминают и названия номеров Барбаковой, вроде «Борьбы религий», успехом пользовалась и ее хореографическая пародия на кубизм и дадаизм. Китайскими танцами в исполнении Барбаковой восхищались во многих европейских странах, гастрольные турне проходили в Швейцарии, Голландии и Венгрии, а также во Франции, куда она эмигрировала после 1933 года. Здесь танцовщицу арестовали в декабре 1940-го, чтобы четыре года спустя убить в Освенциме. Кинозаписей с ее участием почти не осталось, зато сохранилось множество прижизненных изображений – от спичечных этикеток (вот настоящий признак славы) до картин, скульптур и фотографий.

À cáèñé Ì íèðíóñá

ΕΑΕΕΑ ΙΑΘΕ «ΑΙΕ»

Александра Добрянская

Не привязываясь ни к каким памятным датам, юбилеям или годовщинам, Израильский культурный центр в содружестве с организацией «Гилель» решили провести «Дни Израиля в вузах». И... провели.

Σακκάρη έσάσάδρε έσάσέε ΕΝΑΑ Ι ΑΘ Αδέσέε ΕΓάέεμ άί (πéάά). ΕΝΑΑ. 15 ίίγáδϋ

Ο:άπóί έέέ έ άπóέ «Αί άέ Εσάέέϋ á άσάά». Ι ΑΡΑ. 16 ίίγáδϋ

В рамках «Дней» планировалось продемонстрировать Израиль со всех примечательных сторон. Стороны подбирались в соответствии с профилем вуза, где проводились семинары: в Юридической академии устроили круглый стол «Правовой Израиль», а в Университете культуры и искусств – выступление израильского джаз-бэнда. Изначально вузов в программе было четыре: ИСАА МГУ, МГЮА, МГУКИ и РГСУ, но в последний момент от программы в Социальном университете пришлось отказаться – как объяснила одна из организаторов, «из-за нестыковки с вузом». А жаль: в РГСУ намечались мероприятия, посвященные израильской прессе и пиару.

День открытия марафона прошел в Институте стран Азии и Африки – и не случайно: если верить первому секретарю посольства Израиля Йоси Тавору, вся современная российская иудаика жива и здравствует именно благодаря ИСАА. Правда, присутствующим он рассказал об этом под большим

секретом, так же как и о том, что новый посол Израиля в России, Дорит Голендер, не имеет дипломатического образования. Как, впрочем, и сам Тавор – и он, и Голендер до посольства долгое время работали в журналистике. Чуткие студенты ИСАА не преминули спросить г-жу Голендер, как же ей удалось стать послом. Г-жа Голендер ответила быстро и честно: «Я хотела быть лидером».

Как будто в знак солидарности с послом слово «лидерство» на мероприятиях «Дней Израиля» звучало постоянно. Директор московского «Гилеля» Елена Крулевич в каждом вузе выступала с программной речью, рассказывая о том, что собой представляет «Гилель»: «‘Гилель’ существует во многих университетах по всему миру: в Гарварде, Станфорде, Йеле, Кембридже... Мы про несколько вещей. В первую очередь мы про практическое лидерство...» После прослушивания этой речи в четвертый раз как-то само собой подумалось, что «Дни Израиля», помимо того, что про Израиль, еще и про «Гилель». Что, впрочем, вполне объяснимо, если учесть, что практически всю организационную часть взяли на себя гилелевские активисты.

**Первый секретарь посольства Израиля Йоси Тавор
и директор Израильского культурного центра Мирит Вакс.
ИСАА. 15 ноября**

И все-таки главными событиями «Дней» были не речи официальных лиц, а культурные и исторические экскурсии. Самыми интересными оказались интерактивные занятия – вроде урока еврейских танцев в Университете культуры и искусств. В какой-то момент на урок зашла директор Израильского культурного центра Мирит Вакс и с умиленным акцентом заявила: «Мне говорят: ты работать будешь или танцевать?» – и выбрала второе.

Про те же танцы, но в теории рассказывал Йоси Тавор. В МГУКИ он прочитал лекцию, посвященную еврейскому театру – музыкальному и драматическому. Впрочем, лекция тоже была похожа на представление: попытки понять, как преподавать в век, когда средний студент не способен задерживать внимание на предмете дольше, чем на пять секунд, привели к логичному формату – во время выступления лектора на экран за ним транслировались фрагменты спектаклей и хореографических постановок.

В МГЮА спектакль решили разыграть прямо в аудитории: для студентов-юристов в деталях воспроизвели еврейскую свадьбу практически по всем канонам. Сложнее всего было убедить будущее российской юриспруденции в том, что проводившийся обряд не имеет никакой юридической силы. Чтобы разрешить последние сомнения, даже устроили развод – разорвали виртуальную ктубу (в программке это называлось «Интерактивная игра “Суд. Рассмотрение бракоразводного процесса в Израиле”»).

Алек Эпштейн и вовсе устроил театр одного актера, превратив круглый стол «Создание Государства Израиль» в монолог, – кажется, полтора часа, но от этого не менее захватывающий. На примере курения марихуаны была объяснена основополагающая разница между легальностью и легитимностью, а история наделения израильского Верховного суда функциями Конституционного в интерпретации Эпштейна напоминала вставную новеллу из «Гаргантюа и Пантагрюэля».

Но главный спектакль во время «Дней Израиля в вузах» разыгрывался вовсе не на сцене и напоминал не то современные гротескные постановки, не то театр-буфф. Речь, конечно же, о самих вузах, об их характерах и обитателях. На закрытии, оно же «Ночь израильского кино», организаторы горячо

благодарили вузы за теплый прием, но нюансы, как всегда на торжественных мероприятиях, не озвучивались. Между тем изучать культуру трех совершенно разных учебных заведений было не менее любопытно, чем культуру Израиля. На их примере можно даже создать нечто вроде метафорической карты российского общества.

Культуроведы и художники прозябают на окраинах (МГУКИ находится в Химках), ютятся в мрачноватом здании с таким обилием переходов и лестниц, что, когда я пыталась найти мусорную корзину, все спрашивали у меня, не заблудилась ли я, – видимо, там это обычное дело.

Дипломаты и переводчики – поближе к будущим местам работы и к главной библиотеке страны, в «культурном» здании с историей. От щелкоперов (журфак) и православия (университетский храм Св. Татьяны) их деликатно отделяет пешеходный переход, который, правда, принято пересекать без оглядки на сигналы светофора.

Контора, поставляющая государству судей и адвокатов, соседствует с зоопарком. Может, это только совпадение, но повадки местных обитателей немного отдают природной непосредственностью соседей: реплики прямо во время семинаров, разговоры по телефону, подзатыльники и своевременный гогот. Естественный отбор крайне тщательный: я пыталась войти в здание в течение сорока минут, прежде чем меня все-таки великодушно впустили.

Επίτομο «Αέι άρ». 11-úñ20 íà 21 ííγáðŷ

*Αέαι í, ííπááŷŷ 11-ú í áðáóíá, έíóíðŷ íðíáíáέέé á έέίíóάάóðá «Αέí άρ», íðέçáíá áúέá áúŷ íοέ
 í έέðíπóέά ú έάέ-óí í άέάó πάíέ íðεί έðέóú 1ðεί έðŷέé íí πóάðείέá - άάπáέúá έ çáíðí: έέóá
 ðáçðέπáúάάέέ áέάάðεί íí ííá έίέά-úέ í íðáú, -óíáú πóάάóúíáí íáúóíúά -ááóóú, í όçíέó íáñóðíέέέ
 íá áñí έίñóú íá íðááíέάáπúòŷ íέέάέíá - óáí íá-á í άέέέúóóðííá - íáúáíέŷ, á ðáçáá-áíέŷ
 íðáάέíáέέέ áάπéíááú úá áðíáá άŷóíóíέέáŷ.*

«11-úέçðáέέúπéíá έέίí».

В довершение первый фильм показывали со спецэффектом, сплотившим публику в едином порыве: пленка странным образом дергалась, то затормаживая, то ускоряя движение на экране.

Никаких особенных выводов по итогам, увы, сделать не получилось. Что еврейская культура необъятная и многослойная, это мы знали еще до «Дней». Что Мертвое море с его удивительным миром соляных кристаллов помогает больным псориазом, – в общем, тоже слышали. Перебирая в памяти услышанное и увиденное за неделю, не без удивления обнаруживаю, что лучше всего помню, «про что» молодежная еврейская организация «Гилель». Молодежная еврейская организация «Гилель» – про практическое лидерство. А «Дни Израиля», видимо, таки про «Гилель».

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2011 ТЕВЕТ 5771 – 1(225)

ПОРТНОЙ ГЛЯНЕЦ, ЗИМНЯЯ БАБУШКА ЦИЛЯ И ДРУГИЕ

Оксана Алексеева

5 декабря в Государственном Кремлевском дворце в восьмой раз состоялась торжественная церемония вручения премий Федерации еврейских общин России «Человек года». Традиционно награждение лауреатов проходило в дни празднования Хануки.

Новым в этот раз стало общее настроение вечера. Впервые столь отчетливо оказалась выраженной собственная позиция организаторов премии. И сделано это было со вкусом, без надрыва и чрезмерного пафоса, интеллектуально, продуманно. Проявилось это и в выборе лауреатов, удостоенных премии, и в выборе ведущих. Журналисты Марианна Максимовская и Леонид Парфенов – это не шуточный парный конференс, – одно появление этих журналистов на сцене создало у зрительного зала определенный эмоциональный настрой, а абсолютно узнаваемая интонация каждого из них наполнила произносимый ведущими текст дополнительным смыслом и ассоциациями. Интеллектуальный настрой церемонии ничуть не помешал теплой и дружеской, почти семейной, атмосфере вечера, в котором нашлось место и хорошим шуткам, и ярким музыкальным номерам. Каждому из 11 лауреатов были вручены диплом и приз – статуэтка «Скрипач на крыше», созданная известным израильским скульптором Франком Мейслером специально для премии ФЕОР «Человек года».

Премии «Человек года» в номинации «Представитель власти» за вклад в развитие еврейской общины Москвы удостоен первый заместитель мэра Москвы Владимир Ресин. В номинации «Общественная деятельность» награду получил член Общественной палаты РФ тележурналист Николай Сванидзе. За смелость, проявленную в годы Великой Отечественной войны, званием «Человек года» в номинации «Мужество» награжден Михаил Зирченко, который спас от смерти более трех десятков евреев. Режиссер Миндаугас Карбаускис получил награду в номинации «Театр» за спектакль «Ничья длится мгновение», поставленный по роману литовско-израильского писателя Ицхокаса Мероса в РАМТе. Олег Дорман и Феликс Дектор отмечены в номинации «Телевидение» за создание многосерийного документального фильма «Подстрочник», в котором переводчик Лиляанна Лунгина рассказывает о жизни своего поколения. За последовательную позицию редакции журнала «Сноб» в укреплении идей толерантности в обществе премии в номинации «Журналистика» удостоен главный редактор проекта Владимир Яковлев.

«Культурным событием года» был назван VI ежегодный Московский международный фестиваль еврейской музыки «Идишфест», за организацию и проведение которого награду получила Анна Пинская. В номинации «Издательская деятельность» награды удостоен директор фонда «Ави Хай» в СНГ Дэвид Розенсон. Меценатом года был назван руководитель фонда «Керен Едидут» раввин Йехиэль Экштейн за организацию помощи детям из малообеспеченных семей. Президент томской еврейской общины Юрий Зельвенский стал лауреатом в номинации «Общинная жизнь» за активное участие в строительстве синагоги в Томске.

Когда была названа номинация «Человек-легенда», зал замер, а первый же кадр ролика, представляющего лауреата, вызвал общее одобрение: «Тодоровский Петр Ефимович!..»

После церемонии своими размышлениями о премии, и не только о ней, с «Лехаимом» поделились Петр Тодоровский, Владимир Яковлев и Николай Сванидзе.

*Ἐὰν ἄλλο ἀίτη εἰσῶε «Ἰσραήλ» ἀνδράσι ἀείψῃ Ἰσραήλ ἰσραήλ - Ἐδ-αί εἰ εἰσῶε δὲ τῆς Ἰσραήλ
 Ἀὐτὸ δὲ εἶπῃ*

Ἀλλοῦ εἰσῶε ἰσῶε - Ἰσραήλ ἰσραήλ ἰσραήλ εἰσῶε ἰσραήλ ἰσραήλ

Ердаеүүтөөе і ааао Аааея А'Тд

Кинорежиссер, кинооператор, сценарист, актер, композитор, народный артист России. Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Берлине, Токио, номинант на премию «Оскар», обладатель главного приза Всесоюзного кинофестиваля и фестиваля «Кинотавр», лауреат премии «Ника», кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степени, удостоен Государственной премии РФ и специального приза президента РФ «За выдающийся вклад в развитие российского кино».

– Знаете, кто больше всех обрадовался моей награде? Внук Петр, Петр Тодоровский. Конечно, все мои родные были довольны и радовались, но внук как-то особенно. Он гордится своей национальностью, тем, что он еврей, у него сильно проявилось еврейское самоощущение. Так остро, пожалуй, никто в нашей семье это не чувствовал, но и скрывать национальность никто из нас тоже не пытался.

– Вы удостоены многих наград, что значит для вас эта премия?

– Мне очень приятно. А что касается звания легенды, то оно за то, что я много работал и всегда старался работать очень хорошо – и как режиссер, и как оператор, и как автор сценария и музыки к фильмам, и как актер немножко. Ко мне вообще признание пришло после 60 лет, основные кинопремии и награды я начал получать именно в том возрасте. Поэтому, когда слышу от кого-нибудь: «Мне уже 50, куда менять что-то или затевать новое», так и хочется ответить: «50 лет – это же еще так много впереди».

– Вы исполняете и сочиняете музыку, когда она стала частью вашей жизни?

– Вскоре после рождения. Никогда не учился этому, нот не знаю, но всегда играл, сам освоил балалайку, потом гитару... Дай мне в руки инструмент, и я, скорее всего, через какое-то время заиграю на нем.

– Кроме гитары вы играете на...

– ...пианино, балалайке, банджо, аккордеоне, а мелодии сами в голове звучат – и играю, подбираю их на слух, из головы.

– «Из него мелодии просто прут. Но записать – не может» – это из вашего фильма «По главной улице с оркестром». Получается, это и о вас?

– Можно сказать. Это стало моей второй профессией. Не так давно сочинил музыку для фильма Гарика Сукачева «Праздник». Записал сольные диски и совместный с Сергеем Никитиным, мы играем на двух гитарах, называется «Ретро вдвоем». Есть и совместный диск с Гариком Сукачевым. Меня, к слову сказать, на церемонии поразило исполнение Давида Д'Ора, он не просто хорошо пел, ему удалось передать атмосферу Израиля – мы с моей женой Мирой как будто вдруг оказались на летнем иерусалимском концерте на открытой площадке в праздничной теплой обстановке. Церемония вообще получилось удачной, интеллигентной и интеллектуальной. Ведущие Парфенов и Максимовская – это абсолютное «попадание». И

еврейский «Скрипач на крыше», врученная мне статуэтка, совершенно замечательный, без каких-либо условностей, с массой «живых» деталей, которые интересно разглядывать.

*Ἐὰ πόδα ἀπίει ἀπέε «Χαίλαε-εἰμί ἄ» Ἰὰ δὲ Ὀγαῖ Ὀγαῖεε ἰτέο-ἄὰ ἰδαί ἐρ ἰὸ εἰάδα ἀ ἰδαί ἐε
ὈΑἶ Δ «Χαίλαε ἄἄ - 576» ἰ ἀδῖ ἰτῖ ἀδὲ ἐὶ δὲ Δῖτῖε Ἀεἰεὶ ἐδὰ Ἰὸε ἀ*

– В этом скрипаче видна простая ненадуманная история, такие истории во всех ваших фильмах...

– Простые истории, а иногда вроде бы простые – это же самое интересное, из них и состоит наша жизнь. Вот внук Петр своего сына назвал Ильей в честь моего старшего брата, который погиб на войне. Мы с братом потеряли связь в июне 1941-го, как только он ушел воевать. И совсем недавно, пару лет назад, документы брата и его останки обнаружили в братской могиле под Коломной. Во рву, где десятка два тел было...

– Петр Ефимович, какие у вас планы?

– Снять фильм. Есть идея, сценарий, материал хороший, все есть, кроме денег. Очень хочу найти деньги и успеть снять этот фильм.

«Человек года – 5770» в номинации «Журналистика» главный редактор проекта «Сноб» Владимир Яковлев.

*Ἄ 1989 ἄὰὸ ἰτῖ ἰἄε ἄαδὸ «Ἐἰ ἰ ἀδῖ ὀυ», ἄἰ ἰτῖεἰ ὀεε ἐ ἰἄἰεὶ ἄἰἰε Ἐαἰ ἀεἰεε
ἄἰ, ἐἰὸ ἰδὲ ἄἰεἰεε ἄ 1994-1999 ἄἄ. Ἰ 2008 ἄἄ - ἄἄἰ ἰε δἄἄεὸ ἰδῖ ὀἰεὸ ἀ «Ἰἰἰ».*

– Моя мама абсолютно в восторге по поводу премии. У моей семьи в связи с нашим еврейством есть целая история. Большую часть своей жизни мама (ей сейчас за 70) скрывала свою национальность, делая это в том числе ради меня и моей сестры. Тогда казалось, что это – главный способ сделать нашу жизнь легче. За эти годы ей удалось научиться не говорить о своей национальности не только с другими, но и, в большой мере, с самой собой: мама фактически поверила, что никакого отношения к еврейству не имеет. Я много лет пытался убедить ее в обратном. Доходило до курьезов. Недавно мама позвонила мне со словами: «Ты знаешь, Володя, может быть, я все-таки не еврейка». Я спросил почему. Мама сказала: «Я нашла мамину трудовую книжку, в ней написано: “Вайнберг Рита Львовна, детский врач”, а национальность не указана!» Другая история: все мое детство у меня было трое друзей – Миша Шерман, Аркаша Каменьер и Саша Адамович, мы дружили всю школу. Так вот, они все трое были евреи, а я – русский...

О том, что я еврей, я узнал совершенно случайно в 18 лет. Мы втроем с сестрой и мамой пошли к портному. Это был известный в Москве портной по фамилии Глянец. Михаил Глянец. Мы встали в какой-то момент в ряд у его двери, и портной, оторвавшись от своей работы, посмотрел на нас и обратился к моей маме с очень характерным акцентом: «Ирочка, а у вас в роду не было евреечек?» И тут, совершенно

неожиданно для меня и сестры, мама сказала: «Ну, как же, Михаил Ефимович, моя мама была еврейка». Мы с сестрой были совершенно потрясены, и в этот момент началась история моих взаимоотношений с принятием собственной национальности и собственных корней. Так что получение премии от своего народа стало для меня важным моментом. Это первая премия, которую я получаю за проект «Сноб», и мне важно, что это премия от соплеменников.

*Ἐπισημοῦν ἐν τῇ ἱερῇ ἑορτῇ τῆς Ἰδῆς ἐν ἀίθρῃ «Ἐορτῆς ἐπισημοῦν» ἀπὸ τοῦ ὀργανοῦ τοῦ
ἐορτῆς «Νῆτᾶ»
Ἀσπῆτι ἐδοῦ Βεῖτᾶϊο*

– Для вас что-то стало неожиданным на церемонии?

– Ханука – это праздник, говорящий нам о том, что можно найти прекрасное даже в оскверненном храме. Для меня Дворец съездов – это, безусловно, многократно оскверненное место. Меня поразило, что в таком месте удалось создать такой прекрасный, теплый, хороший, по-человечески ценный праздник. Это произвело на меня очень сильное впечатление.

– В журнале и интернет-ресурсе «Сноб» много материалов, глубоких и ярких, так или иначе исследующих еврейские проблемы. На ваш взгляд, еврейская тема в нашей стране имеет свои особенности?

– Наверное, я ответил на этот вопрос, когда говорил о значении национальной идентичности в моей семье. Безусловно, еврейская тема в России имеет совершенно самостоятельные обертона: у нас есть целое поколение (а, может, и не одно) людей, которые вынуждены были не просто скрывать свою национальность от других, но зачастую скрывать ее и от самих себя. Сегодня вопрос о том, что такое быть евреем в России, – это для многих вопрос о том, что такое быть самим собой. И прекрасно, что мы можем говорить об этом в полный голос.

– В названии проекта «Сноб» ставшая фирменным знаком первая буква «С» наоборот – откуда она?

– Ее придумал замечательный художник Алексей Маслов. Мы работали над логотипом проекта, и он предложил эту перевернутую букву «С». Мне она сразу невероятно понравилась: у меня немедленно возникло ощущение, что она отображает некоторую глубинную суть проекта. «Сноб» – это история про право людей на индивидуальность, на то, чтобы быть самими собой и в собственных глазах, и в глазах любого общества, любой власти, любой группы людей. Про право каждого на идентичность. Для меня перевернутая «С» – она про то, что можно быть близким и понятным другим людям, но при этом оставаться

Άεάσι αί ύ Επιδί Αόσι αί ε Αάάει Υέείά έδεά

– Вам довелось поработать преподавателем истории, руководителем телевидения, ведущим различных телепрограмм. Чем вам больше нравится заниматься?

– Тем, что лучше получается, к чему душа лежит и есть талант, – телевизионной журналистикой. Сейчас у меня два проекта, оба на стыке журналистики и истории, и это пересечение мне наиболее интересно: делать «Исторические хроники» – большая серьезная работа, нами снято уже 90 документальных фильмов; и вести ток-шоу «Суд времени». Другое, не менее увлекающее меня занятие – преподавание, тем более что сейчас я читаю лекции по журналистике и основываюсь, получается, на собственном профессиональном опыте. Полученная мною награда, правда, не за работу на телевидении и не за журналистику, а за общественную деятельность. Эта оценка – лестная и ценная для меня, тем более что есть люди, которым в правозащитном деле удалось сделать много больше, и которые рискуют намного больше меня, особенно те, кто занимается проблемами Кавказа. Сегодня общественная работа стала, по сути, выражением гражданской позиции.

– История, преподавание, гражданская позиция – все это сошлось в обсуждении раскритикованного вами нового учебного пособия...

– Комиссия исторического факультета МГУ провела экспертизу этого учебника[2]. Крупнейшие историки сделали заключение по его поводу на 24 страницах. Отметили фактические и концептуальные ошибки, а также наличие в ряде тезисов ксенофобии и антисемитизма. Нашли даже больше ляпов и ошибок, чем мы первоначально. На мой взгляд, пособие не просто сделано не качественно, в нем присутствует профессиональное коварство: например, некое утверждение подкрепляется мнением академика Игоря Шафаревича. Но не уточняется, что Шафаревич – академик математики, а не истории, и в данном случае это частное мнение человека, на котором не может базироваться учебное пособие.

– «Всегда почему-то ксенофобия с бездарностью соседствует», – прочитала я недавно у Дмитрия Быкова.

– Конечно. Потому что ксенофобия – это проявление комплекса несостоятельности. Кто не бывает антисемитом? Тот, кто не чувствует себя глупее евреев. У нас сейчас очень много агрессии, раздражения, уличной грубости, причины у этого разные... И такая агрессия и категоричность находят для себя различные формы. Мало улыбок на лицах российских граждан...

[1] Дед, Николай Сванидзе, был первым секретарем Тифлисского горкома ВКП (б), министром путей сообщения Украинской ССР, репрессирован в 1937 году. Бабушка, Циля Сванидзе, работала в Женском совете ЦК ВКП (б).

[2] Учебное пособие для студентов вузов «История России. 1917–2009», написанное профессорами МГУ Александром Вдовиным и Александром Барсенковым. См. об этом: Суцая правда от Вдовина и Барсенкова // Лехаим. 2010. № 11.

ВЗГЛЯД И ЕГО ЭХО

Алексей Мокроусов

Ретроспектива Феликса Нусбаума в Музее еврейского искусства и истории в Париже впервые познакомила Францию с творчеством художника, чей масштаб лишь увеличивается с течением времени.

Ὁἰκέτης Ἰσραήλ.

Ἀπὸ τὴν ἴδὸν δὲ αἰῶνά

1940 ἄᾶ

«Ἰσραήλ ἡεῖδῆ».

Ἰψ-Ἐῖδε

Когда в 1932 году Феликс Нусбаум (1904–1944) отправился в Рим, на виллу Массимо, он вряд ли подозревал, что домой уже никогда не вернется. Римскую стипендию художник получил от Прусской академии искусств, решающей в награде стала его гротескная «Безумная Паризер плац», не только запечатлевшая самую красивую площадь Берлина, но и таившая в себе ироничные выпады в адрес президента Прусской академии художника Макса Либермана. Вместе с Нусбаумом стипендию получил и Арно Брекер. Как выяснится вскоре, ближайшее будущее достанется таким, как Брекер, – он окажется одним из важнейших художников рейха. На долю Нусбаума придутся скитания, концлагеря, побеги и Освенцим как надгробный камень.

Главным художником рейха еврей Нусбаум не мог стать по определению. Постоянный автор ёрнического журнала «Querschnitt», он был воплощением духа 1920-х, скандализировавшим общество и профессиональную среду. Те с трудом переживали сатиру, хотя и могли смириться с «новой вещественностью» как стилистическим направлением (Нусбаум был ему близок, поначалу, правда, восхищаясь Ван Гогом, затем Бекманом и Карлом Хофером).

Еврейские мотивы, многочисленные в его творчестве первой половины 1920-х, исчезают в конце десятилетия. От той поры мало что сохранилось. Зимой 1932/1933 годов сгорело берлинское ателье

художника, погибло полторы сотни работ – почти все, что он создал к тому времени. В апреле 1933-го Нусбаум вынужден уже оставить виллу Массимо.

Жизнь в эмиграции пришлось начинать с нуля. Исколесив Европу, Нусбаум вместе со своей будущей женой, польской художницей еврейского происхождения Фелкой Платек, поселяется в бельгийском Остенде. Хотя он выставляется в Париже и в Амстердаме, но чувствует себя в художественной изоляции, часто вынужден менять пансионы, ради заработка берется за любую работу – от иллюстрирования книг до работ по стеклу.

Когда началась война, бельгийские власти поставили Нусбаума на учет как «нежелательного иностранца», затем арестовали вместе с женой, отправив в концлагерь во французские Пиренеи. Им удалось бежать, но они не пытались покинуть Европу и вернулись отчего-то в Брюссель, где перешли на нелегальное положение.

В последние три года жизни появляются самые важные картины Нусбаума, представленные в Париже среди 40 полотен и двух десятков произведений на бумаге, – «Автопортрет с еврейским паспортом» (1943) и «Триумф смерти» (1944). «Триумф» он заканчивает 18 апреля. 20 июня Феликса и Фелку арестовывают солдаты вермахта по доносу соседей. Считалось, что вермахт не принимал участия в уничтожении евреев, но именно после этого ареста Нусбаумы попадают в лагерь Мехелен, откуда их 31 июля отправляют в Освенцим. Жить художнику оставалось два дня. Судьба его жены документально не подтверждена, но вряд ли здесь могут возникнуть сомнения. В октябре в Освенциме же погибли и родители Нусбаума. Они не видели сына с весны 1934 года, когда вернулись из Италии на родину.

В итальянские годы Нусбаум много рисовал пейзажи. В годы войны он поневоле занимался натюрмортами и автопортретами. Автопортреты получались, как правило, среди мертвой природы, разрушенных зданий и выжженных ландшафтов. Желтая еврейская звезда на груди – чем не часть застывшего от ужаса пейзажа?

Нусбаум смог изобразить, как выглядит взгляд человека, цепенеющего от боли, но все еще остающегося человеком. Он создает произведения искусства, которые одновременно оказываются чем-то большим, чем искусство, занимают собой пограничные пространства. Это и документ времени, и его диагноз одновременно, психологическая штудия и отчаянная надежда хоть в чем-то сохраниться для потомков. Говорят, Нусбаум просил друзей сделать все, что можно, чтобы его картины не исчезли бесследно. Что можно считать состоявшимся в этой судьбе – исполнение хотя бы одного его желания.

Впервые его работы появились на выставках десять лет спустя после войны. Сегодня большая часть наследия Нусбаума хранится в его музее в Оснабрюке. Открытие в 1998 году здания, построенного по проекту Даниэля Либескинда, стало событием национального масштаба.

Из Оснабрюка происходит большая часть показываемых в Париже работ. Но для афиши выбрали «Автопортрет в лагере» (1940) из нью-йоркской «Neue Galerie». Художник изобразил себя на первом плане, он смотрит зрителю в глаза. На фоне запечатлена сцена из лагерной жизни, процесс дефекации в бочку, около которой дожидается своей очереди фигура в белом.

Наверное, есть не менее точные образы мировой дисгармонии, пытающейся уничтожить человека как личность и в итоге – как вид. Но вряд ли что еще сравнится с автопортретом Нусбаума по силе противостояния внешнему хаосу. Иначе всем давно бы пришлось смириться с тем, что кажется неизбежным. И каждого бы звали Арно Брекер.

Выставка в Париже продлится до 23 января.

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

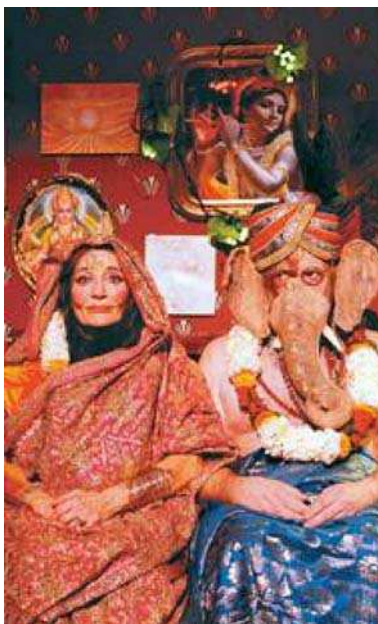
Майя Волчек

Режиссер А. Херманис

Поздние соседи

«Каммершпиле» (Мюнхен, Германия)

По рассказам Исаака Башевиса Зингера

А дай еао даидеааеу Ігаіа аадиіаеіаіа дааода (NET) а І ііеаі ііеааеі іі'аео'аеіі «І ігаіеа іііае», ііііааеаіііе іаіеі ес ео-еіо ііадаі аіііо даеіііадиіа, ааааіаеаі Ігаіа Веаіеіа о'ааода Аеаеііі Оади аіеііі іі даііеааі Еііаеа Ааеаеіа (еі'аада. Даііеааі а а іі'аео'аеіа еіі іеі'іааі і ааі, е еааароіу ііе ааі у аео'ааі е. х'оіау ііаао ііеіі-еоіі о'аі іе «ааіае», аі'ааеі, -оі Оади аіеіі'аоі'діе дас іадаііааоіу е о'аі'аао'аао (еі'аада, еіі іеі'е'о'аеіі і аеііе'о' діеае а «Ііііау'о' аоі'діе дас аііі'о'і'аао а І ііеаа а діе'е ааау' (і'адаіі аііе Еіа а іаі'іеі аіііе ііііа), аа і'адоі'адо'а аоі'діе дас дааі'о'аао іі Оади аі еііі, Оади аі еіі'аоі'діе дас іііае'е іі'аео'аеіі і іі'аде'еаа.. Іа е о'аао'е'о.

«Поздних соседей» Херманис поставил не дома, в Латвии, а в знаменитом мюнхенском театре «Каммершпиле». В спектакле заняты ведущие актеры труппы – Барбара Нюсе и Андре Юнг. Оба играют точно, тонко, без давления на зрительскую слезную железу и не заигрывая ни с публикой, ни с темой (а казалось бы – старики! Евреи!). Актеры меняют характеры и внешность: ко второму действию стройная Нюсе оказывается толстухой, а корпулентный Юнг худеет вдвое. Эти превращения, конечно, добавляют «Соседям» театральности, а актерам – азарта.

Первая часть спектакля – «Поздняя любовь» – неоднократно переносилась на сцену (см.: Майя Волчек. Михозлс и вокруг. Лехаим. 2010. №1). Вторая часть – «Сеанс» – играется, кажется, впервые.

В отличие от предшественников, Херманис ставит не пьесу, написанную по рассказу Зингера Валерием Мухарьямовым, а сам рассказ – персонажи даже говорят о себе в третьем лице. В пьесе Мухарьямова «Позднюю любовь» разыгрывают, как минимум, «на троих». У Херманиса героев вроде как двое. Но именно «вроде как».

Восьмидесятидвухлетний Гарри страдает артритом и простатитом. Он толст и по-стариковски неряшлив. Минут двадцать, не меньше, зрителю приходится наблюдать, как он раз за разом семенит в уборную, закидывает негнушающую ногу на кровать, мусорит кукурузными хлопьями, пускает газы. Но для Херманиса чрезвычайно важна физиологическая составляющая старости, поскольку, по мысли режиссера, главная трагедия человека в том, что стареет лишь тело. И дряхлый, закрывшийся в своей квартирке, точно устрица в раковине, Гарри преображается, влюбившись в новую соседку – Этель. Ромео за восемьдесят, его Джульетте под семьдесят, они кокетничают, хохочут, строят планы и обсыпают друг друга кукурузными хлопьями вместо розовых лепестков. Но иллюзии счастья, примерещившегося Гарри, не суждено сбыться. На следующий день он узнает, что Этель покончила с собой, не справившись с тоской по умершему мужу. Так надежды Гарри и Этель разрушает Прошлое – третий полноправный герой спектакля Херманиса.

Прошлое задавило, лишило воли и доктора Калишера – героя рассказа «Сеанс». Мыслями он постоянно возвращается из послевоенного Нью-Йорка, в котором живет, в довоенную Польшу, где оставил возлюбленную. Во время войны возлюбленная погибла, и теперь Калишер пытается вызвать ее дух с помощью медиума – тоже польской эмигрантки, мадам Копицкой. Он прекрасно понимает, что привидение, являющееся ему, – не его потерянная любовь, а статистка, нанятая мадам Копицкой. Но эти сеансы – все, что у него есть, а грузная немолодая мадам, разыгрывающая для Калишера дурацкий спектакль, – единственный человек, которому есть до него дело.

«Поздние соседи» спектакль длинный, идет больше трех часов. После первого действия некоторые критики уходили со словами: «Это законченная вещь, смотреть дальше – значит размыть впечатление». Однако Херманис объединил две вполне самостоятельные истории в одну не из прихоти, а с конкретной целью. И цель эта становится очевидной в конце второго действия, когда смешная мадам Копицкая наряжает себя и любимого доктора в одежды индийских богов и звучат финальные слова: «Мы будем жить вечно и любить вечно». Потому что любовь, конечно, не отменяет ни старости, ни смерти. Но сильно скрашивает их ожидание.

В том, что эта мысль близка и понятна Алвису Херманису, убеждает не только его творчество, но и биография. На премьере «Поздних соседей» в Москве режиссер присутствовать не смог – в Риге готовился появиться на свет его шестой ребенок. «Я просто понял, что спектакли долго не живут, и решил компенсировать это детьми», – объяснял он по телефону журналистам.

КИНО ПРО СЕБЯ

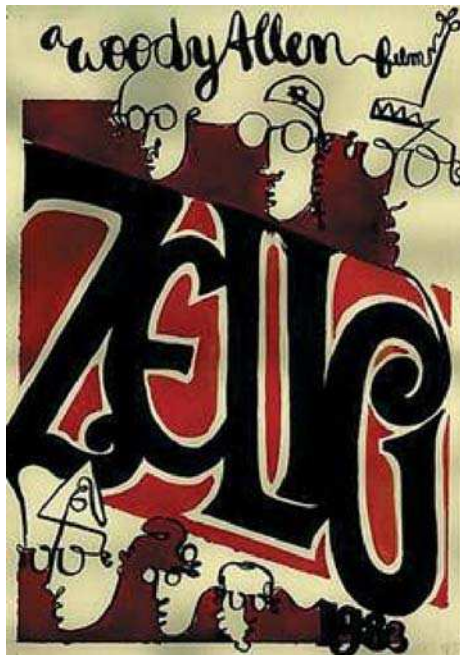
Матвей Ганапольский

Есть какая-то несправедливость в том, что мы часто забываем произведения искусства, на которых выросли, которые в той или иной степени повлияли не только на нашу судьбу, но благословили целые поколения. Напомнить о них, заново пережить в себе – задача нашей новой рубрики.

Режиссер Вуди Аллен

Зелиг

США. 1983 год

Абөөә бөёёй à Абәә Аёёай à «Зәёёә».
1983 аа

Название статьи не случайно – я позаимствовал его у Петра Вайля, последняя книга которого называлась «Стихи про меня». В своей книге Вайль писал о стихах, сформировавших его мировоззрение, путешествовавших с ним всю жизнь. «Стихи про меня» – о том, как чье-то творчество формирует личность. Этот эффект всегда зеркален – талантливое произведение отображает автора.

Но случаются ситуации необычные, когда произведение поднимается над конкретной личностью и отображает целую историческую эпоху или характер нации. И тут у автора подобного произведения есть два пути. Первый – выдумать Героя, эту историческую эпоху меняющего и приводящего нацию к ее триумфу. Именно по этому пути, пути героизации личности, шел и идет мейнстрим массового искусства. Творения с подобными героями – всегда блокбастеры, да и как может быть иначе, если все они вписываются в простую схему: «Пришел, увидел, победил!»

Но иногда авторы избирают иной путь. В их произведениях присутствует «герой наоборот» – личность маленькая, иногда даже никчемная – вспомним Башмачкина из гоголевской «Шинели». Однако подобный путь позволяет в рассказе не только подробно показать судьбу конкретного человека, но и – сквозь нее – все общество. Точно вписанный отдельный характер во взаимодействии с другими героями рисует образ мира, который героев окружает.

Фильм «Зелиг» Вуди Аллен снял в 1983 году. Те, кто фильм не видел, много потеряли. В-первых, это технический шедевр, потому что еще до компьютерных спецэффектов и «Форреста Гампа» Роберта Земекиса, Аллен умудряется вставлять своего героя, которого по обычаю сам же и играет, в реальные документальные съемки. Такие эффекты когда-то, в старые времена, называли «комбинированными съемками», и в них всегда были видны швы.

В «Зелиге» швов не видно. Сюжет фильма незатейлив, хотя и фантастичен, вот как излагает его кинокритик Станислав Никулин: «США. Конец 1920-х годов. Эпоха джаза, подпольных клубов и дешевого алкоголя (если, конечно, вы сможете его достать). Газеты готовы растиражировать любой скандал, раздуть из малоинтересного факта сенсацию мирового масштаба. Персона Леонарда Зелига подходит для этого идеально. Зелиг – человек-хамелеон, он с поразительной точностью перенимает повадки людей, с которыми вступает в контакт. Это относится не только к профессии или социальному статусу его окружения, но и к национальности и даже цвету кожи. Только что он был гангстером, вальяжно наблюдающим за танцполом одного из клубов, через несколько минут он уже играет на сцене в составе негритянского оркестра. Врачи помещают Зелига в больницу, где пытаются разобраться в причинах этого феномена. Наблюдение ведет молодой психиатр Эйдора Флетчер. Почуяв “жареное”, журналисты разносят весть о Зелиге по всей стране. США с замиранием сердца следят за судьбой нового любимца нации».

К этому описанию можно кое-что добавить, поскольку фильм многослойный. Есть слой чисто сюжетный: Эйдора Флетчер начинает серию психологических экспериментов над Зелигом, цель которых – не только понять природу его превращений, но и попытаться сделать его полноценным человеком, выявить его сущность и закрепить ее. Эти эксперименты снимаются на киноплёнку, и мы видим сеансы психотерапии, где Зелиг рассказывает о себе. Естественно, как и полагается, по ходу фильма между врачом и пациентом возникают любовные чувства. Исследования то прекращаются, то продолжаются, Зелиг сбегает из дома Флетчер, где проводились эксперименты, но доктор не теряет надежды его найти. Она едет в Германию, где Зелига видели в окружении Гитлера (!), находит его, и они спасаются на самолете. Прибыв в Америку, Зелиг снова становится героем, врач и пациент женятся, и все заканчивается хеппи-эндом. Видимо, читатели обратили внимание на то, что автор употребил выражение «снова становится героем». Дело в том, что Зелиг уже был героем, и об этом нужно сказать особо, потому что Вуди Аллен мастерски описывает взлет и падение маленького человека в огромной машине массовой культуры – это особый слой его фильма, слой откровенно издевательский. Свойство Леонарда Зелига меняться вначале вызывает удивление, а потом кто-то произносит, что он меняется, как хамелеон. В наше время сказали бы, что придуман слоган. И вот Аллен с юмором описывает, как Зелига начинают везде приглашать, но с целью демонстрации его как в цирках демонстрируют бородатых женщин и двухголовых мужчин. А потом выражение «как хамелеон» летит в народ, и появляются песенки про хамелеона, танец хамелеонов, стишки для детей, картинки и прочая лабуда, которая, на народном уровне, сопровождает любое крупное и, главное, непонятное явление. Всем, собственно, наплевать, почему в Зелиге развилось подобное свойство, почему неглупый и симпатичный человек, лишь полностью потеряв свое «я» и став незаметным среди окружающих, обретает относительный, хотя и тревожный покой. Это важный слой фильма, хотя не все его замечают за бурлеском сюжета, прекрасных актерских ролей, фонтана юмора. Однако далее, где-то в середине фильма, начинается закономерное падение Зелига, ибо если человек не более чем дополнение к своим диковинным способностям, то нетрудно предположить, что они могут слишком далеко завести своего хозяина. Если что-либо перемножить на ноль, то ноль и получится. И Вуди Аллен в фильме гениально решает эту философскую задачу.

Неожиданно, в то время, когда Зелиг переживает вершину взлета как балаганный персонаж, несколько женщин предъявляют ему иск, так как он является их мужем и отцом их детей. Эти женщины живут в разных местах Америки, но Зелиг в своих путешествиях успел много где побывать и, бесконечно перевоплощаясь, умудрился несколько раз стать мужем и папой. Самое интересное, что перевоплощался Зелиг полностью, поэтому он не помнит, что жил с этими женщинами и что является отцом. Он лишь лепечет, что перед ними всеми он извиняется. Тут, однако, общество ханжески поворачивается к Зелигу спиной. Все требуют немедленного осуждения ярмарочного персонажа и... даже его смерти (его называют угрозой Америке). Причем, если добропорядочные домохозяйки видят в Зелиге только развратника и разрушителя семейных ценностей, то, например, Ку-клукс-клан возмущен тем, что еврей способен превращаться как в индейца, так и в негра. Именно тогда Зелиг, не выдержав травли, убегает. И только врач Флетчер не теряет надежды его найти и отправляется в Германию, о чем уже изложено выше.

Удивительно, сколь о многом можно сказать, просто рассказывая сюжет. Но это восхищение Вуди Алленом только подчеркивает, что о его мировоззренческих идеях следует говорить серьезно, хотя он их нигде особо не декларирует. Истинный философский смысл «Зелига» замечаешь после просмотра ленты в третий-четвертый раз, да и то, если захочешь приглядеться.

Вуди Аллен не навязывается. Даже свое сценическое имя Аллен Стюарт Кенигсберг взял у джазового музыканта Вуди Германа. Он, Вуди Аллен, обожает джаз, оформляет джазовыми мелодиями практически все свои фильмы, пусть даже не к месту, и, говорят, еженедельно играет на кларнете в небольшом джаз-кафе на Манхэттене.

Фильм и самый образ Зелига иногда трактуются вполне традиционно. Чтобы взглянуть на Зелига под другим углом, необходимо внимательно приглядеться к главным сценам фильма, когда Флетчер проводит психотерапевтические сеансы. Вводя Зелига в гипноз, заставляет его рассказывать о себе. И тогда-то, когда из уст героя мы слышим настоящую историю его жизни, многое становится на свои места.

«...Леонард Зелиг – сын еврейского актера Мориса Зелига. Второй брак Зелига-старшего сопровождается постоянными ссорами. В детстве Леонарда часто обижают антисемиты. Но родители никогда не принимали его сторону, а обвиняли во всем, наказывали, закрывая в темном шкафу... На смертном одре Морис Зелиг говорил сыну, что жизнь – это бессмысленный кошмар страданий, и его единственный совет – беречь смычок... Брат Джеки был душевнобольным, сестра Руфь занималась воровством в магазинах, потом стала алкоголичкой».

Непростая биография? Если отбросить юмор, то перед нами еврейский мальчик, подвергаемый насилию, растущий без защиты, не имеющий образца для воспитания собственной личности. Последнее – главное. Не зря, когда Флетчер вводит Зелига в гипноз и старается убедить его, что все, кого он изображает, на самом деле лишь плод его фантазии, пациент, извиваясь как уж в кресле, все время повторяет одну и ту же фразу: «Нет, я никто и ничто!..»

Глядя на эту сцену, понимаешь, что слова эти для него не унижение, а спасительная соломинка привычного.

И именно под воздействием гипноза и, думается, только благодаря ему Леонард Зелиг медленно рассказывает детали своей биографии – типичной биографии ребенка из еврейского района любого большого города или крохотного местечка.

Вопрос – о чем фильм. Почему выбран герой-еврей. Удивительно ли, что он избрал для себя путь сверхконформизма, который реализует не только на ментальном, а даже на физическом уровне.

Один из психиатров говорит о Зелиге: «Думаю, ему хочется быть понятым, принятым, любимым». Но разве Вуди Аллен, у которого еврейская тема видна в каждом фильме, занимается только Зелигом? Рассказ о Леонарде Зелиге – метафорический рассказ о судьбе еврейства, потере самоидентификации, мучительных поисках, как выразить себя. Поисках иногда смешных, иногда грустных. Биография Зелига – вроде бы биография конкретного человека, но это биография целой нации. Разве история еврейства, особенно европейского, не есть история Зелига? Это история народа, рассеянного по Европе, забывшего язык и культуру, старающегося раствориться в местной публике, приспособиться и стать похожим. Чтобы не заметили, что чужой. При этом завет, который дал сыну Морис Зелиг: «Береги смычок», свято выполняется.

«Зелиг» – не осуждение конформизма. Автор не может не любить своего героя, особенно если он сам же его и играет. Леонард Зелиг никому не причиняет вреда. Он просто хочет, чтобы его никто не видел, но это в результате оказывается еще хуже, чем быть заметным. И еврей Зелиг выбирает не какие-нибудь особые формы своего существования – но обычные, цивилизованные. Эта картина о мучительном поиске себя. О преодолеваемой родовой робости. О преодолении привычного опасения, что сейчас будешь бит. О самоуважении и достоинстве, которое иногда старательно прячешь, но которое и определяет твое будущее. В мировой искусствоведческой критике есть весьма справедливое объяснение того, почему классические произведения, написанные много веков тому назад, мы смотрим в театре или в кино, не отрывая взгляда. Считается, что идей в этих произведениях больше, чем вкладывали авторы.

Сам Вуди Аллен не объяснял, что именно в его «Зелиге» было наиболее важным. Как всегда, авторы заявляют, что их произведения – не более чем история любви.

Что ж, пусть будет так. Важно, что для меня этот фильм останется рассказом о преодолении национальной робости и обретении собственного голоса. А через пятьсот лет пусть мои потомки и потомки Леонарда Зелига найдут в этой ленте Вуди Аллена что-то совсем другое. Пусть даже это будет какая-то история про Интернет, хотя в фильме о нем не упоминается.

КАДИШ: НАША ПАМЯТНАЯ ДАТА

ЭХУД НЕЦЕР: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ИРОДИОНЕ

28 יְהוֹרָאָה אֶעֱדוּנֵהֶם לְפָנֶיךָ אֱלֹהֵינוּ עֹבְרֵי הַיַּם הַיָּבֵשׁ, יִיבֹ-אִלְיָשׁ לֹא דַחְרִיעַשׁ עֲדֵרְעִילָא, אֶלְ עֲדֵרְעִילָא 76 עָבֹד לְפָנֶיךָ אֱלֹהֵינוּ עֲדֵרְעִילָא יְהוֹרָאָה אֶעֱדוּנֵהֶם

Он раскапывал Масаду вместе с отцом израильской археологии Игалем Ядином, затем занимался исследованием памятников иродианской и римско-византийской эпох: Кейсарии, Сеффориса, остатков дворцового комплекса хасмонейских царей в Иерихоне. Однако подлинной страстью Нецера стал Иродион — уникальная крепость-поселение в Иудейской пустыне, в 15 километрах к югу от Иерусалима, основанная царем Иродом Великим на специально насыпанном по его приказанию стометровом холме и названная в его честь. За свою «мономанию» Нецер даже получил от журналистов прозвище «Индиана Джонс библейской археологии». Ученый признавался, что и после десятилетий раскопок он испытывает, приближаясь к Иродиону, «чувство благоговейного восторга и восхищения». Архитектор по первому образованию, Нецер восхищался Иродом как гениальным коллегой, называя его градостроителем «с железной логикой и хорошим воображением», который первым в мире перешел к комплексной застройке. В Иродионе Нецер видел вершину архитектурной мысли иудейского царя.

Роман Нецера с Иродионом начался еще в 1972 году. С самого начала основной целью его поисков был саркофаг Ирода — ведь из сочинений Иосифа Флавия явствовало, что царя похоронили именно здесь. Однако на протяжении 35 лет раскопки не приводили к желаемому результату. Археологам удалось найти римские бани, систему тайных фортификаций с водяными ямами, туннелями и лазами для внезапных атак, раскопать вход во дворец и остатки крепости — но гробница Ирода оставалась найденной. И вот в мае 2007 года Нецер сделал сенсационное заявление — руководимой им экспедиции удалось найти остатки захоронения великого царя. Оказалось, что искать надо было выше по склону холма и к тому же с другой его стороны.

Увы, ни останков Ирода, ни описанной Иосифом Флавием золотой кровати, ни даже гробницы как таковой обнаружить не удалось. Ученые нашли лишь осколки саркофага, украшенного различными орнаментами и обработанного красноватым известняком. Все это дало скептикам повод для сомнений — действительно ли найденные фрагменты были некогда саркофагом Ирода? Однако Нецер не сомневался в своей правоте. Он предположил, что захоронение было разграблено во время восстания 66–72 годов н. э., тогда же были уничтожены останки Ирода, которого боровшиеся с Римом иудеи ненавидели как римского ставленника и узурпатора-царевубийцу.

Осенью 2007 года по приглашению Русского общества друзей Еврейского университета в Иерусалиме Нецер приезжал в Петербург и рассказывал студентам о том, что знал, пожалуй, лучше всех в мире, — об архитектуре эпохи Ирода. На вопрос одного из слушателей, считает ли он, что с обнаружением остатков саркофага раскопки в Иродионе закончены, Нецер ответил, что археологическая экспедиция будет работать еще несколько лет и что вполне вероятны дальнейшие открытия. Так и оказалось. В конце следующего года стало известно, что археологи нашли театр Ирода на 400 мест. Особую ценность находке

придавала царская ложа с прекрасно сохранившимися фресками в римском стиле, напоминающими роспись императорской виллы в Помпеях.

По трагическому стечению обстоятельств эта находка оказалась роковой для Нецера. 25 октября 2010 года после совещания с сотрудниками на месте раскопок он зашел в царскую ложу и облокотился на металлические перила. Несколько болтов не выдержали давления, и перила рухнули вниз с шестиметровой высоты вместе с профессором. В результате удара об землю Нецер получил тяжелейшие травмы головы и перелом шейных позвонков. Врачи госпиталя «Адасса Эйн-Керем» оказались бессильны.

יֵעֹבֵד יֵאֱבִיב

НАШИ АВТОРЫ

Ἰάνης Ἀεαεῖνιάδης ἀόδι ἀεῖνῶ. Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2002».

Ἀιὰ ὀϊεῖς Ἀεῖνᾶ ὀϊεῖς (ἄ. 1955) εἰς αἰῶν-ἡμέρας живет в США.

Ἴωάννης Ἀσπυῖ (ἄ. 1987) πρῶτος ἰσχυρὸς ἀσπυῖ Ἄσπυ – Высшей школы экономики и журналист-фрилансер. Сотрудничал с Би-би-си, «Лос-Анджелес таймс», Infox.ru, журналами «Хулиган», «Колокол» и др.

Ἀσπυῖ Ἀσπυῖ (Ἀσπυῖ) ἰσχυρὸς, εὐδὸς Печаталась в журналах «Новый мир», «Арион», «НЛО», в газетах «ExLibris», «Книжное обозрение». Лауреат премии «Anthologia» (2007).

Ἰάνης Ἀεαεῖνᾶς (ἄ. 1946) εἰς ἰσχυρὸν ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν ἐ ἰσχυρῶν-εῖς В его переводах издано более 40 книг.

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς ἰσχυρῶν ἐ ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν-εῖς, πρῶτος ἀεῖνῶ. Печатается в литературных журналах России («Новый мир», «Дружба народов») и Израиля («22», «Зеркало»).

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς ἀόδι ἀεῖνῶ, εἰς ἰσχυρῶν Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1953) ἀόδι ἀεῖνῶ, ὀϊεῖς Лауреат многочисленных журналистских премий: трижды финалист «Тэфи», премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς ἀόδι ἀεῖνῶ, ἀσπυῖ πρῶτος ἐ ἰσχυρῶν Публиковалась в изданиях «Частный корреспондент», «Стенгазета», «Еженедельный журнал» и др.

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1946) ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν, ἐ ὀϊεῖς εὐδὸς Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1977) ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν ἐ ἐ ὀϊεῖς εὐδὸς Первый лауреат премии «Дебют» в области прозы («Опыты бессердечия», 2000).

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς ἰσχυρῶν, εἰς ἰσχυρῶν печатается в журналах «Октябрь», «Смена», «Свободный доступ».

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1959) ἀσπυῖ ἰσχυρῶν, ἐ ὀϊεῖς, ἰσχυρῶν-εῖς ἢ ἐ ὀϊεῖς, ἀσπυῖ, ἰσχυρῶν («Ὀϊεῖς ἢ ἀσπυῖ») [Ἀσπυῖ ἀσπυῖ ἐ ὀϊεῖς ἰσχυρῶν]; Ἰσχυρῶν ἰσχυρῶν «Ἰσχυρῶν», ἀσπυῖ ἰσχυρῶν «Ἰσχυρῶν-εῖς».

Ἰσχυρῶν Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1960) ὀϊεῖς, ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν-εῖς, ἐ ὀϊεῖς εὐδὸς, ἀσπυῖ ἰσχυρῶν-εῖς Автор романа-мемуара «Билеты в кассе».

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1970) ἰσχυρῶν, ἰσχυρῶν: «Случай», «Не-зрение», «Волга меда и стекла», «Нефть», «Ай-Петри», «Гуш-мулла». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1963) ἰσχυρῶν автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

Ἀεῖνᾶς Ἀεῖνᾶς (ἄ. 1970) ἀόδι ἀεῖνῶ, ἰσχυρῶν ἰσχυρῶν «Ἰσχυρῶν». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Αδαάεε ΕΓΓΑΕΙΨ ΑΙ (α. 1949) εἰὸ ἰδεε, ραάαοφ τῖεε εαοάαοἱ εεεεεε ΕΝΑΑ Ἰ ΑΟ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Αάαίεε Εάαεἱ (α. 1973) αεοἱάεεἰὸ, ἰάααἱά-εε, ααοἱθ ἰἱἱάεε ἰἱ αάαεἱεἱε εοάαεοεε.

Αοάἱάεε Ἰ αἱ αἱά (α. 1960) ἰεἱἱοάεἱ ἱαοἱάεεἰὸ. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Лауреат премии им. Казакова (2007).

Αάαεε Ἰ αδεεσ (α. 1938) ἰεἱἱοάεἱ ἱαἱάεεἰὸ, αεοἱάεεἰὸ. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг», сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий.

Αεεεἱε Ἰ ἰεοἱἱά (α. 1965) εεοάαοοοἱἱε ε οαἱάεἱθ αἱἱἱε εεοεε, печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Αεαἱά Δεἱ ἰἱ εεοάαοοοἱἱά, ἰάααἱά-εε, αἱοαἱο εαοάαοἱ αάαεἱεἱά ἰαἱεαεἱ ἁ ερδαεεἱεἱεἱ οἱ εααἱεοαοἱεἱεἱ οαἱοδα «Αδεἱεἱ», οαἱεοἱθ ε εἱἱ ἰ αἱοαοἱθ («Ивритская литература в русских переводах: Антология» и др.).

Αἱεεε Δἱἱ αἱἱάεεε (α. 1952) ἱαεεαεεἰὸ ἰἱ ἱἱάεεαε αάαεἱεἱε εἰὸ ἰδεε, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

Εάα Οἱἱεεἱ (α. 1965) ἰοἱαεε, ἱἱεἱεἰὸ, автор сборников рассказов «Медицинская сестра Анжела» и «Русские истории», а также биографии адмирала Василия Чичагова. Ведет историческую колонку на Полит.Ру.

Αάεἱ Οοάεἱαεἱἱ (α. 1937) οαἱεἱ, ἰάααἱά ο-αἱἱε, ἰἱ-αοἱἱε αἱεοἱθ οἱαα οἱ εααἱεοαοἱά Ερδαεεἱ ε ΝΟΑ. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Ἰ εοαεε Ἰαεἱεοαεἱ (α. 1972) οεεἱεἱά εεοάαοοοἱἱε εεοεε, зав. редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Новом мире», «Знамени», «НЛО», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Αἱἱ Ἰοἱά ἰἱεεοἱεἱ ἰεεεεἱεἰὸ, печатается в израильской и американской периодике («Вести», «Мост», «22», «Форвардс» и др.). Владелец и директор портала «Русские евреи» (www.rjews.net), редактор аналитического сайта «Хроники Иерусалима» (gazeta.rjews.net).